

Инкарнация Аримана в 20-м веке.

Введение

Дон Хуан Матус как маска ариманического посвящения XX века

Размышления, которые я хочу предложить, могут показаться странными даже для антропософской среды.

С одной стороны, тема инкарнации Аримана давно уже обсуждается. О ней говорят, спорят, строят схемы, называют даты, ищут признаки, пытаются сопоставлять отдельные события с теми или иными указаниями Рудольфа Штайнера. С другой стороны, чем больше я встречаю таких рассуждений, тем сильнее у меня возникает ощущение, что очень часто мы смотрим не туда.

Мы ищем Аримана там, где страшно.

Ищем его в войнах, катастрофах, терактах, концлагерях, эпидемиях, политических диктатурах, тайных правительствах, банковских схемах, цифровом контроле, медицинских экспериментах, искусственном интеллекте, глобальной технике и прочих явлениях, которые вызывают у человека тревогу, отторжение или страх.

Но в том-то и дело, что Ариман вовсе не обязан приходить туда, где нам страшно.

Более того, если мы действительно хотим мыслить этот вопрос антропософски, а не просто эмоционально, то мы должны поставить перед собой неприятный вопрос: а не следует ли искать Аримана как раз там, где человеку становится удобно, спокойно, комфортно, самодовольно и земным образом хорошо?

Не там, где человек кричит от ужаса, а там, где он перестаёт нуждаться в Небе.

Не там, где рушатся города, а там, где земная цивилизация становится настолько мощной, благоустроенной и самодостаточной, что человеку уже начинает казаться: никакого иного мира ему больше не нужно.

Именно здесь, как мне представляется, начинается подлинная ариманическая проблема XX века.

Обычно вопрос об инкарнации Аримана пытаются решить слишком просто. Берётся число 666, умножается на три, получается 1998 год, и дальше уже начинается поиск событий, которые можно было бы к этой дате привязать. Взрывы домов, башни-близнецы, ковид, цифровизация, мировые элиты, трансгуманизм — всё это затем выстраивается вокруг заранее найденной даты.

Но такой подход меня не убеждает.

Не потому, что числа вообще ничего не значат. В духовной истории числа, ритмы и циклы, конечно, имеют значение. Но когда живое духовное исследование подменяется

арифметикой, мы уже попадаем в область не понимания, а исчисления. А исчисление без понимания — это как раз та область, где Ариман чувствует себя вполне дома.

Если мы хотим понять инкарнацию Аримана, мы должны начинать не с календаря, а с вопроса о цели.

Что хочет Люцифер?

Что хочет Христос?

Что хочет Ариман?

И только после этого можно спрашивать: где, когда и через какую форму такая цель могла войти в земную историю?

Люцифер хочет оторвать человека от Земли. Он хочет внушить человеку ощущение, что всё главное уже дано, что мир уже пронизан мудростью, что человек может жить в красоте, культуре, философии, созерцании и духовном блеске, не проходя до конца трудный путь земной морали. Люцифер даёт человеку мечту о бессмертии духа. Бессмертие мудрецов, философов, поэтов, гениев, учителей, великих имён. Это не преодоление смерти, а тончайшая иллюзия её преодоления.

Христос действует совершенно иначе. Он не уводит человека от Земли и не замыкает его в земном. Он проходит через смерть, чтобы открыть человеку реальную возможность воскресения. Не блестящую иллюзию бессмертия, а действительное бессмертие души. Христос не отменяет земную судьбу, не презирает тело, не уничтожает смерть внешним чудом. Он проходит через неё и преображает саму внутреннюю основу человеческого бытия.

Ариман стоит на другом полюсе.

Он не хочет увести человека от Земли, как Люцифер. Он хочет приковать человека к Земле. Не грубо, не обязательно насильственно, не обязательно через страх. Гораздо глубже — через любовь к земному состоянию, через комфорт, через безопасность, через продление жизни, через техническое овладение телом, через земную ясность, через такое устройство мира, при котором человек постепенно теряет живое чувство своей небесной Родины.

Люцифер говорит человеку: зачем тебе Земля, если есть мудрость?

Ариман говорит иначе: зачем тебе Небо, если Земля может стать окончательной?

И вот здесь мы подходим к самому главному.

Если Люцифер связан с иллюзией бессмертия духа, а Христос — с реальным бессмертием души, то Ариман должен быть связан с третьим видом бессмертия: с бессмертием земного сознания.

Не с воскресением.

Не с преображением души.

Не с возвращением к Отцу.

А с удержанием сознания, которое не хочет пройти через духовный мир, не хочет раствориться в высших иерархиях, не хочет пережить очищение, не хочет войти в нормальный кармический ритм между смертью и новым рождением.

Такое сознание хочет остаться собой.

Остаться бодрствующим.

Остаться собранным.

Остаться властным.

Остаться земным.

Именно поэтому инкарнацию Аримана нельзя искать только в области политики, экономики или техники. Всё это, конечно, важно. Но прежде чем Ариман сможет проявиться как внешняя техника, он должен явиться как техника сознания.

И вот здесь, как мне кажется, мы подходим к одной из самых недооценённых фигур XX века — к дону Хуану Матусу из книг Карлоса Кастанеды.

Я сразу хочу оговориться. Я не собираюсь строить статью на наивном утверждении, будто дон Хуан Матус является документально доказанной исторической личностью в обычном биографическом смысле. Вопрос о том, был ли он конкретным индейским старцем, собирательным образом, литературной маской или чем-то ещё более сложным, сам по себе важен, но он не является для меня решающим.

Для духовной симптоматиологии важнее другое.

Через образ дона Хуана в западное сознание вошёл совершенно новый тип посвящения. Не христианского. Не морального. Не церковного. Не розенкрейцерского. Не антропософского.

Это посвящение в силу.

В восприятие.

В сновидение.

В безупречность без покаяния.

В дисциплину без любви.

В свободу без Христа.

В преодоление смерти без воскресения.

В сохранение осознания без возвращения к Отцу.

Именно это делает фигуру дона Хуана настолько важной. Он не просто шаман, не просто литературный персонаж, не просто символ контркультуры 1960-х годов. В нём с поразительной полнотой выступает образ ариманического посвящённого: старца на границе жизни и смерти, который учит не спасению души, а технике прохождения через смерть с сохранением земного сознания.

И если это так, то вопрос об инкарнации Аримана в XX веке может быть поставлен совершенно иначе.

Может быть, Ариман пришёл не как диктатор.

Не как банкир.

Не как учёный.

Не как создатель цифровой машины.

Не как политический реформатор.

Может быть, он пришёл гораздо тише — как невидимый учитель, как старец без биографии, как фигура на границе этнографии и мифа, как мистериальная маска, через которую человечеству впервые была открыта возможность ариманического бессмертия.

И тогда 1960-е годы оказываются не просто эпохой хиппи, психоделии, сексуальной революции, рок-музыки и бунта против старого мира. Они становятся моментом глубочайшего духовного перелома.

До этого XX век горел в люциферически-зоратовском огне: войны, революции, концлагеря, массовые убийства, идеологическая ярость, культ вождей, уничтожение народов и классов. Но после середины века начинается другое движение. Человечество устаёт от смерти и хочет мира. Хочет здоровья. Хочет комфорта. Хочет безопасности. Хочет долгой жизни. Хочет расширенного сознания. Хочет духовности без страдания и бессмертия без Голгофы.

И именно в этот момент появляется Кастанеда.

Именно в этот момент появляется дон Хуан.

Именно в этот момент западный человек впервые массово слышит: смерть можно не просто принять, не просто победить через Христа, не просто осмыслить философски, а технически обойти. Через особую дисциплину сознания. Через сновидение. Через внимание. Через безупречность. Через сохранение осознания.

Вот почему я считаю необходимым поставить вопрос о доне Хуане не в области литературной критики и не в области этнографии, а в области антропософской симптоматиологии.

Не был ли дон Хуан Матус самой значительной маской ариманического посвящения XX века?

Не через него ли западному человечеству была впервые дана не просто новая эзотерическая мода, а прообраз того, что сегодня уже переходит в трансгуманизм,

цифровое бессмертие, нейротехнологии и мечту о сохранении сознания без духовного мира?

И не потому ли антропософы так часто проходят мимо этой темы, что привыкли искать Аримана там, где шумно, страшно и очевидно, тогда как он, быть может, вошёл в культуру через фигуру тихого, неуловимого старца, который не звал человека к Небу, но учил его не исчезнуть после смерти?

Именно об этом я и хочу поговорить в этой статье.

1. Три инкарнационные цели: Люцифер, Христос, Ариман

Чтобы понять, где и как могла произойти инкарнация Аримана, надо вначале отказаться от слишком простой привычки рассуждать о Люцифере, Христе и Аримане как о трёх «силах», «влияниях» или «персонажах» духовной драмы.

Это, конечно, тоже верно. Но этого недостаточно.

Потому что Люцифер, Христос и Ариман отличаются не просто характером своего действия. Они отличаются самой целью своего отношения к человеку. А значит — к телу, к смерти, к душе, к духу, к земной эволюции и к кармическому ритму человеческого существования.

Именно здесь чаще всего и начинается путаница.

Мы слишком легко говорим: это люциферическое, это ариманическое, это христианское. Но за этими словами часто не стоит ясного понимания: чего, собственно, хочет каждое из этих существ? Какую конечную цель оно преследует? Какой образ человека оно хочет утвердить?

А без этого вопрос об инкарнации Аримана вообще нельзя поставить правильно.

Потому что инкарнация такого существа не может быть случайным эпизодом. Это не просто рождение необычного человека. Это не появление злодея, мага, диктатора или тайного властителя. Это событие, через которое в человеческую историю входит определённая духовная возможность. Такая возможность, которая раньше не могла быть дана человечеству в полной мере.

Поэтому надо спросить просто и прямо.

Что дал человеку Люцифер?

Что дал человеку Христос?

И что хочет дать человеку Ариман?

Люцифер входит в человеческую эволюцию как великий искушитель завершённости. Он хочет внушить человеку ощущение, что всё главное уже есть. Что мир уже пронизан мудростью. Что человеку не надо проходить долгий, мучительный, земной путь становления. Что не нужна тяжёлая школа морали, не нужна боль совести, не нужен труд преобразования воли, не нужна карма как длительное воспитание человеческого Я.

Люцифер говорит человеку примерно так:

зачем тебе вся эта Земля, вся эта тяжесть, все эти страдания, вся эта медленная эволюция, если ты уже можешь приобщиться к мудрости?

Он не обязательно говорит это грубо. Наоборот, Люцифер почти никогда не действует грубо. Его область — красота, сияние, вдохновение, философия, высокая культура, образность, миф, тонкая духовная гордость. Он умеет поднимать человека над земной обыденностью. Он умеет давать ощущение, что человек выше жизни, выше тела, выше смерти, выше судьбы.

Но в этом и заключается опасность.

Люцифер не преодолевает смерть. Он создаёт иллюзию её преодоления.

Он даёт человеку бессмертие имени, бессмертие мысли, бессмертие культуры, бессмертие гения. Великий философ умер, но его идеи живут. Поэт умер, но его строки продолжают звучать. Художник умер, но его картины остаются. Мудрец умер, но его учение передаётся дальше. Человеческий дух как будто побеждает смерть в культуре, в памяти, в предании.

И здесь есть правда.

Но это ещё не христианская правда.

Потому что бессмертие имени — это не бессмертие души. Бессмертие произведения — это не воскресение человека. Бессмертие мысли — это не преображение Я. Культура может хранить след человека, но она не спасает его душу. Великая мудрость может пережить века, но сама по себе она не даёт человеку реального прохождения через смерть.

Люцифер хочет дать человеку дух без Голгофы.

Мудрость без покаяния.

Красоту без креста.

Вдохновение без нравственного преображения.

Именно поэтому люциферическое всегда так тонко и так соблазнительно. Оно не обязательно низко. Оно часто как раз высоко. Иногда слишком высоко для человека. Оно поднимает его над Землёй раньше времени, прежде чем человек успел пройти земную школу свободы, совести и любви.

Христос действует совершенно иначе.

Он не соблазняет человека преждевременным выходом из земной эволюции. Он не говорит человеку: оставь Землю, оставь тело, оставь судьбу, уйди в чистую мудрость. Христос входит в самое сердце земной судьбы. Он принимает рождение, тело, страдание, смерть. Он не обходит смерть, не украшает её философией, не закрывает её блеском культуры. Он проходит через неё.

В этом всё отличие.

Люцифер как бы говорит: смерти нет, потому что есть мудрость.

Христос говорит иначе: смерть есть, но она может быть преодолена изнутри.

И потому Христос не даёт человеку иллюзию бессмертия. Он даёт ему реальную возможность бессмертия души.

Не бессмертия памяти.

Не бессмертия имени.

Не бессмертия философского учения.

А бессмертия самой человеческой души, способной пройти через смерть и не потерять связь с божественным источником своего бытия.

Христос не уничтожает земную эволюцию. Он освящает её. Он не отменяет карму. Он становится её Владыкой. Он не освобождает человека от необходимости проходить путь становления. Он даёт человеку силу пройти этот путь так, чтобы земная жизнь не стала тюрьмой, а духовный мир не остался недостижимой абстракцией.

Если Люцифер хочет увести человека от Земли вверх, в преждевременную духовность, то Христос соединяет Землю и Небо.

Он даёт человеку возможность не бежать от Земли, но и не застревать в Земле.

Именно поэтому Христос стоит в середине.

Не в смысле компромисса между Люцифером и Ариманом, а в смысле подлинного космического равновесия. Он удерживает человеческую душу от двух крайностей: от люциферического не-рождения и от ариманического не-развоплощения.

Потому что есть две опасности.

Одна опасность — не захотеть входить в земную судьбу, не принять тело, не принять труд, не принять страдание, не принять медленное созревание человеческого Я.

Это люциферическая опасность.

Другая опасность — настолько полюбить земное состояние, настолько срастись с телом, комфортом, техникой, земным сознанием и земным самодовольством, что душа уже не захочет возвращаться в духовный мир.

Это опасность Аримана.

Ариман действует с противоположной стороны.

Он не хочет увести человека от Земли. Он хочет сделать Землю окончательной. Он хочет, чтобы человек перестал переживать себя как существо, пришедшее из духовного мира и призванное вновь пройти через духовный мир после смерти. Он хочет, чтобы человек забыл свою небесную Родину.

И здесь надо быть особенно внимательным.

Ариман вовсе не обязательно начинается с грубого материализма. Не обязательно с отрицания Бога. Не обязательно с циничной насмешки над духовностью. Это слишком примитивное понимание.

Ариман гораздо тоньше.

Он может дать человеку духовность, но духовность земного типа.

Он может дать человеку посвящение, но посвящение без Христа.

Он может дать человеку дисциплину, но дисциплину без любви.

Он может дать человеку ясность, но ясность без совести.

Он может дать человеку власть над телом, над восприятием, над страхом, над смертью, но так, чтобы человек всё глубже закреплялся в земном сознании.

Вот почему Аримана нельзя понимать только как духа грубого материализма. Грубый материализм — это лишь самая внешняя, самая плоская оболочка ариманического действия. В своей более глубокой форме Ариман стремится не просто убедить человека, что духовного мира нет. Он стремится сделать так, чтобы человеку духовный мир стал не нужен.

Это разные вещи.

Одно дело — отрицать Небо.

Другое дело — построить такую Землю, в которой человек перестанет о Небе тосковать.

Вот это уже настоящая ариманическая задача.

Ариман хочет не столько разрушить религию, сколько заменить её. Заменить спасение — техникой. Заменить воскресение — продлением существования. Заменить путь души — управлением сознанием. Заменить карму — контролем. Заменить доверие к Христу — земной уверенностью в собственных силах.

И потому его отношение к смерти совершенно особое.

Люцифер закрывает смерть красотой и мудростью.

Христос проходит через смерть и преображает её.

Ариман хочет сделать смерть технической проблемой.

Не тайной.

Не порогом.

Не встречей души с духовным миром.

Не переходом в область очищения, созерцания и нового рождения.

А именно проблемой, которую можно решить методом, дисциплиной, знанием, силой, технологией сознания.

Вот здесь мы подходим к самому важному различию.

Люцифер даёт человеку мечту о бессмертии духа. Это бессмертие философов, поэтов, гениев, мудрецов, культурных героев. Человек умирает, но его духовный след остаётся. Его слово живёт. Его образ вдохновляет. Его мысль продолжает действовать.

Христос даёт человеку бессмертие души. Не следа, не имени, не культурной памяти, а самой души, которая через соединение со Христом получает возможность пройти через смерть, не распавшись, не замкнувшись в себе, не потеряв связи с Отцом.

Ариман же стремится дать третий вид бессмертия — бессмертие земного сознания.

И это уже совсем другая область.

Здесь речь идёт не о мудрости, которая переживает века.

И не о душе, воскресающей во Христе.

Здесь речь идёт о сознании, которое хочет сохранить себя по ту сторону смерти, но не через Христа, не через духовное очищение, не через возвращение к Отцу, а через особую власть над самим процессом умирания.

Такое сознание не хочет умереть.

Но оно не хочет и воскреснуть.

Оно хочет продолжиться.

Остаться бодрствующим.

Остаться собранным.

Остаться индивидуально замкнутым.

Остаться способным воспринимать, действовать, управлять, удерживать себя.

Иначе говоря, оно хочет пройти через смерть, не отдавая себя духовному миру.

Вот это и есть глубочайшая ариманическая мечта.

Не просто материализм. Не просто комфорт. Не просто техника. Не просто земной прогресс. Всё это — только внешние проявления.

В центре стоит другое: желание удержать человеческое сознание в земной форме даже тогда, когда сама земная жизнь должна была бы завершиться и уступить место духовному странствию души между смертью и новым рождением.

Поэтому, если мы хотим искать инкарнацию Аримана, мы не должны прежде всего спрашивать: где было больше всего зла? Где было больше всего крови? Где была самая страшная катастрофа?

Это важные вопросы, но они могут увести нас не туда.

Надо спрашивать иначе.

Где в XX веке человечеству была впервые дана новая форма отношения к смерти как к технически преодолимой границе?

Где возникло учение, практика или образ, в котором духовный мир перестал быть царством Отца, а стал областью силы, восприятия, энергии и управляемого перехода?

Где человеку было предложено не спасение души, а сохранение осознания?

Где бессмертие было понято не по-христиански, не как воскресение, а как удержание сознания?

И вот тогда перед нами постепенно начинает проступать совсем другая картина XX века.

Мы перестаём искать Аримана только в войнах, диктатурах, машинах, банках, компьютерах и лабораториях. Мы начинаем понимать, что всё это — поздние, внешние, цивилизационные формы ариманического действия.

Но прежде чем стать внешней техникой, Ариман должен был явиться как внутренняя техника.

Как техника сознания.

Как техника смерти.

Как техника сохранения осознания.

Именно поэтому вопрос о Люцифере, Христе и Аримане — это не отвлечённая догматика. Это ключ ко всей статье.

Пока мы не поймём, что Люцифер, Христос и Ариман предлагают человеку три разных ответа на смерть, мы не поймём и того, почему фигура дон Хуана Матуса оказывается столь важной.

Потому что дон Хуан, если смотреть на него не этнографически и не литературно, а духовно-симптоматологически, появляется именно в той области, где человек учится не воскресать, не спасаться, не каяться, не соединяться со Христом, а сохранять осознание.

И если это так, то мы имеем дело не просто с экзотическим шаманизмом.

Мы имеем дело с одним из главных признаков ариманического посвящения XX века.

2. Почему инкарнация Люцифера важна для понимания инкарнации Аримана

Теперь нам надо сделать следующий шаг.

Если мы хотим понять инкарнацию Аримана, мы не можем рассматривать её изолированно. Нельзя просто взять отдельные указания Рудольфа Штайнера об Аримане, прибавить к ним несколько исторических событий XX века, потом добавить число 666, затем поискать подходящего злодея или мага — и считать, что вопрос решён.

Так не получится.

Потому что инкарнация Аримана имеет смысл только внутри большой троичной картины: Люцифер — Христос — Ариман.

Именно поэтому для понимания Аримана нам необходимо сначала понять Люцифера. Не в общем смысле, не как «духа гордыни», не как красивую эзотерическую абстракцию, а именно в вопросе его земного воплощения.

Что означала инкарнация Люцифера?

Почему она должна была произойти именно так?

Почему она не могла произойти где угодно, когда угодно и в какой угодно телесности?

И почему без понимания этого мы неизбежно ошибёмся и в вопросе Аримана?

Здесь я хочу сразу указать на одну ошибку, которая, как мне кажется, очень сильно затемняет весь вопрос. Часто рассуждают так: Люцифер соединился с человеческой телесностью около сорока лет, Христос — около тридцати, значит Ариман должен соединиться с человеческой телесностью около двадцати лет.

Схема красивая.

Даже слишком красивая.

Но в духовных вопросах слишком красивая схема часто оказывается просто формализмом.

Ведь если мы говорим о таких великих космических событиях, то возраст соединения духовного существа с человеческой телесностью не может определяться арифметической последовательностью. Это не школьная задачка: 40, 30, 20. Это не ряд чисел. Это живая духовная механика.

Надо спрашивать иначе.

Не «какое число красиво продолжает схему?», а «какая телесность нужна данному существу для исполнения его цели?»

Вот в чём главное.

Люциферу нужна была одна телесность.

Христу — другая.

Ариману — третья.

И различие между ними определяется не возрастной математикой, а самой природой их задачи.

Люцифер хочет дать человеку ощущение завершенности. Он хочет внушить человеку, что смерть как будто не имеет последней власти. Но он не может реально преодолеть смерть. Это для него невозможно. Он может только обойти её в сознании, заслонить её сиянием мудрости, красотой, вдохновением, культурой, духовным блеском.

Люциферу надо, чтобы человек не заметил смерти.

Не встретил её трезво.

Не прошёл через неё.

Не преобразил её.

А именно не заметил.

Чтобы человек жил в ощущении, что он уже приобщён к чему-то бессмертному. К мудрости, к красоте, к духу, к культуре, к великой мысли, к вечному образу. Чтобы он сказал себе: да, тело умирает, но разве это важно, если мысль живёт, если имя остаётся, если мудрость передаётся, если культура сохраняет мой след?

В этом есть величие.

Но это величие обманчиво.

Потому что Люцифер не даёт реального преодоления смерти. Он даёт блестящую завесу, за которой смерть как была, так и остаётся.

Именно поэтому для инкарнации Люцифера нужна была телесность, в которой ещё сохранялись остатки сил роста. Тело ещё не должно было полностью перейти под власть сил увядания. В нём ещё должно было оставаться что-то от восходящего движения жизни. Не детская свежесть, не юношеский порыв, но ещё не окончательное господство смерти.

Люциферу нужно было соединиться с человеческой телесностью незадолго до того внутреннего перелома, после которого человек начинает уже не расти, а постепенно уступать место силам убывания.

Почему именно незадолго до?

Потому что Люцифер приходит не для того, чтобы победить смерть. Он приходит для того, чтобы создать иллюзию её отсутствия.

Ему нужно войти до того момента, когда смерть становится внутренне очевидной.

До того момента, когда человек начинает уже не только умом знать, что он смертен, но телесно и душевно чувствовать, что силы роста уходят, что молодость не возвращается, что тело перестаёт быть органом восхождения и становится органом постепенного убывания.

Люциферу нужно было успеть раньше.

Он должен был как бы перехватить человека перед порогом зрелого переживания смерти и сказать ему: не смотри туда, не смотри вниз, не смотри в сторону конца; смотри вверх, в мудрость, в сияние, в бессмертие духа.

Вот почему инкарнация Люцифера не может быть понята просто как событие «в сорок лет». Гораздо точнее сказать: Люциферу нужно было соединение с телом **перед** тем переломом, в котором человек начинает по-настоящему встречаться с действием смерти в себе.

Христос действует противоположным образом.

Ему не нужно закрывать смерть.

Ему не нужно отвлекать человека от смерти.

Ему не нужно внушать человеку иллюзию, что смерть не имеет значения.

Христос приходит именно туда, где смерть уже начинает действовать.

Он входит не до перелома, а после перелома.

Это принципиально.

Потому что Христос не создаёт видимости бессмертия. Он даёт реальную силу преодоления смерти. И прежде всего — смерти душевной. Он приходит тогда, когда человеческая душа уже стоит перед опасностью внутреннего иссякания, перед опасностью того, что силы смерти начнут подчинять себе не только тело, но и интимную, глубинную жизнь души.

Люциферу нужно успеть до наступления зрелого переживания смерти.

Христу нужно войти после того, как это переживание уже стало реальностью.

Люцифер говорит: смерти как будто нет.

Христос говорит: смерть есть, но Я прохожу через неё.

И в этом различии заключён ключ ко всему дальнейшему.

Потому что если мы теперь переносим этот вопрос на Аримана, то сразу становится видно: никакая схема «40 — 30 — 20» не работает.

Ариману вообще не нужна юношеская телесность.

Зачем ему юношеское тело?

Юношеское тело связано с ростом, становлением, будущим, раскрытием возможностей, с ещё не завершённой земной формой. Но Ариману не нужен рост. Ему не нужно вдохновение становления. Ему не нужно создать иллюзию отсутствия смерти, как Люциферу. И ему не нужно дать силу душевного воскресения, как Христу.

Его задача другая.

Ариман хочет, чтобы человек полюбил земное состояние настолько, что смерть перестала бы быть для него вратами в духовный мир.

Он хочет, чтобы смерть стала не тайной, не судом, не очищением, не переходом к Отцу, а технической границей.

Границей, которую можно обойти.

Или взломать.

Или пройти с сохранением земного сознания.

Вот почему Ариману нужна совсем иная телесность. Не юношеская. Не зрелая в обычном смысле. А старческая.

Тело на границе жизни и смерти.

Тело, в котором силы роста уже давно исчерпаны.

Тело, в котором душа стоит у самого порога.

Тело, в котором смерть уже не философская тема, не отвлечённая мысль, не будущая угроза, а непосредственная реальность.

И именно на этом пороге Ариман может сказать человеку своё главное слово:

смерти не надо бояться как перехода в духовный мир;

смерть надо сделать земным состоянием;

смерть надо освоить;

смерть надо технически преодолеть;

сознание не должно отдаваться духовному миру;

сознание должно сохранить себя.

Вот почему мысль о старческом теле здесь не второстепенна. Она не биографическая деталь. Она центральна.

Если Люциферу нужно тело, ещё не вполне отданное смерти, чтобы создать иллюзию её отсутствия, то Ариману нужно тело, уже почти стоящее в смерти, чтобы попытаться превратить саму смерть в продолжение земного сознания.

Именно поэтому искать Аримана в образе юного гения, молодого реформатора или политического вождя — значит идти по ложному следу.

Ариман не обязан приходить как юноша.

Он гораздо естественнее может явиться как старик.

Как старец.

Как учитель на пороге.

Как тот, кто уже стоит не в начале земного пути, а у его края.

И вот здесь нам становится понятнее, почему фигура дона Хуана Матуса вообще может быть поставлена в центр нашего рассмотрения. Но к этому мы подойдем позже. Пока важно другое: сама логика инкарнации Аримана требует не юношеского тела, а телесности, связанной с порогом смерти.

Теперь надо сделать ещё один шаг.

Если телесность для таких событий не возникает случайно, то нельзя искать её где попало. Нельзя просто выбрать любую знаменитую историческую личность, которая нам чем-то подходит, и сказать: вот здесь, наверное, и произошло воплощение.

Такой подход слишком легкомыслен.

Телесность для инкарнации Люцифера, для соединения Христа с человеческим телом и для инкарнации Аримана должна была быть подготовлена. Не за одно поколение. Не случайно. Не в обычной семье, не в обычном культурном потоке, не в случайном народе.

Такие тела готовятся мистериально.

Именно поэтому вопрос о Люцифере снова становится для нас важным. Не только в отношении возраста, но и в отношении среды.

Многие привыкли связывать инкарнацию Люцифера с Востоком вообще или с Китаем в частности. В этом есть понятная логика: Восток, древняя мудрость, Китай, легендарные императоры, Фу-Си, Тао, космическая упорядоченность, высокая древность. Всё это внешне выглядит очень убедительно.

Но внешняя убедительность ещё не есть духовная точность.

Если Люциферу нужна мудрость без морали, то надо искать не просто древнюю культуру мудрости. Надо искать такую среду, где мудрость могла существовать без сильного морально-родового центра.

Вот здесь и появляется мысль о кочевом элементе.

Это не надо понимать грубо, этнографически или обличительно. Речь не идёт о том, чтобы осуждать какие-то современные народы или строить внешние исторические обвинения. Речь идёт о духовно-историческом типе.

Оседлая культура естественно тяготеет к роду, к земле, к преданию, к устойчивому моральному порядку, к связи поколений, к памяти предков, к обязанности перед общиной. В такой среде моральное начало обычно сильнее укоренено. Оно может быть грубым, архаическим, ограниченным, но оно есть. Человек знает, кому он принадлежит, перед кем отвечает, какой порядок его держит.

Кочевой элемент устроен иначе.

Он живёт в движении.

Он легче отрывается от земли.

Его связь с родом может быть шире, подвижнее, условнее.

В нём сильнее стихия воли, силы, хитрости, приспособления, воинственности, мудрости выживания.

Там может быть мудрость.

И порой очень большая мудрость.

Но эта мудрость не обязательно соединена с тем моральным центром, который возникает из глубокой родовой ответственности и из длительной оседлой культуры.

И если мы спрашиваем: где Люцифер мог найти телесность, пригодную для своей инкарнации, то нельзя механически указывать на самую знаменитую древнюю цивилизацию. Надо искать соответствие внутренней задаче.

Люцифер не нуждался в народе, где моральное начало было бы главной доминантой.

Ему нужна была среда, где мудрость могла быть отделена от морали.

Где сила духа могла не проходить через совесть.

Где свобода от земной тяжести могла быть пережита не как христианское преображение, а как стихийное превосходство над обычным человеческим порядком.

Вот почему версия о кочевом носителе люциферического импульса важна не сама по себе, а как методологический пример.

Она показывает: искать тело для инкарнации надо не по внешней славе, не по исторической известности, не по готовым мифам, а по внутреннему соответствию духовной цели.

Это очень важно для нашего дальнейшего разговора об Аримане.

Потому что если мы применим тот же метод к Ариману, то сразу увидим: искать его телесность среди европейских политиков, англосаксонских финансистов, кабинетных учёных, цифровых инженеров или публичных реформаторов — слишком просто.

Это может быть ариманическое влияние.

Это может быть ариманическая инспирация.

Это может быть ариманическая цивилизационная линия.

Но инкарнация — другое.

Инкарнация требует подготовленной телесности.

Она требует особой мистериальной среды.

Она требует не просто человека, через которого действуют ариманические идеи, а такого тела, которое по самой своей истории, крови, культуре, древнему посвященческому фону и отношению к смерти может стать органом для ариманического события.

И вот здесь опять возникает американский мистериальный слой.

Если Люцифер связан с восточной линией, а Христос — с срединной линией, подготовленной в семитском теле, то Аримана естественно искать на другом полюсе — в древнеамериканской мистериальной области, где отношение к смерти, телу, силе, жертве, страху и земному сознанию имело совершенно особый характер.

Но к этому мы ещё вернёмся.

Сейчас же важно закрепить сам принцип.

Нельзя рассуждать так: Люцифер — сорок, Христос — тридцать, Ариман — двадцать.

Надо рассуждать иначе:

Люциферу нужно тело до полного наступления переживания смерти, потому что он создаёт иллюзию её отсутствия.

Христу нужно тело после перелома, потому что Он реально входит в область смерти и преображает её.

Ариману нужно тело на самом пороге смерти, потому что он хочет превратить смерть в технически осваиваемое продолжение земного сознания.

Только такая логика позволяет нам выйти из абстрактной схемы и начать мыслить духовно-реально.

И тогда становится понятно, почему инкарнация Люцифера важна для понимания инкарнации Аримана.

Не потому, что мы можем просто построить симметричную таблицу.

А потому, что на примере Люцифера мы учимся самому методу.

Сначала цель.

Потом телесность.

Потом мистериальная среда.

Потом исторический симптом.

И только после этого можно осторожно спрашивать: где в XX веке появляется фигура, которая соответствует ариманической цели не внешне, а внутренне?

Где появляется старец на пороге смерти?

Где появляется учение о сохранении сознания?

Где появляется посвящение без Христа?

Где появляется не люциферическая мудрость и не христианское воскресение, а техника перехода через смерть?

И именно эти вопросы постепенно подводят нас к фигуре дона Хуана Матуса.

3. Христос как середина между не-рождением и не-развоплощением

Теперь нам надо подняться ещё на одну ступень выше.

Пока мы говорили о Люцифере, Христе и Аримане как о трёх различных отношениях к смерти. Люцифер закрывает смерть сиянием мудрости. Христос проходит через смерть и преображает её. Ариман хочет сделать смерть технически осваиваемой границей земного сознания.

Но всё это можно понять ещё глубже, если мы посмотрим не только на смерть как на конец земной жизни, а на весь ритм человеческого существования.

Потому что человек — это не только существо, которое рождается, живёт на Земле и умирает.

Так мыслит материализм.

Для материализма человеческая биография начинается в роддоме и заканчивается на кладбище. Всё, что между этими двумя точками, и считается жизнью. Всё, что до рождения и после смерти, либо объявляется неизвестным, либо просто вычёркивается.

Но для духовной науки такая картина совершенно недостаточна.

Человек живёт не только между рождением и смертью. Он живёт также между смертью и новым рождением.

Его бытие ритмично.

Он приходит из духовного мира на Землю.

Проходит земную жизнь.

Умирает.

Вновь входит в духовный мир.

Проходит очищение, осмысление, духовное созревание.

И затем снова возвращается к земному воплощению.

Вот этот великий ритм — Земля и Небо, воплощение и развоплощение, рождение и смерть, смерть и новое рождение — и есть карма в её глубочайшем смысле.

Карма — это не просто наказание за прошлые поступки, как её часто примитивно понимают.

Карма — это ритм воспитания человеческого Я.

Это дыхание души между Землёй и духовным миром.

Это чередование опыта и осмысления, действия и созерцания, ошибки и очищения, судьбы и свободы.

На Земле человек действует.

В духовном мире он понимает.

На Земле он встречает последствия прежнего.

В духовном мире он готовит будущее.

На Земле он входит в тело, в народ, в язык, в эпоху, в профессию, в любовь, в страдание, в долг.

В духовном мире он освобождается от всего случайного и учится видеть смысл пройденного пути.

И если этот ритм нарушить, человек перестанет быть человеком в полном смысле.

Он либо не войдёт в земную школу, либо не сможет выйти из неё.

И вот здесь перед нами открывается глубочайшее различие между Люцифером, Ариманом и Христом.

Люцифер хочет нарушить этот ритм с одной стороны.

Он хочет, чтобы человек не слишком глубоко входил в Землю. Чтобы он не принимал до конца земную судьбу. Чтобы он не захотел всей тяжести воплощения. Чтобы он не проходил до конца через тело, труд, боль, ответственность, мораль, совесть, историческую задачу, национальную судьбу, семейные связи, социальные обязанности.

Люциферу хотелось бы, чтобы человеческая душа как можно меньше связывалась с Землёй.

Чтобы она оставалась в духовной высоте.

В мире мудрости.

В мире образов.

В мире красоты.

В мире вдохновения.

В мире преждевременной свободы.

Он как бы говорит душе: зачем тебе снова идти в эту тяжёлую земную область? Зачем тебе тело? Зачем тебе болезнь? Зачем тебе труд? Зачем тебе страдание? Зачем тебе нравственная борьба? Разве не лучше остаться в сиянии духа?

Люциферическая опасность — это опасность не-рождения.

Не в биологическом смысле, конечно. А в духовном.

Человек может родиться телесно, но внутренне не захотеть воплотиться. Он может жить на Земле, но всё время презирать земное. Он может считать тело темницей, общество грязью, историю ошибкой, труд низостью, мораль условностью, а собственное Я — чем-то уже готовым, уже духовным, уже свободным.

Такой человек как будто находится на Земле, но на самом деле он всё время хочет уйти из неё.

Это и есть люциферический соблазн.

Соблазн не войти в земную судьбу.

Не принять Землю как школу.

Не принять тело как орган становления.

Не принять карму как путь.

Не принять собственную биографию как задачу.

Люцифер хочет, чтобы человек не входил в Землю.

Ариман действует с противоположной стороны.

Он вовсе не хочет удержать человека в духовном мире. Наоборот. Он хочет, чтобы человек вошёл в Землю как можно глубже — и уже не захотел из неё выходить.

Он хочет, чтобы земное существование стало для человека окончательным.

Чтобы тело стало не временным органом развития, а главным домом.

Чтобы земная личность стала не этапом становления Я, а единственной реальностью.

Чтобы духовный мир после смерти стал чем-то туманным, ненужным, сомнительным или пугающим.

Чтобы человек перестал внутренне знать, что он пришёл из духовного мира и должен вновь пройти через духовный мир.

Ариман хочет не просто материализма в голове.

Это слишком поверхностно.

Он хочет изменения самого душевного инстинкта.

Чтобы человек не тосковал по Небу.

Чтобы он не чувствовал своей незавершённости на Земле.

Чтобы он не переживал смерть как великий переход.

Чтобы он не воспринимал духовный мир как Родину.

Чтобы он сказал себе: всё, что мне нужно, здесь.

Здесь моё тело.

Здесь мои удовольствия.

Здесь мои знания.

Здесь мои технологии.

Здесь мои связи.

Здесь мои данные.

Здесь моя память.

Здесь мой комфорт.

Здесь моё продление жизни.

Здесь моя безопасность.

Здесь моё бессмертие, если я сумею его технически обеспечить.

Вот это уже ариманическая опасность.

Это опасность не-развоплощения.

Опять же не в грубо-физическом смысле. Человек всё равно умирает. Тело распадается. Биология делает своё дело.

Но душа может быть так прикована к земному сознанию, что после смерти она теряет способность нормального восхождения в духовные области. Она не хочет идти дальше. Она не умеет идти дальше. Она не имеет внутренней склонности к духовному миру. Она вся собрана вокруг земного Я, земной памяти, земного тела, земных желаний, земных страхов, земных представлений.

Она как бы умерла, но не развоплотилась духовно.

Вот это и есть страшный ариманический идеал.

Не просто сделать человека материалистом при жизни, а нарушить его способность к полноценному посмертному пути.

Люцифер хочет не допустить человека до Земли.

Ариман хочет не выпустить человека из Земли.

И между этими двумя опасностями стоит Христос.

Но Христос стоит между ними не как средняя арифметическая величина. Не как компромисс. Не как умеренная позиция между двумя крайностями.

Христос есть живая середина.

Он не уводит человека от Земли, как Люцифер.

И не приковывает его к Земле, как Ариман.

Он ведёт человека через Землю.

Вот это слово — через — здесь решающее.

Христос не говорит человеку: Земля не нужна.

И не говорит: Земля окончательна.

Он говорит: Земля есть путь.

Земля есть место становления свободы.

Земля есть место пробуждения Я.

Земля есть место встречи с добром и злом.

Земля есть место, где любовь должна стать не космическим даром, а свободным человеческим делом.

Но Земля не является последней Родиной человека.

Она не должна быть отвергнута.

Но она не должна быть обожествлена.

Она должна быть пройдена.

Именно поэтому Христос есть Владыка Кармы.

Он удерживает ритм.

Он не даёт душе преждевременно уйти от земной задачи в люциферическую высоту.

И Он не даёт душе окончательно застыть в ариманической земности.

Он ведёт её через воплощение, через смерть, через духовный мир, через новое рождение — к постепенному раскрытию свободного Я.

Если выразить это совсем кратко, то получится такая формула:

Люцифер хочет, чтобы человек не входил в Землю.

Ариман хочет, чтобы человек не выходил из Земли.

Христос ведёт человека через Землю к Отцу.

В этой формуле, как мне кажется, заключён ключ ко всей духовной истории человечества.

Потому что вся история — это не просто смена цивилизаций, религий, государств, войн, культур и экономических форм. В глубине своей история есть борьба за правильный ритм человеческой души.

Слишком мало Земли — и человек становится призрачно-духовным, гордым, бесплотным, преждевременно освобождённым, оторванным от морали и ответственности.

Слишком много Земли — и человек становится тяжёлым, закрытым, самодовольным, техническим, земно бессмертным, но духовно мёртвым.

Христос же даёт человеку возможность соединить Землю и Небо без бегства и без пленения.

И вот теперь нам становится гораздо понятнее, почему вопрос об Аримане в XX веке не может быть сводим к вопросу о внешнем зле.

Если Ариман хочет нарушить способность души к развоплощению, то его главный успех будет выражаться не только в технике, не только в машинах, не только в деньгах, не только в бюрократии, не только в цифровых системах.

Его главный успех должен проявиться в самом отношении человека к смерти и духовному миру.

Человек должен перестать воспринимать смерть как переход.

Он должен начать воспринимать её как техническую проблему.

Он должен перестать стремиться к духовному очищению после смерти.

Он должен захотеть сохранить своё земное сознание.

Он должен перестать чувствовать, что после смерти его ждёт не пустота, не туман, не растворение, а великий путь души в духовном мире.

Он должен захотеть остаться здесь.

Даже если уже не в физическом теле.

Даже если в иной форме.

Даже если в форме памяти, энергии, сновидения, данных, сознания, цифрового двойника, тонкого тела или какой-нибудь иной земноподобной оболочки.

Главное — не отдаться духовному миру.

Не пройти через Отца.

Не пройти через Христа как Владыку Кармы.

А сохранить себя.

Вот почему тема ариманического бессмертия так важна.

Ариман не просто говорит человеку: Бога нет.

Это слишком грубо.

Он говорит: духовный мир тебе не нужен.

Он говорит: ты можешь обойтись без него.

Он говорит: ты можешь сохранить себя иначе.

Он говорит: смерть можно пройти без Христа.

И если мы посмотрим на современность с этой точки зрения, то увидим, что ариманизация человечества проявляется не только в росте материализма. Она проявляется в гораздо более глубоком изменении душевного направления.

Человек всё меньше мыслит себя как странника между Землёй и Небом.

И всё больше мыслит себя как земное сознание, которое надо продлить, защитить, усилить, сохранить, скопировать, перенести или провести через смерть.

Это уже не просто материализм XIX века.

Это новый этап.

Материализм XIX века говорил: существует только материя.

Ариманизм XX и XXI века говорит тоньше: существует сила, сознание, энергия, информация, восприятие, но всё это должно быть удержано в земной сфере и подчинено технике.

Именно здесь проходит граница между старым материализмом и новым ариманическим посвящением.

Старый материалист не верил в духовный мир.

Новый ариманический человек может верить во что угодно: в энергию, сновидение, тонкие тела, магию, высшие состояния, бессмертие сознания, иную реальность.

Но при этом он может оставаться совершенно закрытым для Христа.

И в этом смысле он опаснее старого материалиста.

Потому что старый материалист просто отрицал духовное.

А новый ариманический человек присваивает духовное земному сознанию.

Он превращает духовный мир не в царство Отца, а в область силы.

Не в область очищения, а в область техники.

Не в область встречи с высшими иерархиями, а в область управляемого опыта.

Не в путь души, а в эксперимент сознания.

И вот здесь фигура дона Хуана, к которой мы постепенно подходим, становится не случайной и не экзотической.

Если бы речь шла просто о шаманизме, наркотических опытах или литературной моде 1960-х годов, эта тема не имела бы такого значения.

Но если речь идёт о нарушении кармического ритма, о попытке провести сознание через смерть без Христа, о сохранении осознания вместо воскресения души, тогда дон Хуан оказывается одним из ключевых симптомов XX века.

Потому что он появляется именно там, где человек перестаёт спрашивать: как мне спастись?

И начинает спрашивать: как мне сохранить осознание?

Это разные вопросы.

Первый вопрос ещё обращён к Христу, даже если человек сам этого не понимает.

Второй вопрос уже может быть обращён к Ариману.

Итак, кармическая рамка необходима нам для того, чтобы не ошибиться в распознавании.

Люциферическая опасность — это не-рождение, отказ от земной школы, бегство в преждевременную духовность.

Ариманическая опасность — это не-развоплощение, плен земного сознания, отказ души от нормального пути через духовный мир.

Христос — это путь через Землю к Отцу.

И только в этой перспективе можно понять, почему инкарнация Аримана должна быть связана не просто с внешним прогрессом, а с глубинным изменением самого ритма человеческих душ.

Именно к этому вопросу нам теперь и надо перейти.

4. Ариманизация человечества как уменьшение количества душ в духовном мире

Теперь мы можем подойти к вопросу, который, на мой взгляд, является одним из самых важных для понимания всего XX века.

Обычно, когда говорят о демографическом взрыве, рассуждают вполне земным образом. Улучшилась медицина. Снизилась детская смертность. Появились антибиотики. Расширилась санитария. Улучшилось питание. Развились системы здравоохранения. Государства стали лучше контролировать эпидемии. Люди начали жить дольше. Поэтому население Земли резко выросло.

Всё это верно.

На своём уровне.

Я вовсе не собираюсь отрицать внешние причины. Было бы глупо отрицать медицину, гигиену, питание, вакцины, антибиотики, социальные изменения, экономический рост, снижение смертности. Всё это действительно сыграло огромную роль.

Но антропософское мышление не может останавливаться только на внешнем уровне.

Если мы действительно признаём, что за чувственно видимыми процессами стоят духовные причины, то мы не имеем права смотреть на демографический взрыв только глазами социолога, врача или статистика.

Надо спросить глубже.

Что произошло с человечеством духовно?

Почему именно в XX веке, и особенно начиная с 1960-х годов, человечество так резко входит в новый демографический режим?

Почему Земля начинает удерживать в себе всё большее и большее количество человеческих душ?

И что это означает с точки зрения кармы?

Внешне мы видим простую вещь: людей на Земле стало больше.

Но духовно-научно этот факт можно прочесть иначе.

Дело не только в том, что «людей стало больше». Дело в том, что изменилось соотношение между душами, находящимися в земном воплощении, и душами, пребывающими в духовном мире между смертью и новым рождением.

Иначе говоря: здесь, на Земле, прибыло.

А там, на Небесах, убыло.

Эта формула может показаться резкой. Но без неё мы не поймём самого главного.

Человечество — это не только совокупность живущих сейчас на Земле людей. Человечество — это гораздо более широкая реальность. Оно включает в себя не только тех, кто в данный момент находится в физическом теле, но и тех, кто пребывает в

духовном мире, проходит посмертный путь, осмысляет прожитую жизнь, подготавливает будущую инкарнацию, участвует в невидимой стороне исторического процесса.

Если мы считаем только живых на Земле, мы видим статистику.

Если мы учитываем и духовный мир, мы начинаем видеть карму.

До определённого момента можно было говорить, что между земным и небесным полюсом человеческого существования сохранялось некое относительное равновесие. Души приходили на Землю, проходили свой земной путь, умирали, возвращались в духовный мир, пребывали там достаточно долго и затем снова входили в земную жизнь.

Конечно, этот ритм менялся в разные эпохи. Он никогда не был механически одинаковым. Но всё же сохранялось главное: земная жизнь не поглощала человека полностью. Между смертью и новым рождением оставался большой духовный промежуток. Душа имела время для очищения, созерцания, осмысления, внутреннего созревания.

Но в XX веке, и особенно в районе 1960-х годов, происходит нечто новое.

Земля начинает удерживать души значительно плотнее.

Количество людей, находящихся одновременно в воплощении, начинает расти с поразительной скоростью. Но за этим внешним ростом надо увидеть внутренний процесс: всё больше душ оказывается втянуто в земную сферу, а духовный мир, если так можно выразиться, как будто пустеет относительно прежнего кармического соотношения.

Это не значит, что духовный мир исчезает.

Разумеется, нет.

Но меняется баланс.

Меняется ритм.

Меняется дыхание человечества между Землёй и Небом.

Раньше человечество дышало иначе. Земное воплощение было лишь одной частью великого пути души. Теперь земной полюс начинает резко утяжеляться. Всё больше душ задерживается здесь. Всё больше душ проходит не короткую земную дугу, а долгую жизнь в условиях всё более развитой медицины, всё более защищённого тела, всё более мощной цивилизационной оболочки.

И здесь особенно важно понять: речь идёт не просто о том, что стало больше рождений.

Наоборот, в глубоком смысле вопрос надо ставить иначе.

Многие души, которые в прежние эпохи могли бы быстро вернуться в духовный мир через младенческую или детскую смерть, теперь удерживаются на Земле. Современная медицина и современная цивилизация всё чаще не дают этим душам уйти. Они как бы закрепляют их в земной жизни.

С человеческой точки зрения это выглядит как благо.

И в определённом смысле это действительно благо. Кто может равнодушно говорить о спасении ребёнка? Кто может с холодным сердцем сказать: пусть умирает, потому что такова карма? Такое отношение было бы не духовностью, а жестокостью.

Но духовно-исторический вопрос заключается не в том, хорошо или плохо спасать детей. Это вообще неправильно поставленный вопрос.

Вопрос другой: что означает для всего человечества тот факт, что Земля стала удерживать миллионы и миллиарды душ, которые раньше значительно быстрее возвращались бы в духовный мир?

Вот здесь начинается область ариманической симптоматологии.

Потому что Ариман действует не только через идеи.

Не только через философский материализм.

Не только через науку, технику, экономику, бюрократию или цифровые системы.

Он действует глубже — через изменение самого кармического баланса.

Его задача ведь состоит не просто в том, чтобы человек сказал: «Я не верю в духовный мир».

Это было бы слишком примитивно.

Его задача — сделать так, чтобы душа всё меньше нуждалась в духовном мире.

Чтобы она всё плотнее привыкала к Земле.

Чтобы земное существование становилось всё более длительным, защищённым, комфортным, технически обеспеченным, самодостаточным.

Чтобы человек всё реже переживал смерть как естественный переход к своей духовной Родине.

Чтобы смерть всё больше воспринималась как поражение медицины, как техническая неудача, как проблема, которую надо отложить, преодолеть, победить, обойти.

В прежние эпохи смерть была рядом.

Она была не абстракцией, а частью жизни.

Она входила в дом.

Она забирала детей.

Она забирала молодых.

Она забирала матерей, воинов, стариков, царей, крестьян, монахов, купцов, всех.

И человек, как бы он ни боялся смерти, всё равно жил в мире, где смерть постоянно напоминала ему: Земля не является окончательной Родиной.

Современный человек живёт иначе.

Он всё больше окружён системами защиты от смерти.

Медицина защищает его тело.

Государство защищает его социально.

Техника защищает его от природы.

Комфорт защищает его от суровости быта.

Развлечения защищают его от внутренней пустоты.

Психология защищает его от боли души.

Информационные системы защищают его от одиночества.

И постепенно возникает новый тип человека — человек, который уже не столько благодарит Бога за жизнь, сколько считает жизнь своим естественным правом, а смерть — досадной ошибкой, которую цивилизация ещё не научилась окончательно исправлять.

Вот это уже ариманический сдвиг.

Не сама медицина.

Не само спасение жизни.

Не сама борьба с болезнью.

А внутреннее изменение отношения к земному существованию.

Земля начинает восприниматься не как место кармической школы, а как единственная сцена, на которой всё должно быть устроено окончательно.

Человек всё меньше спрашивает: что будет с моей душой после смерти?

И всё больше спрашивает: как продлить жизнь, как сохранить молодость, как защитить тело, как удержать память, как сохранить сознание, как не исчезнуть?

Внешне это может выглядеть очень гуманно.

И часто действительно гуманно.

Но духовно в этом скрыта огромная опасность.

Потому что если земная цивилизация всё более успешно удерживает души в воплощении, но при этом не даёт им более глубокого христианского понимания смерти, кармы и духовного мира, то человек оказывается не спасённым, а прикованным.

Ему продлевают жизнь.

Но не открывают смысл жизни.

Ему защищают тело.

Но не ведут душу к Христу.

Ему дают комфорт.

Но не пробуждают тоску по Отцу.

Ему сохраняют земное существование.

Но постепенно отучают его от духовного странствия.

Именно это я и называю ариманизацией человечества.

Ариманизация — это не просто рост материалистических убеждений.

Можно быть грубым материалистом и всё же внутренне страдать от бессмысленности жизни. Такой человек ещё может быть открыт для духовного перелома. Его отрицание Бога может быть честной мукой, а не окончательным закрытием.

Но гораздо опаснее другой тип человека.

Человек, которому просто хорошо на Земле.

Не глубоко хорошо, не духовно хорошо, а именно удобно.

Он не ненавидит Бога.

Он о Нём почти не думает.

Он не борется с духовным миром.

Он просто не чувствует в нём необходимости.

Его жизнь заполнена делами, удобствами, заботами, удовольствиями, планами, страховками, медицинскими обследованиями, путешествиями, покупками, экранами, новостями, впечатлениями, самореализацией.

Он не говорит: «Неба нет».

Он говорит всей своей жизнью: «Мне достаточно Земли».

Вот это уже гораздо ближе к Ариману.

Потому что Люцифер хотя бы поднимает человека в ложную духовность.

Ариман же делает Землю настолько плотной и самодовольной, что человек перестаёт поднимать голову.

В этом смысле демографический взрыв XX века — это не просто статистический факт. Это чувственно видимый знак того, что земной полюс человеческой кармы резко утяжелился.

Душ всё больше на Земле.

Душ всё меньше в духовном мире.

Земное существование становится длиннее, плотнее, защищённее.

Духовный промежуток между смертью и новым рождением в сознании человечества всё больше бледнеет.

Именно поэтому начало 1960-х годов становится для меня гораздо более значимым рубежом, чем условный 1998 год, полученный через нумерологическое умножение.

В 1960-е человечество начинает не просто жить дольше.

Оно начинает иначе относиться к самой жизни.

Жизнь становится проектом.

Телесность становится объектом управления.

Смерть становится проблемой.

Сознание становится областью эксперимента.

Духовность начинает всё чаще пониматься не как путь к Богу, а как расширение опыта.

И всё это вместе указывает на одно: человечество входит в новую ариманическую фазу.

Эта фаза не обязательно выглядит мрачной.

Напротив.

Она часто выглядит светлой, прогрессивной, гуманной, освободительной, удобной, радостной.

Именно поэтому её так трудно распознать.

Когда приходят войны, диктатуры и массовые убийства, человек хотя бы чувствует ужас. Он понимает: здесь зло. Пусть не всегда понимает его духовную природу, но хотя бы переживает катастрофу как катастрофу.

Ариманическая эпоха комфорта действует иначе.

Она не пугает.

Она усыпляет.

Она не заставляет человека кричать от боли.

Она делает так, чтобы он перестал задавать последние вопросы.

Зачем думать о смерти, если медицина развивается?

Зачем думать о душе, если психология помогает чувствовать себя лучше?

Зачем думать о духовном мире, если можно расширять сознание практиками?

Зачем думать о Христе, если можно говорить об энергии, восприятии, силе, внимании, сновидении, трансформации?

Зачем думать о воскресении, если можно мечтать о сохранении сознания?

Вот здесь демографический, медицинский, культурный и оккультный процессы сходятся в одну точку.

Ариманизация человечества проявляется в том, что души всё плотнее удерживаются в земной сфере.

Сначала телесно — через медицину, снижение смертности и продление жизни.

Потом душевно — через комфорт, потребление, безопасность и земное самодовольство.

Потом духовно — через новые формы посвящения без Христа, где целью становится уже не спасение души, а управление сознанием.

И вот именно на этом фоне фигура дона Хуана Матуса перестаёт быть литературной экзотикой.

Потому что он появляется не до этого процесса и не после него, а в самом его начале.

В тот момент, когда человечество начинает всё сильнее удерживаться на Земле, западному человеку предлагается учение о том, как удержать осознание даже перед лицом смерти.

Не как вернуться к Отцу.

Не как пройти через Христа.

Не как очистить душу.

А как сохранить сознание.

Это уже не просто шаманизм.

Это симптом эпохи.

И если мы хотим понять ариманическую инкарнацию XX века, мы должны смотреть не только на машины, государства, технологии и экономические системы.

Мы должны смотреть на изменение самого кармического дыхания человечества.

На то, как Земля втягивает в себя всё больше душ.

На то, как духовный мир перестаёт быть живой Родиной в человеческом сознании.

На то, как смерть превращается из порога в проблему.

На то, как спасение души подменяется сохранением сознания.

И тогда демографический взрыв окажется не просто внешним фоном, а одним из важнейших признаков той ариманизации, без которой фигура дона Хуана вообще не может быть понята в её настоящем духовно-историческом значении.

5. Почему именно начало 1960-х годов является ключом к XX веку

Теперь становится понятнее, почему я придаю такое значение именно началу 1960-х годов.

На первый взгляд это может показаться странным. Ведь если смотреть на XX век глазами обычной истории, то гораздо более очевидными рубежами кажутся другие даты.

1914 год — начало Первой мировой войны.

1917 год — русская революция.

1933 год — приход национал-социализма к власти в Германии.

1939 год — начало Второй мировой войны.

1945 год — Хиросима, Нагасаки, конец войны, начало ядерной эпохи.

1991 год — распад Советского Союза.

2001 год — башни-близнецы и новый мировой террор.

Все эти даты действительно важны.

Но я говорю сейчас не о внешней политической истории. Я говорю о духовной симптоматологии. А в духовной симптоматологии главное не всегда совпадает с тем, что громче всего звучит в учебниках истории.

Иногда по-настоящему решающие события происходят не там, где гремят пушки, рушатся империи и подписываются договоры. Иногда перелом наступает тише. Он меняет не карту мира, а саму внутреннюю направленность человеческой души.

Именно таким переломом, как мне представляется, стали 1960-е годы.

До середины XX века человечество ещё жило в тени великих катастроф. Первая половина века была наполнена огнём, кровью, идеологической яростью, войнами, революциями, лагерями, массовыми убийствами, фанатизмом, национальными и классовыми исступлениями.

Это был век, в котором смерть стояла перед человеком почти открыто.

Не как философская тема.

Не как медицинская проблема.

Не как личная трагедия отдельной семьи.

А как мировая стихия.

Миллионы людей были втянуты в войны и революции. Целые народы проходили через голод, депортации, лагеря, бомбардировки, разрушение государств, крушение прежних миров. Человек первой половины XX века ещё слишком хорошо знал, что Земля не является уютным домом. Она могла в любой момент стать полем бойни, тюрьмой, окопом, бараком, руиной, братской могилой.

Именно поэтому первая половина XX века несёт в себе сильнейший люциферически-зоратовский отпечаток.

Здесь действуют ярость, фанатизм, ненависть, культ идеи, готовность приносить людей в жертву абстрактному будущему, народу, расе, классу, империи, революции, государству, вождю. Здесь человеческая жизнь легко сгорает в огне идеи.

Это не ариманический комфорт.

Это летальная область.

Область смерти.

Область исторического пожара.

Область, в которой человек не столько прикован к Земле, сколько уничтожается в огне и ярости ложных духовных сил.

Но после середины века начинается нечто иное.

Человечество устало от смерти.

Оно устало от войны.

Устало от идеологического фанатизма.

Устало от разрушения.

Устало от жертвенности.

Устало от великих слов, за которыми стоят миллионы трупов.

И тогда на первый план выходит совершенно другая мечта.

Мечта о мире.

О безопасности.

О здоровье.

О достатке.

О комфорте.

О свободе личной жизни.

О потреблении.

О долгой жизни.

О возможности наконец-то не умирать за идею, а жить для себя.

Человечески это очень понятно.

После двух мировых войн, после лагерей, после бомбардировок, после ужаса первой половины века человек хотел простого: чтобы его больше не бросали в мясорубку истории. Чтобы его дети жили. Чтобы дома были тёплыми. Чтобы тело было защищено. Чтобы болезнь лечилась. Чтобы жизнь не была непрерывной борьбой за выживание.

Но именно здесь и начинается тончайшая духовная проблема.

Потому что ариманическое редко приходит к человеку как явное зло.

Оно приходит как облегчение.

Как благоустройство.

Как рациональность.

Как защита.

Как безопасность.

Как прогресс.

Как освобождение от страха.

Как возможность наконец-то устроиться на Земле.

Если первая половина XX века говорила человеку: умри за идею, за народ, за класс, за империю, за революцию, за вождя, то вторая половина века всё чаще говорит иначе: живи, потребляй, развивайся, наслаждайся, путешествуй, лечись, защищай себя, расширяй свои возможности, строй собственную жизнь, не думай о смерти.

И вот здесь происходит великий переход.

От культуры жертвы — к культуре комфорта.

От культуры спасения — к культуре опыта.

От религиозной тревоги о душе — к психологической заботе о состоянии.

От вопроса «как мне спастись?» — к вопросу «как мне жить лучше?»

От вопроса «что будет с моей душой после смерти?» — к вопросу «как продлить жизнь и сохранить сознание?»

Вот почему 1960-е годы так важны.

Они становятся не просто культурной эпохой. Они становятся знаком перехода человечества в новый духовный режим.

Внешне это десятилетие выглядит ярко, свободно, молодо, почти празднично.

Хиппи.

Рок-музыка.

Сексуальная революция.

Психоделия.

Космос.

Студенческие движения.

Новые формы искусства.

Новые педагогические и психологические идеи.

Расширение прав личности.

Кризис старых авторитетов.

Интерес к Востоку.

Интерес к шаманизму.

Интерес к изменённым состояниям сознания.

Интерес к телу.

Интерес к свободе переживания.

Интерес к личному опыту вместо догмы.

Всё это часто описывают как освобождение.

И в каком-то смысле это действительно было освобождение. Старый мир с его лицемерием, казённой моралью, жёсткими социальными формами, подавлением индивидуальности, механическим послушанием, национальными и конфессиональными перегородками начал трещать.

Но духовный вопрос состоит не в том, от чего человек освободился.

А в том, к чему он освободился.

Освободился ли он к Христу?

К внутренней свободе Я?

К нравственному самопознанию?

К духовной ответственности?

К сознательному прохождению кармы?

Или он освободился прежде всего к опыту, удовольствию, телесности, расширению восприятия, психологическому самочувствию, потреблению и земному самоутверждению?

Вот здесь и проходит граница.

1960-е годы во многом стали не возвращением к духовному миру, а началом новой земной духовности.

Духовности без Царства Небесного.

Духовности без покаяния.

Духовности без Христа.

Духовности как опыта, как практики, как изменения состояния сознания.

Человек больше не хотел просто верить.

Он хотел переживать.

Он не хотел ждать спасения.

Он хотел расширить восприятие сейчас.

Он не хотел принимать догмат.

Он хотел технику.

Технику медитации.

Технику дыхания.

Технику сновидения.

Технику тела.

Технику сексуальности.

Технику психики.

Технику сознания.

Именно в этом, как мне кажется, и заключён подлинный ариманический поворот 1960-х годов.

Не в том, что люди стали просто материалистами. Наоборот, внешне многие как раз начали интересоваться духовностью. Но эта духовность всё чаще переставала быть путём к Богу и становилась областью земного опыта.

Духовный мир всё меньше воспринимался как мир высших иерархий, как область посмертного пути души, как царство Отца.

Он всё больше начинал восприниматься как область энергии, силы, восприятия, расширения возможностей, необычных состояний, личной трансформации.

Это уже не старый грубый материализм XIX века.

Это гораздо тоньше.

Это материализм, который научился говорить духовными словами.

Именно поэтому он опаснее.

Старый материалист говорил: никакого духовного мира нет.

Новый человек 1960-х мог говорить: духовный мир есть, но я хочу войти в него как экспериментатор, как исследователь, как практик, как воин сознания, как тот, кто овладевает силой.

То есть духовный мир перестаёт быть святыней.

Он становится пространством опыта.

И это уже глубокий ариманический симптом.

Потому что Ариман вовсе не обязан отрицать духовность. Он может её допустить, но только при одном условии: чтобы она стала земно управляемой.

Чтобы она стала техникой.

Чтобы она стала расширением человеческой власти.

Чтобы она не вела человека к Христу, а укрепляла его собственное сознание.

Чтобы человек вошёл в духовную область не как кающаяся душа, не как ищущее Я, не как ученик перед тайной, а как оператор собственной трансформации.

Вот почему именно 1960-е годы становятся ключом.

В это время Земля становится для человека значительно более удобной.

Медицина уже не просто лечит отдельные болезни, а начинает формировать новое отношение к телу как к объекту управления.

Массовое потребление начинает превращать земную жизнь в систему желаний и удовлетворений.

Техника входит в быт.

Телевидение создаёт общее информационное пространство.

Космическая программа даёт человеку ощущение, что Земля уже не предел, но при этом это расширение происходит не через духовное восхождение, а через технику.

Психология и психотерапия начинают заменять исповедь.

Сексуальная революция начинает заменять святость тела свободой переживания.

Восточные и шаманские практики начинают заменять религиозную традицию опытом сознания.

Всё это вместе создаёт новую антропологию.

Человек больше не мыслит себя прежде всего как душу, стоящую перед Богом.

Он всё чаще мыслит себя как сознание, которое может расширяться.

Как тело, которое может наслаждаться.

Как психику, которую можно исцелять.

Как личность, которую можно реализовать.

Как организм, который можно продлевать.

Как систему восприятия, которую можно перестраивать.

Это и есть начало новой ариманической эпохи.

Не потому, что всё это само по себе плохо.

Не потому, что медицина плоха.

Не потому, что свобода плоха.

Не потому, что психология плоха.

Не потому, что личный опыт плох.

Нет.

Опасность не в отдельных явлениях.

Опасность в общем направлении.

В том, что всё это постепенно начинает замыкать человека в земной сфере.

Жизнь становится более долгой, но не обязательно более духовной.

Свобода становится шире, но не обязательно глубже.

Опыт становится богаче, но не обязательно истиннее.

Сознание становится подвижнее, но не обязательно христиански пробуждённое.

Тело становится защищённее, но душа может становиться всё более одинокой перед смертью.

Именно поэтому 1960-е годы нельзя понимать только как эпоху молодёжного бунта или культурной революции. Это был момент, когда человечество начало переходить от религиозной культуры спасения к культуре саморасширения.

А саморасширение без Христа почти неизбежно становится ариманическим.

Потому что оно стремится не к преображению души, а к усилению земного сознания.

Если раньше человек спрашивал: как мне стать достойным духовного мира?

То теперь он всё чаще спрашивает: как мне получить доступ к необычным состояниям?

Если раньше духовная жизнь была связана с нравственным очищением, то теперь она всё чаще связывается с техникой.

Если раньше смерть была порогом, перед которым человек смирялся, молился, каялся, готовился, то теперь она всё чаще становится вызовом, который надо преодолеть.

И вот здесь мы снова видим, почему 1998 год не может быть главным ключом.

Что принципиально нового вошло в человечество в 1998 году?

Можно найти события. Можно найти симптомы. Можно найти важные технологические и политические процессы. Но трудно увидеть там такой перелом, который изменил бы саму направленность человеческой души.

А в 1960-е этот перелом виден.

Именно тогда человечество массово начинает переходить от трагического опыта смерти к мечте о земном освобождении.

От ужаса войны — к культу мира и удовольствия.

От религиозной тревоги — к психологическому комфорту.

От веры — к опыту.

От спасения — к расширению сознания.

От души — к состоянию сознания.

От Христа — к технике.

Разумеется, этот процесс не произошёл за один год. Нельзя сказать: вот в таком-то месяце 1960 года всё изменилось. История не работает так механически. Но начало 1960-х годов можно рассматривать как центр духовного сгущения, вокруг которого формируется новая эпоха.

Именно здесь совпадают несколько линий.

Демографическая: Земля начинает удерживать всё больше душ.

Медицинская: тело получает новую защиту и новую власть над смертью.

Культурная: человек освобождается от прежних форм, но часто не приходит к высшей свободе.

Психологическая: душа всё чаще понимается не как существо перед Богом, а как система состояний.

Оккультная: духовность всё чаще превращается в технику сознания.

И мистериальная: появляется фигура дон Хуана Матуса.

Вот почему Кастанеда важен не как литературная странность.

Он появляется ровно в тот момент, когда западному человеку уже мало старой религии, мало старой морали, мало старой науки, мало старого материализма.

Ему нужно что-то новое.

Духовное — но не церковное.

Серьёзное — но не христианское.

Дисциплинированное — но без покаяния.

Опасное — но без Голгофы.

Связанное со смертью — но не с воскресением.

И дон Хуан даёт именно это.

Он появляется как учитель нового типа: не священник, не философ, не пророк, не святой, не мистик в обычном смысле, а мастер техники сознания.

Именно поэтому 1960-е годы являются ключом к XX веку.

Не потому, что там началось всё внешне важное.

А потому, что там начался новый внутренний тон человечества.

После люциферически-зоратовского огня первой половины века человечество входит в ариманическую область комфорта, потребления, безопасности, расширения опыта и земного самодовольства.

Смерть больше не стоит в центре как трагическая реальность.

Её начинают вытеснять.

Отодвигать.

Лечить.

Психологически перерабатывать.

Технически преодолевать.

Оккультно обходить.

И чем больше человек отвыкает от смерти как от порога духовного мира, тем сильнее он становится готовым к ариманическому соблазну: сохранить себя без Христа.

Вот почему начало 1960-х годов, а не 1998 год, я рассматриваю как подлинный ключ к инкарнации Аримана в XX веке.

Потому что именно там возникает не просто новое событие.

Там возникает новый человек.

Человек, который уже не хочет умирать за идею, как в первой половине века.

Но ещё не хочет воскресать во Христе.

Он хочет жить.

Долго жить.

Удобно жить.

Сознательно жить.

Расширенно жить.

И, если возможно, не исчезнуть после смерти.

Именно к такому человеку и обращается ариманическое посвящение.

6. Первая половина XX века как летальная люциферически-зоратовская область

Теперь нам нужно внимательнее посмотреть на сам XX век.

Обычно, когда говорят об Аримане, почти автоматически вспоминают самые страшные явления новейшей истории: мировые войны, концлагеря, тоталитарные режимы, массовые убийства, атомную бомбу, террор, геноцид, государственную машину подавления, идеологическую ложь, технически организованное уничтожение человека.

И это понятно.

XX век действительно открыл такие глубины исторического ужаса, перед которыми человеческое сознание до сих пор стоит как перед бездной. Никогда ещё разрушение не было настолько организованным. Никогда ещё смерть не становилась настолько массовой, технической, бюрократически рассчитанной. Никогда ещё идеология не могла так легко превращать миллионы людей в материал для исторического эксперимента.

Поэтому соблазн очень велик: всё это назвать ариманическим.

Но именно здесь, как мне кажется, и начинается одна из главных ошибок.

Потому что не всякое зло является ариманическим.

Не всякая жестокость является ариманической.

Не всякая война является ариманической.

Не всякое массовое уничтожение является главным выражением Аримана.

Разумеется, в любом большом историческом зле действуют разные духовные силы. Война может быть пронизана ариманической техникой, ариманической организацией, ариманическим расчётом, ариманической бюрократией, ариманической холодностью. Но сама стихия войны, сама стихия массового истребления, сама историческая ярость физического уничтожения — это не главный почерк Аримана.

Это надо ясно различать.

Ариман холоден, но не обязательно летален.

Ариман организует, но не обязательно стремится уничтожить.

Ариман хочет приковать душу к Земле, а не просто выбросить её из тела.

Ариман хочет создать такие условия, при которых человеку будет всё труднее покинуть земное сознание. Ему нужны комфорт, порядок, безопасность, расчёт, управление, продление жизни, стабильность, земная ясность, земное самодовольство.

Война же в своей глубине действует иначе.

Война выбрасывает человека из тела.

Война преждевременно обрывает земную судьбу.

Война разрывает биографии.

Война разрушает семьи, государства, культуры, города, тела.

Война втягивает человека в ярость, фанатизм, ненависть, жертвенность, культ крови, культ идеи, культ вождя, культ победы.

Именно поэтому первую половину XX века нельзя понимать прежде всего как ариманическую эпоху. Её надо понимать как гигантскую летальную область, где люциферическое и зоровское действовали с ужасающей силой.

Люциферическое здесь проявляется не в своей светлой, культурной, философской форме, а в искажённой исторической форме: в культе идеи, в фанатической одержимости будущим, в готовности принести реального человека в жертву абстрактному образу.

Во имя нации.

Во имя расы.

Во имя класса.

Во имя революции.

Во имя империи.

Во имя исторической миссии.

Во имя нового человека.

Во имя очищения мира.

Это страшное свойство люциферического соблазна: идея становится важнее человека. Образ будущего становится важнее живой души. Красота великого замысла начинает оправдывать кровь, насилие и уничтожение.

Человек как будто поднимается над обычной моралью.

Ему кажется, что он служит чему-то великому.

Но это великое требует жертв.

И чем выше кажется идея, тем легче оказывается уничтожить конкретного человека.

Так люциферическое, утратив связь с Христом, превращается в исторический пожар.

Но рядом с этим действует ещё более страшный элемент — зоратовский.

Если Люцифер может увлечь человека ложной высотой, то Зорат действует как ярость против духовного смысла. Не просто заблуждение, не просто гордыня, не просто фанатизм, а именно ярость разрушения. Ярость против того, что связано с Христом, с внутренней свободой, с человеческим Я, с возможностью духовного восхождения.

Зоратовское не хочет устроить Землю.

Оно хочет разорвать.

Оно хочет осквернить.

Оно хочет уничтожить.

Оно действует не через комфорт, а через ненависть.

Не через земное самодовольство, а через мировую агрессию.

Не через продление жизни, а через культ смерти.

И если мы смотрим на первую половину XX века — на мировые войны, революции, лагеря, массовые репрессии, геноцид, разрушение империй, тоталитарные идеологии, культ вождей, — мы видим прежде всего именно этот летальный комплекс.

Люциферическая идея, оторванная от морали.

Зоратовская ярость, направленная на физическое уничтожение.

И ариманическая техника, поставленная им на службу.

Вот это соотношение очень важно.

Ариман присутствует в первой половине XX века, но он ещё не является главным духовным тоном эпохи.

Он даёт машинам точность.

Он даёт государству аппарат.

Он даёт войне технику.

Он даёт лагерю учёт.

Он даёт массовому убийству организацию.

Он даёт идеологии бюрократическую форму.

Но сам огонь, сама ярость, сама готовность уничтожать миллионы людей во имя ложной сверхидеи — это не его центральная цель.

Ариман не любит хаос.

Ариман не любит неконтролируемый пожар.

Ариман не любит стихийную ярость, если она разрушает тот земной порядок, который он хотел бы создать.

Ариман может использовать войну, но война не является его идеалом.

Его идеал — не поле боя.

Его идеал — управляемая Земля.

Не окоп.

А комфортабельная система.

Не революционный пожар.

А рационально организованное общество.

Не массовая гибель тел.

А долгосрочное удержание душ в земной сфере.

Вот почему первая половина XX века является скорее подготовительной катастрофой, чем прямым торжеством Аримана.

Она сжигает старый мир.

Она разрушает империи.

Она уничтожает прежние религиозные и социальные формы.

Она дискредитирует героическую жертвенность.

Она показывает человеку ужас идеологии.

Она заставляет человечество устать от смерти.

И именно после этого человечество становится готовым принять совсем другой импульс.

Не импульс великой идеи.

Не импульс героической гибели.

Не импульс революционной жертвы.

А импульс мира, безопасности, комфорта, потребления, здоровья, продолжительности жизни.

И вот здесь Ариман выходит на первый план.

Он приходит не как продолжение первой половины века, а как ответ на неё.

Человечество, обожжённое люциферически-зоратовским огнём, начинает искать избавления. Оно хочет больше не умирать за абстракции. Не быть материалом для империй, партий, расовых теорий, классовых утопий и мессианских государств.

Оно хочет жить.

Просто жить.

Долго жить.

Спокойно жить.

Удобно жить.

Безопасно жить.

И кто может лучше всего воспользоваться этим желанием?

Ариман.

Потому что он не приходит к измученному человеку со словами: «Я снова поведу тебя на смерть».

Он говорит другое:

«Я защищу тебя от смерти».

«Я дам тебе медицину».

«Я дам тебе порядок».

«Я дам тебе социальные гарантии».

«Я дам тебе комфорт».

«Я дам тебе мир».

«Я дам тебе потребление».

«Я дам тебе возможность наслаждаться Землёй без постоянной мысли о Небе».

Вот почему вторая половина XX века становится ариманической не вопреки ужасам первой половины, а именно благодаря им.

После мировых войн комфорт начинает казаться спасением.

После лагерей бюрократическая правовая система начинает казаться благом.

После голода потребление начинает казаться победой.

После идеологического фанатизма частная жизнь начинает казаться высшей ценностью.

После массовой смерти продление жизни начинает казаться почти религиозной задачей.

После разрушения старых святынь психология, техника и медицина начинают занимать место духовного утешения.

И так происходит великий поворот.

Человечество переходит от эпохи, где человека уничтожали во имя ложного духа, к эпохе, где человека удерживают на Земле во имя земного благополучия.

Первая половина века говорила:

«Умри за великое».

Вторая половина века говорит:

«Живи для себя».

Первая половина века требовала жертвы.

Вторая половина века предлагает комфорт.

Первая половина века сжигала человека в огне идеологии.

Вторая половина века обволакивает его земным самодовольством.

И надо признать: после всего пережитого это было почти неизбежно.

Человек не мог бесконечно жить в огне.

Он захотел воды.

Захотел мягкости.

Захотел покоя.

Захотел нормальной жизни.

Но именно здесь и скрыта глубочайшая духовная опасность.

Потому что нормальная жизнь, если она теряет связь с Христом, может стать не путём исцеления, а новой формой плена.

Пока человек страдает, он хотя бы задаёт последние вопросы.

Почему зло?

Почему смерть?

Почему Бог допускает это?

Что такое душа?

Что такое вина?

Что такое искупление?

Что ждёт нас после смерти?

Но когда человеку становится удобно, он часто перестаёт спрашивать.

Комфорт может усыпить глубже, чем страх.

Страх ещё может пробудить.

Комфорт часто закрывает.

Вот почему Ариман после первой половины XX века приходит не как палач, а как устроитель.

Не как военный диктатор, а как миротворец.

Не как разрушитель городов, а как архитектор земного благополучия.

Не как проповедник смерти, а как целитель жизни.

Но это целительство имеет свою цену.

Оно лечит тело, но может не пробудить душу.

Оно продлевает жизнь, но может не открыть смысл смерти.

Оно устраивает Землю, но может закрыть Небо.

Оно обещает безопасность, но может лишить человека духовной тревоги.

Оно даёт человеку долгую жизнь, но не отвечает на вопрос, ради чего эта жизнь дана.

В этом и заключается главный перелом XX века.

Он начинается не с Аримана.

Он начинается с огромного люциферически-зоратовского пожара.

Но именно после этого пожара человечество становится внутренне готовым принять Аримана как спасителя от ужаса.

Как организатора.

Как рационализатора.

Как миротворца.

Как врача.

Как инженера комфорта.

Как устроителя земной жизни.

И если не видеть этого перехода, мы будем неправильно понимать всю духовную историю XX века.

Мы будем искать Аримана там, где ещё бушует огонь первой половины века.

А он в это время уже готовит другую эпоху.

Эпоху не смерти, а продления жизни.

Не фанатизма, а самодовольства.

Не жертвы, а потребления.

Не идеологического экстаза, а психологического комфорта.

Не религиозной тревоги, а техники сознания.

И вот поэтому 1960-е годы становятся таким важным рубежом.

Они приходят после того, как старая летальная область себя выжгла.

Они приходят в момент, когда человечество хочет уже не умирать, а жить.

И именно в этот момент ариманический импульс получает возможность войти не как ужас, а как благо.

Не как тьма, а как свет земного прогресса.

Не как разрушение, а как обещание исцеления.

Но свет этот двойственен.

С физической точки зрения он действительно может выглядеть светом.

С духовной точки зрения он может оказаться началом новой тьмы.

Потому что человек, спасённый от смерти, но не приведённый ко Христу, оказывается не спасённым, а удержанным.

Удержанным в теле.

Удержанным в земном сознании.

Удержанным в комфорте.

Удержанным в страхе перед духовным миром.

Удержанным в мечте о бессмертии без воскресения.

Именно поэтому первую половину XX века надо рассматривать как летальную люциферически-зоратовскую область, а вторую — как постепенное раскрытие ариманической области комфорта.

Сначала человечество было обожжено ложным духом.

Потом оно стало искать спасения в Земле.

И там, в этом усталом, испуганном, но жадно желающем жизни человечестве, Ариман нашёл для себя исторически подготовленную почву.

7. Вторая половина XX века как переход в ариманическую область комфорта

После катастроф первой половины XX века человечество оказалось в состоянии глубокой усталости.

И это надо понять не отвлечённо, а почти физически.

Человечество устало от войны.

Устало от революций.

Устало от концлагерей.

Устало от мобилизаций.

Устало от лозунгов.

Устало от вождей.

Устало от великих идей, которые требовали человеческой крови.

Устало от того, что земная жизнь постоянно приносилась в жертву какому-то сияющему, но страшному будущему.

После первой половины века человек уже не хотел больше слышать: умри за нацию, умри за класс, умри за империю, умри за революцию, умри за расу, умри за вождя, умри за историческую необходимость.

Он хотел другого.

Он хотел жить.

Просто жить.

И это желание было не низким. Оно было совершенно понятным. Более того, в нём было что-то глубоко человеческое. После мировых войн, после голода, после разрушенных городов, после сломанных судеб, после миллионов погибших человек имел полное право захотеть мира, дома, хлеба, здоровья, семьи, тишины, нормальной жизни.

И вот здесь начинается самая тонкая духовная проблема.

Потому что зло далеко не всегда приходит к человеку в виде ужаса.

Иногда оно приходит как облегчение.

Как отдых.

Как обещание безопасности.

Как возвращение к нормальности.

Как возможность наконец-то выдохнуть.

Первая половина XX века била человека огнём. Вторая половина века начала обволакивать его комфортом.

И если раньше человек погибал от исторической ярости, то теперь он всё чаще начинал засыпать в земном благополучии.

Это не значит, что во второй половине XX века исчезли войны, насилие, несправедливость или страдания. Разумеется, нет. История не стала раем. Но общий духовный тон изменился.

В центре западной цивилизации постепенно стала формироваться новая мечта.

Не мечта о спасении души.

Не мечта о Царстве Небесном.

Не мечта о святости.

Не мечта о преобразении человека.

А мечта о хорошо устроенной Земле.

О долгой жизни.

О защищённом теле.

О личной свободе.

О материальном достатке.

О психологическом комфорте.

О потреблении.

О безопасности.

О правах.

О здоровье.

О предсказуемости.

О мире без трагедии.

И надо признать: после первой половины XX века эта мечта выглядела почти спасительной.

Человеку говорили: больше не надо умирать за фанатические идеи. Больше не надо терпеть голод, страх, холод, грязь, болезни, нищету, бессмысленное подчинение. Теперь можно строить общество, в котором жизнь станет удобной, свободной, мирной, долгой и приятной.

Что в этом плохого?

На внешнем уровне — почти ничего.

Именно поэтому ариманическое так трудно распознать.

Если бы Ариман пришёл и сказал: «Я уничтожу вас», человек, может быть, испугался бы и отшатнулся.

Но Ариман говорит иначе.

Он говорит:

«Я избавлю вас от страха».

«Я продлю вашу жизнь».

«Я защищу ваше тело».

«Я дам вам лекарства».

«Я дам вам комфорт».

«Я дам вам систему».

«Я дам вам управление».

«Я дам вам предсказуемость».

«Я дам вам земную уверенность».

«Я сделаю Землю вашим настоящим домом».

И в этом всё дело.

Ариман не обязательно хочет, чтобы человек страдал. Наоборот, страдание может пробудить в человеке последние вопросы. Страдание может напомнить ему о Боге. Страдание может заставить его спросить: зачем я живу? что такое смерть? что будет с моей душой? где смысл? почему я страдаю? кто я перед лицом вечности?

Комфорт действует тоньше.

Он часто снимает самую необходимость спрашивать.

Когда человек сыт, защищён, занят, развлечён, социально обеспечен, медицински наблюдаем, психологически поддержан и постоянно вовлечён в поток впечатлений, он может прожить долгие годы, почти не касаясь последних вопросов.

Ему не обязательно ненавидеть духовный мир.

Ему достаточно о нём забыть.

Вот это и есть подлинная ариманическая победа.

Не борьба против Неба, а ненужность Неба.

Не открытое отрицание Бога, а земная самодостаточность.

Не богоборчество, а мягкое, удобное, культурное, благоустроенное забвение.

Человек уже не говорит: Бога нет.

Он говорит: мне и без этого есть чем заняться.

Он говорит: надо работать, лечиться, отдыхать, путешествовать, покупать, общаться, смотреть, развиваться, заботиться о себе, улучшать качество жизни.

И всё это вроде бы разумно.

Но постепенно душа оказывается окружена земными стенами.

Мягкими стенами.

Приятными стенами.

Комфортабельными стенами.

Именно поэтому ариманическая область второй половины XX века не похожа на ад в старом религиозном смысле. Она гораздо больше похожа на хорошо освещённый торговый центр, современную клинику, уютный дом, экран телевизора, туристический каталог, рекламный плакат, психологический тренинг, удобную банковскую систему, страховой полис, медицинскую карту, личный кабинет, комфортный город и вечную заботу о качестве жизни.

Это не картина ужасов.

Это картина устроенности.

Но духовно в ней может быть больше опасности, чем в открытом ужасе.

Потому что в ужасе человек ещё может закричать к Богу.

А в комфорте он может забыть, что ему вообще нужен Бог.

Вот почему ариманическое влияние нельзя сводить к технике или к материализму в грубом смысле. Техника лишь помогает этому процессу. Материализм лишь объясняет его на уровне идей. Но сама суть глубже.

Суть в том, что земное существование начинает восприниматься как окончательная ценность.

Жизнь надо продлить.

Тело надо сохранить.

Молодость надо удержать.

Болезнь надо устранить.

Смерть надо отодвинуть.

Страдание надо обезболить.

Душевную боль надо терапевтически переработать.

Одиночество надо закрыть коммуникацией.

Скуку надо заполнить развлечением.

Вопрос о смысле надо заменить вопросом о качестве жизни.

Вопрос о спасении надо заменить вопросом о самореализации.

Так постепенно рождается новый человек.

Он уже не фанатик первой половины века.

Он не хочет убивать и умирать за идею.

Он не хочет подчиняться вождю.

Он не хочет жертвовать собой ради абстрактной истории.

Он хочет свободы.

Но часто понимает свободу как возможность жить для себя.

Он хочет мира.

Но часто понимает мир как отсутствие духовной тревоги.

Он хочет здоровья.

Но часто забывает, что здоровье тела не равно спасению души.

Он хочет духовности.

Но всё чаще хочет духовности без Христа, без покаяния, без креста, без нравственного суда над самим собой.

И вот здесь вторая половина XX века делает следующий шаг.

Комфорт уже не ограничивается телом.

Он начинает проникать в душу.

Сначала человеку дают защищённое тело.

Потом — удобную среду.

Потом — психологическое сопровождение.

Потом — новые формы самовыражения.

Потом — духовные практики, которые должны не столько привести его к Богу, сколько улучшить его внутреннее состояние.

Так религия спасения постепенно сменяется культурой опыта.

Человеку уже не говорят: покайся.

Ему говорят: раскройся.

Ему уже не говорят: преобрази волю.

Ему говорят: расширь сознание.

Ему уже не говорят: ищи Христа.

Ему говорят: найди свою энергию.

Ему уже не говорят: готовь душу к смерти.

Ему говорят: научись управлять восприятием.

И это становится прямым мостом к Кастанеде.

Потому что Кастанеда появляется не в пустом месте.

Он появляется именно тогда, когда западный человек уже устал от старой религиозной формы, но ещё не пришёл к подлинной духовной свободе.

Он уже не хочет церковной догмы.

Но хочет тайны.

Он уже не хочет морали.

Но хочет дисциплины.

Он уже не хочет Христа.

Но хочет силы.

Он уже не хочет спасения души.

Но хочет сохранения осознания.

Он уже не хочет умереть.

Но и воскресения во Христе он тоже не ищет.

Именно так возникает готовность к ариманическому посвящению.

Не к грубому материализму.

Не к циничному отрицанию духовного.

А к духовности нового типа: сухой, волевой, технической, опытной, безличной, обращённой к силе, вниманию, восприятию, сновидению, смерти и сохранению сознания.

Дон Хуан входит именно в этот исторический промежуток.

Он не приходит к человеку первой половины XX века, который ещё стоит среди развалин, крови, идеологии и исторической ярости.

Он приходит к человеку второй половины века — к человеку, который хочет свободы, опыта, силы, внутренней техники, преодоления страха и нового отношения к смерти.

И в этом смысле дон Хуан оказывается гораздо более точным симптомом ариманической эпохи, чем политические диктаторы первой половины века.

Диктаторы первой половины века требовали смерти.

Дон Хуан учит, как не исчезнуть в смерти.

Диктаторы бросали человека в массу.

Дон Хуан обращается к одиночному сознанию.

Диктаторы создавали культ идеи.

Дон Хуан создаёт технику восприятия.

Диктаторы уничтожали тело.

Дон Хуан учит использовать тело как инструмент перехода.

Диктаторы разжигали фанатизм.

Дон Хуан требует холодной безупречности.

Именно поэтому переход от первой половины XX века ко второй так важен.

Сначала человечество проходит через летальный огонь.

Потом оно начинает искать земного спасения от этого огня.

И в этом поиске земного спасения перед ним открывается новая духовная ловушка.

Ариман говорит человеку:

«Я не буду бросать тебя в бой».

«Я не буду требовать от тебя жертвы».

«Я не буду сжигать тебя в идеологическом пожаре».

«Я дам тебе другое».

«Я дам тебе способ остаться».

Остаться на Земле.

Остаться в теле как можно дольше.

Остаться в комфорте.

Остаться в безопасности.

Остаться в сознании.

Остаться даже после смерти — но не через Христа, а через технику.

Вот так вторая половина XX века постепенно становится областью ариманического комфорта.

И этот комфорт надо понимать широко.

Это не только мягкий диван, холодильник, автомобиль, телевизор, медицина и супермаркет.

Это ещё и духовный комфорт.

Духовность без суда над собой.

Свобода без ответственности.

Опыт без покаяния.

Сила без любви.

Сознание без Христа.

Бессмертие без воскресения.

В этом и состоит величайшая подмена.

После ужасов первой половины века человек имеет право хотеть мира. Но если мир превращается в забвение Неба, он становится ариманическим.

После страданий человек имеет право хотеть здоровья. Но если здоровье тела заменяет спасение души, оно становится ариманическим.

После идеологического безумия человек имеет право хотеть личной свободы. Но если свобода становится только свободой земного самодовольства, она становится ариманической.

После массовой смерти человек имеет право хотеть долгой жизни. Но если долгая жизнь превращается в отказ думать о смерти как о духовном пороге, она становится ариманической.

Именно здесь мы подходим к Кастанеде.

Потому что его книги появляются в мире, который уже готов принять не просто шаманскую экзотику, а новый тип духовного обещания.

Обещания, что можно преодолеть обычного человека.

Можно перестроить восприятие.

Можно овладеть вниманием.

Можно войти в сновидение.

Можно стать безупречным.

Можно встретить смерть не как христианин, не как душа перед Богом, а как воин сознания.

Можно не спастись, а сохраниться.

Вот почему дон Хуан является не случайной фигурой, а точным символом нового ариманического поворота.

Он стоит на границе двух эпох.

Позади — век смерти, войны, идеологии и массового уничтожения.

Впереди — век комфорта, техник сознания, трансгуманизма и мечты о бессмертии без воскресения.

И дон Хуан как будто говорит человеку этой новой эпохи:

«Ты больше не обязан умирать как все. Ты можешь научиться уходить иначе».

Но именно в этом «иначе» и скрывается вопрос, который должен стать центральным для всей нашей статьи:

куда именно ведёт этот путь?

К Отцу?

К Христу?

К духовному миру?

Или к ариманическому удержанию земного сознания за порогом смерти?

8. От религии спасения к технике сознания

Теперь мы можем подойти к тому духовному сдвигу, без которого вообще невозможно понять появление Кастанеды.

Речь идёт не просто о смене культурной моды. Не о том, что в 1960-е годы молодёжь увлеклась Востоком, шаманизмом, психоделией, рок-музыкой и свободной жизнью. Всё это было только внешней оболочкой гораздо более глубокого процесса.

Менялась сама постановка духовного вопроса.

На протяжении многих веков человек, даже если он жил внешне грубо, даже если его религиозность была простой, народной, обрядовой, всё-таки в глубине культуры знал: главный вопрос человеческой жизни — это вопрос спасения.

Как спастись?

Как не погибнуть душой?

Как пройти через смерть?

Как очиститься?

Как предстать перед Богом?

Как не потерять вечность?

Можно было верить глубоко или поверхностно. Можно было жить праведно или грешно. Можно было понимать христианство духовно или только обрядово. Но сама вертикаль была ясна: человек стоит между Землёй и Небом. Земная жизнь не окончательна. Душа должна пройти через смерть. И потому главный вопрос — не просто как жить, а как спастись.

В 1960-е годы эта вертикаль начинает массово разрушаться.

Не сразу. Не везде. Не у всех. Но общий сдвиг становится очевидным.

Человек всё меньше спрашивает: как мне спастись?

И всё больше спрашивает: как мне расширить сознание?

Это огромная перемена.

Потому что вопрос о спасении обращён к Богу, даже если человек задаёт его смутно. В нём ещё есть признание собственной недостаточности. В нём есть память о грехе, о смерти, о суде, о душе, о духовном мире. В нём есть хотя бы слабое ощущение, что человек не может сам себя окончательно спасти.

А вопрос о расширении сознания обращён уже совсем в другую сторону.

Он не обязательно обращён вниз. Он может выглядеть возвышенно. Он может быть связан с медитацией, с мистикой, с необычными состояниями, с поиском истины, с опытом энергии, с путешествием внутрь себя. Но в нём часто исчезает самое главное — чувство зависимости человека от Христа.

Человек уже не говорит: я должен быть спасён.

Он говорит: я должен раскрыться.

Он уже не говорит: я должен очистить душу.

Он говорит: я должен изменить своё состояние.

Он уже не говорит: я должен преодолеть грех.

Он говорит: я должен освободиться от ограничений.

Он уже не говорит: я должен соединиться со Христом.

Он говорит: я должен овладеть энергией, вниманием, восприятием, телом, сновидением, смертью.

Вот здесь и начинается переход от религии спасения к технике сознания.

Религия спасения всегда предполагает, что человек стоит перед тайной, которая выше него. Он может молиться, каяться, искать, очищаться, просить, трудиться над собой, но он не владеет спасением как техникой. Спасение не производится. Оно не добывается методом. Оно не является результатом правильной психотехники.

Спасение — это встреча человеческой свободы с божественной благодатью.

А техника сознания мыслит иначе.

Она говорит человеку: есть методы. Есть практики. Есть состояния. Есть особые способы дыхания, внимания, сновидения, восприятия, телесной дисциплины. Есть возможность перестроить себя. Есть возможность войти в другие уровни реальности. Есть возможность получить опыт. Есть возможность управлять тем, что раньше считалось тайной.

И это необычайно соблазнительно.

Потому что современный человек не любит зависеть.

Он не любит ждать.

Он не любит смиряться.

Он хочет знать, как это работает.

Он хочет получить метод.

Он хочет иметь доступ.

Он хочет результат.

Раньше человек приходил к духовному как к святыне.

Теперь он всё чаще приходит к нему как к области опыта.

Раньше он спрашивал: достоин ли я?

Теперь он спрашивает: какая техника эффективнее?

Раньше он боялся духовного мира как великой тайны.

Теперь он хочет войти в него как исследователь, практик, экспериментатор.

В этом и заключается ариманический сдвиг.

Потому что Ариман не обязательно отрицает духовный мир. Это слишком грубо. Гораздо тоньше — признать духовный мир, но превратить его в область управления.

Не в царство Отца.

Не в область высших иерархий.

Не в путь очищения души после смерти.

Не в сферу встречи человека со Христом как Владыкой Кармы.

А в пространство силы.

В пространство энергии.

В пространство техник.

В пространство изменённых состояний.

В пространство особого знания, которым можно овладеть.

Так духовное перестаёт быть духовным в христианском смысле. Оно становится продолжением земной воли другими средствами.

Именно поэтому 1960-е годы так важны.

Внешне они часто выглядели как бунт против материализма. Люди уходили от буржуазной скуки, от мещанского быта, от узкого рационализма, от механической религиозности, от холодной цивилизации потребления. Они искали подлинного опыта. Искали тайны. Искали расширения. Искали нового мира.

Но очень часто этот поиск шёл не к Христу.

Он шёл к переживанию.

К состоянию.

К силе.

К энергии.

К внутреннему эксперименту.

И здесь старый материализм как будто переделся в духовную одежду.

Материалист XIX века говорил: существует только материя.

Новый человек второй половины XX века мог сказать: нет, есть ещё сознание, энергия, иные миры, сновидение, сила, магия, невидимые области.

Но если всё это он хочет использовать для усиления себя, для расширения собственного опыта, для власти над страхом, над телом, над смертью, то внутренне он всё равно остаётся в ариманической области.

Потому что духовный мир в таком случае не открывается как мир, перед которым человек должен измениться нравственно.

Он открывается как мир, который человек хочет освоить.

Вот это слово — освоить — здесь очень важно.

Современный человек осваивает природу.

Осваивает космос.

Осваивает атом.

Осваивает тело.

Осваивает психику.

Осваивает информацию.

И затем он начинает хотеть освоить духовный мир.

Но духовный мир нельзя осваивать так же, как электричество или химию. Нельзя войти в него как техник, не изменившись как человек. Нельзя подойти к нему с волей управления и не попасть в область духовной подмены.

Именно здесь и возникает новая опасность.

Раньше человек мог быть грешником, но он знал, что грех надо преодолеть.

Теперь человек может вообще перестать мыслить в категориях греха.

Он будет говорить не о грехе, а о блоках.

Не о покаянии, а о трансформации.

Не о страстях, а об энергии.

Не о совести, а о состоянии.

Не о духовной ответственности, а о расширении восприятия.

Не о спасении, а о самореализации.

И тогда вся христианская драматичность человеческой души исчезает.

Человек больше не стоит перед Богом.

Он стоит перед собственной возможностью.

Перед собственным потенциалом.

Перед собственной техникой.

Перед собственным сознанием.

Это уже не вертикаль спасения.

Это горизонталь расширения.

И вот в этой точке появляется Кастанеда.

Не случайно.

Не как странная литературная экзотика.

Не просто как автор, который познакомил западного читателя с каким-то необычным индейским шаманизмом.

Он появляется как один из самых точных симптомов новой эпохи.

Кастанеда даёт западному человеку именно то, к чему тот уже внутренне готов: духовность без христианской вертикали.

Тайну — но без Церкви.

Дисциплину — но без покаяния.

Учителя — но без святости.

Смерть — но без воскресения.

Путь — но без Христа.

Именно поэтому его книги произвели такое действие. Дело было не только в экзотике. Не только в наркотических опытах. Не только в моде на индейскую мудрость. Не только в литературной загадочности.

Дело было в том, что через фигуру дона Хуана западному человеку был предложен новый тип посвящения.

Не религиозное спасение.

А техника сознания.

Дон Хуан не говорит ученику: покайся.

Он говорит: будь безупречен.

Он не говорит: люби.

Он говорит: собирай силу.

Он не говорит: ищи Христа.

Он говорит: меняй восприятие.

Он не говорит: готовь душу к встрече с духовным миром.

Он говорит: учись сновидеть.

Он не говорит: смерть есть порог к Отцу.

Он говорит: смерть — это сила, с которой надо встретиться как воин.

На первый взгляд всё это может показаться более мужественным, более честным, более трезвым, чем мягкая религиозная утешительность. И в этом есть часть соблазна. Дон Хуан не сентиментален. Он не проповедует расслабленную духовность. Он строг, сух, дисциплинирован, беспощаден к слабости.

Но именно поэтому он особенно опасен.

Потому что это не дешёвая духовность.

Это серьёзная духовность.

Только серьёзность эта не христианская.

Она ведёт не к преображению души, а к управлению сознанием.

Не к любви, а к силе.

Не к Отцу, а к порогу смерти, который человек должен пройти, сохранив себя.

Вот почему Кастанеду нельзя понимать только как часть контркультуры 1960-х. Его значение глубже.

Он находится в той самой точке, где западная культура переходит от вопроса о спасении к вопросу о технике сознания.

И это делает его одним из важнейших симптомов ариманической эпохи.

Потому что Ариман не просто хочет, чтобы человек стал материалистом. Он хочет, чтобы даже духовность человека стала земной.

Чтобы человек искал не Бога, а силу.

Не спасения, а опыта.

Не воскресения, а сохранения осознания.

Не преображения Я, а управления восприятием.

И тогда духовность становится уже не лекарством от материализма, а его продолжением в более тонкой области.

Материализм тела переходит в материализм сознания.

Материализм науки — в материализм практики.

Материализм потребления — в материализм духовного опыта.

И человек, думая, что он ушёл от буржуазной Земли к тайне, на самом деле может оказаться ещё глубже прикованным к Земле — только уже не через деньги и вещи, а через собственное сознание.

Вот почему переход от религии спасения к технике сознания является одним из главных признаков ариманизации второй половины XX века.

Именно здесь начинается путь, который позже приведёт к трансгуманизму, цифровому бессмертию, нейротехнологиям, мечтам о загрузке сознания и сохранении личности после смерти.

Но до внешней техники должна была появиться внутренняя техника.

До цифрового бессмертия должна была появиться мечта о сохранении осознания.

До нейроинтерфейсов должен был появиться воин сознания.

До искусственного продолжения личности должен был появиться учитель, который скажет: смерть можно встретить иначе, если ты научишься управлять восприятием.

И таким учителем для западного воображения стал дон Хуан.

Пока мы ещё не утверждаем, кем он был в окончательном смысле.

Исторической личностью.

Собирательным образом.

Литературной маской.

Мистериальным посредником.

Или чем-то ещё более сложным.

Сейчас важно другое.

Через него в культуру вошёл новый вопрос.

Не как мне спастись?

А как мне сохранить осознание?

И именно этот вопрос уже ставит нас на пороге ариманической тайны XX века.

9. Карлос Кастанеда как проводник нового духовного симптома

Теперь мы можем впервые прямо назвать имя Карлоса Кастанеды.

Но важно сразу не ошибиться в подходе.

Если мы начнём с вопроса: существовал ли дон Хуан Матус как обычная историческая личность, был ли он действительно индейским учителем из племени яки, насколько точны антропологические описания Кастанеды, где здесь факт, а где литературная обработка, — мы сразу уйдём в сторону.

Этот вопрос, конечно, важен.

Но он не главный.

Главный вопрос совсем другой: почему именно в конце 1960-х годов через книги Кастанеды в западное сознание входит образ такого учителя, такого пути и такого посвящения?

Почему именно тогда?

Почему этот образ оказался настолько сильным?

Почему он был воспринят не как случайная этнографическая заметка, а как откровение нового духовного пути?

И почему миллионы людей почувствовали в нём не просто экзотику, а возможность другого отношения к себе, к сознанию, к телу, к смерти и к духовной реальности?

Вот здесь Кастанеда становится для нас не просто автором.

Он становится симптомом.

И даже больше — проводником симптома.

Не обязательно сознательным. Не обязательно понимающим всё, что через него происходит. Но именно через него в западную культуру входит образ посвящения, совершенно не похожего на христианское.

Это посвящение без Церкви.

Без Христа.

Без покаяния.

Без традиционной морали.

Без ясного различения добра и зла.

Без нормального кармического понимания смерти.

Но при этом — не пустое, не слабое, не поверхностное.

Наоборот.

Оно строгое.

Опасное.

Дисциплинированное.

Требующее полного изменения жизни.

Требующее внимания.

Требующее силы.

Требующее отказа от обычной человеческой рассеянности.

Требующее нового отношения к телу, восприятию, страху, сновидению и смерти.

Именно поэтому Кастанеда так важен.

Он не просто предложил западному человеку очередную духовную моду. Он предложил ему новый тип серьёзности.

До этого западный человек часто видел альтернативу так: либо старая религия, которая кажется ему догматической, морально стеснительной, устаревшей и связанной с церковным авторитетом; либо современный материализм, который даёт науку, технику, комфорт, но оставляет душу в пустоте.

Кастанеда предложил третье.

Духовность без Церкви.

Тайну без богословия.

Дисциплину без монастыря.

Учителя без святости.

Путь без Христа.

Смерть без воскресения.

И это оказалось чрезвычайно созвучно человеку второй половины XX века.

Потому что этот человек уже не хотел возвращаться к старой религиозной форме. Она казалась ему тесной. Он не хотел прежней морали. Она казалась ему подавляющей. Он не хотел церковной иерархии. Она казалась ему внешним авторитетом. Но при этом он уже не мог удовлетвориться и плоским материализмом.

Ему хотелось тайны.

Но такой тайны, которой можно овладеть.

Ему хотелось духовного мира.

Но такого, в который можно войти через технику.

Ему хотелось бессмертия.

Но такого, которое не требовало бы смирения перед Христом.

И вот здесь появляется дон Хуан.

Неважно пока, был ли он конкретным человеком в обычном паспортном смысле или стал образом, через который Кастанеда выразил нечто более глубокое. Для духовной симптоматиологии важно другое: в этом образе западный человек впервые получил очень цельную фигуру нового посвящённого.

Не святого.

Не пророка.

Не философа.

Не священника.

Не розенкрейцера.

Не антропософа.

А война сознания.

Дон Хуан не учит спасению души. Он не говорит о грехе. Он не говорит о покаянии. Он не говорит о благодати. Он не говорит о Христе. Он не говорит о любви как центральной силе преображения человека.

Он говорит о другом.

О силе.

О внимании.

О восприятии.

О безупречности.

О сновидении.

О теле.

О страхе.

О смерти.

О способности человека выйти за пределы обычного состояния сознания и не быть уничтоженным этим выходом.

Это уже совсем иная духовная грамматика.

В христианстве человек стоит перед Богом.

У Кастанеды человек стоит перед неизвестным.

В христианстве смерть есть порог, через который душа проходит к духовному миру и в конечном счёте к суду, очищению и возможности воскресения.

У Кастанеды смерть становится силой, перед которой надо быть собранным, внимательным, безупречным и готовым.

В христианстве центр — Христос.

У Кастанеды центр — осознание.

Именно эта замена является решающей.

Потому что речь идёт не просто о смене религиозного языка. Речь идёт о смене самой духовной цели.

Христианский путь спрашивает: что должно произойти с моей душой, чтобы она могла жить в Боге?

Путь дона Хуана спрашивает иначе: что должно произойти с моим сознанием, чтобы оно не было поглощено смертью?

Это совершенно разные вопросы.

Первый вопрос ведёт к преобразению души.

Второй — к удержанию осознания.

Первый требует нравственного перерождения.

Второй требует силы, дисциплины и техники.

Первый ставит человека перед Христом.

Второй ставит человека перед безличной мощью неизвестного.

Именно поэтому Кастанеда является не просто литературным явлением. Через него в западную культуру входит новый тип духовного стремления: не спастись, а стать способным.

Способным видеть.

Способным сновидеть.

Способным не бояться.

Способным действовать.

Способным встретить смерть.

Способным сохранить осознание.

И всё это звучит очень сильно.

Надо признать: именно поэтому Кастанеду нельзя просто отмахнуть как «моду», «мистификацию» или «контркультурную экзотику». Такой лёгкий отказ был бы духовно ленивым.

Потому что сила этого образа не в том, доказан ли дон Хуан архивно.

Сила в том, что через него была названа потребность эпохи.

Эпоха хотела духовности, но не хотела Христа.

Хотела учителя, но не хотела святости.

Хотела дисциплины, но не хотела покаяния.

Хотела преодолеть страх смерти, но не хотела воскресения.

Хотела бессмертия, но в форме сохранения сознания.

И Кастанеда дал этой потребности язык.

Вот почему вопрос о достоверности дон Хуана, при всей его важности, остаётся вторичным.

Даже если бы оказалось, что дон Хуан как отдельный исторический старец не существовал в том виде, в каком он описан в книгах, это всё равно не уничтожило бы его духовно-исторического значения.

Потому что иногда культурная маска говорит о действии духовной силы больше, чем биография.

Паспорт может отсутствовать.

Архив может молчать.

Этнограф может спорить.

Литературовед может разоблачать.

Но образ уже вошёл в сознание миллионов людей и начал действовать.

А для духовной симптоматиологии главное — действие.

Что вошло через этот образ?

Какой новый импульс был передан?

Какое отношение к смерти стало возможным?

Какой тип духовности получил массовое признание?

И вот здесь ответ становится вполне определённым.

Через Кастанеду в западное сознание вошёл образ посвящения, в котором духовный мир уже не воспринимается как область Отца, Христа, иерархий, кармы и посмертного пути души.

Он воспринимается как область силы.

Как область неизвестного.

Как область восприятия.

Как область энергии.

Как область, в которую можно войти при помощи особой дисциплины.

Это не религия.

Это не философия.

Это не традиционная мистика.

Это техника сознания, облечённая в мистериальную форму.

И потому Кастанеда стоит ровно на границе двух эпох.

За ним — старый религиозный мир, где человек ещё спрашивал о спасении.

Перед ним — новый ариманический мир, где человек будет спрашивать о сохранении сознания, управлении телом, продлении жизни, изменении восприятия, цифровом бессмертии и техническом прохождении через смерть.

Конечно, у Кастанеды ещё нет нейросетей, цифровых двойников, трансгуманистических лабораторий и проектов загрузки сознания.

Но внутренняя логика уже дана.

Сознание можно тренировать.

Сознание можно перестраивать.

Сознание можно усилить.

Сознание можно вывести за пределы обычного человеческого состояния.

Сознание можно подготовить к смерти.

Сознание можно попытаться сохранить.

Вот это и есть главный симптом.

Ариманическая эпоха начинается не сразу с компьютера.

Не сразу с искусственного интеллекта.

Не сразу с биотехнологий.

Не сразу с цифрового бессмертия.

Сначала она должна изменить сам вопрос человека о себе.

Человек должен перестать спрашивать: как мне соединиться с Христом?

И начать спрашивать: как мне сохранить осознание?

Кастанеда оказался одним из тех, через кого этот вопрос впервые прозвучал массово, ярко и притягательно.

Поэтому в рамках нашей статьи он важен не как «доказательство» и не как «источник истины».

Он важен как симптом.

Как окно.

Как трещина в культуре, через которую стало видно: западное человечество входит в новый этап духовной истории.

Оно уже не хочет быть просто материалистическим.

Но оно ещё не хочет быть христианским.

Оно хочет духовности, которая укрепляет земное сознание.

И в этом смысле Кастанеда становится одним из самых выразительных проводников ариманического поворота второй половины XX века.

Через него западный человек услышал не голос Церкви, не голос Христа, не голос совести, не голос покаяния.

Он услышал голос старого учителя, который говорил: перестань быть обычным человеком, собери внимание, стань безупречным, измени восприятие, встреться со смертью и сохрани осознание.

А это уже не просто литературный сюжет.

Это духовный симптом огромной силы.

10. Дон Хуан как старец на пороге смерти

Теперь мы можем подойти к фигуре дона Хуана Матуса уже не как к литературному персонажу и не как к этнографической загадке, а как к духовному образу.

И здесь прежде всего бросается в глаза одно обстоятельство, которое обычно воспринимают слишком внешне.

Дон Хуан — старик.

Казалось бы, что в этом особенного? В традиционных культурах старец, учитель, шаман, знахарь, хранитель тайного знания почти всегда изображается человеком преклонного возраста. Старость здесь как будто просто знак опыта. Старый человек дольше жил, больше видел, больше знает, больше умеет.

Но в нашем рассмотрении эта деталь получает гораздо более глубокое значение.

Если Ариману для его земного действия нужна не юношеская телесность, не тело роста, не тело становления, не тело, в котором жизнь ещё поднимается, а тело, уже стоящее у порога смерти, тогда образ дона Хуана становится удивительно точным.

Он появляется перед нами не как молодой пророк.

Не как харизматический реформатор.

Не как политический вождь.

Не как основатель новой религии.

Не как публичный учитель человечества.

Он появляется как старик, находящийся почти вне истории.

Вне обычной цивилизации.

Вне социальных институтов.

Вне церковной традиции.

Вне академической науки.

Вне политики.

Вне культуры в её привычном европейском смысле.

Он как будто стоит на краю мира.

И одновременно — на краю жизни.

Это очень важно.

Потому что дон Хуан не просто учит чему-то необычному. Он учит из области порога. Вся его фигура пропитана близостью смерти. Он не прячет смерть, не смягчает её, не

превращает её в моральное назидание, не утешает ученика надеждой на небесное блаженство. Он всё время держит смерть рядом, почти как живое присутствие.

Но это не христианская близость смерти.

В христианстве память о смерти должна вести человека к покаянию, к смирению, к очищению души, к Христу. Смерть напоминает человеку, что он не принадлежит окончательно Земле. Она пробуждает совесть. Она ставит его перед Богом. Она разрушает самодовольство земной личности.

У дона Хуана смерть действует иначе.

Она не ведёт к покаянию.

Она не ведёт к молитве.

Она не ведёт к Христу.

Она не ведёт к Отцу.

Она становится силой, с которой надо научиться обращаться.

Смерть у него не столько духовный суд, сколько предельный вызов сознанию. Она не столько врата в духовный мир, сколько рубеж, перед которым человек должен стать предельно собранным, точным, безупречным, нерассеянным.

Именно поэтому старость дона Хуана имеет не бытовое, а мистериальное значение.

Он стар не просто потому, что много прожил.

Он стар потому, что находится у порога.

Ариманическому посвящённому не нужно быть юным. Ему не нужно заражать человечество мечтой роста. Ему не нужно пробуждать в человеке романтическое вдохновение. Ему не нужно вести массы за собой. Ему нужно другое: показать возможность особого отношения к смерти.

Дон Хуан и делает именно это.

Он не говорит ученику: смерть победит Христос.

Он не говорит: душа должна пройти через очищение.

Он не говорит: приготовься к встрече с Богом.

Он говорит иначе: смерть рядом; смотри на неё; не отворачивайся; будь безупречен; собери своё внимание; перестань быть обычным человеком; измени восприятие; научись действовать так, чтобы смерть не застала тебя рассеянным.

На первый взгляд это может показаться почти героическим.

И действительно, в этом есть сила.

Но это сила не христианская.

Это сила воина сознания, который хочет не столько преобразиться, сколько сохраниться.

И вот здесь мы видим главный признак ариманического посвящения.

Дон Хуан не строит религию.

Он не создаёт общину верующих.

Он не вводит ученика в Церковь.

Он не связывает его с Христом.

Он не говорит о благодати.

Он не говорит о любви как высшей силе.

Он не говорит о нравственном перерождении как центре пути.

Он не говорит о грехе.

Он не говорит о спасении души.

Вместо этого он говорит о силе, внимании, сновидении, восприятии, теле, страхе, смерти и сохранении осознания.

Это совсем другая духовная грамматика.

Христианский старец ведёт ученика к покаянию.

Дон Хуан ведёт ученика к безупречности.

Христианский старец раскрывает грех как болезнь души.

Дон Хуан раскрывает слабость как потерю силы.

Христианский старец говорит о смирении.

Дон Хуан говорит о войне.

Христианский старец учит любви.

Дон Хуан учит собранности.

Христианский старец помогает человеку умереть для себя, чтобы жить во Христе.

Дон Хуан учит человека не потерять себя перед лицом смерти.

И вот это различие решающее.

Потому что на поверхности некоторые вещи могут казаться близкими. И там, и там есть дисциплина. И там, и там есть память о смерти. И там, и там есть отказ от обычной рассеянной жизни. И там, и там есть требование серьёзности.

Но внутренний центр совершенно другой.

В христианстве человек должен освободиться от самозамкнутости, чтобы открыть своё Я Христу.

У дона Хуана человек должен собрать себя так, чтобы не быть поглощённым смертью.

Христианский путь ведёт через самоотдачу.

Путь дона Хуана ведёт через удержание.

А удержание — это уже ариманическое слово.

Ариман хочет не растворить человека в хаосе. Он хочет его закрепить. Зафиксировать. Сделать собранным, точным, устойчивым, способным сохранять себя. Но сохранять не в Боге, а в собственном земном сознании.

Именно поэтому дон Хуан не похож на Люцифера.

Люциферическая фигура обычно сияет. Она увлекает, вдохновляет, поднимает, обещает мудрость, красоту, высоту, освобождение от тяжести. В ней есть свет, пусть и ложный. Есть блеск. Есть соблазн духовной возвышенности.

Дон Хуан не таков.

Он сух.

Суров.

Жёсток.

Трезв.

Практичен.

Он не даёт ученику утешения.

Он не распахивает перед ним сияющие небеса.

Он не зовёт его в мир прекрасных идей.

Он не строит философии.

Он учит технике.

Как видеть.

Как двигаться.

Как охотиться.

Как сновидеть.

Как не терять силу.

Как остановить внутренний диалог.

Как обращаться с телом.

Как встретить страх.

Как подойти к смерти.

Это не люциферическая поэзия духа.

Это ариманическая техника сознания.

Именно здесь фигура дона Хуана оказывается настолько важной.

Он старец, но не святой.

Учитель, но не пастырь.

Посвящённый, но не христианин.

Мистик, но без благодати.

Воин, но не мученик.

Проводник к смерти, но не к воскресению.

В нём как будто собраны главные черты того, что можно назвать ариманическим посвящением XX века.

Он не приходит, чтобы разрушить мир.

Не приходит, чтобы развязать войну.

Не приходит, чтобы создать партию.

Не приходит, чтобы возглавить государство.

Не приходит, чтобы построить внешнюю машину цивилизации.

Он приходит как носитель внутренней техники.

И это гораздо тоньше.

Потому что внешняя техника может появиться позже: компьютеры, нейросети, биотехнологии, цифровые двойники, проекты продления жизни, мечты о загрузке

сознания. Но прежде чем человечество примет всё это, в нём должна возникнуть внутренняя готовность.

Человек должен сначала поверить, что сознание можно сохранить.

Что смерть можно пройти иначе.

Что духовный мир — это не обязательно область Христа и кармы, а область силы и техники.

Что главное — не спасение души, а сохранение осознания.

И вот этот внутренний поворот дон Хуан выражает почти идеально.

Он как бы стоит у истока нового отношения к смерти.

Не религиозного.

Не философского.

Не медицинского.

Не технологического в современном цифровом смысле.

А мистериально-технического.

Смерть становится не тайной Бога, а задачей воина.

И это, на мой взгляд, является одним из главных признаков ариманического следа.

Здесь важно сделать оговорку.

Я не хочу сейчас утверждать грубо: дон Хуан Матус был Ариманом.

Такая формула слишком прямолинейна и, возможно, даже вредна для понимания. Она сразу превращает сложную духовно-симптоматологическую проблему в сенсационное заявление. А сенсационность в таких вопросах почти всегда затемняет мысль.

Гораздо точнее сказать иначе.

Дон Хуан Матус у Кастанеды является образом, в котором с необычайной полнотой проступает фигура ариманического посвящённого XX века.

Это не окончательный приговор.

Не догмат.

Не газетный заголовок.

А духовно-исследовательская гипотеза.

Мы должны смотреть не на внешнюю биографию, а на совокупность признаков.

Старческая фигура на пороге смерти.

Древнеамериканский мистериальный фон.

Отсутствие Христа.

Отсутствие покаяния.

Отсутствие христианского понимания спасения.

Центральность силы, внимания и восприятия.

Техника сновидения.

Особая работа с телом.

Смерть как постоянный спутник.

Главная цель — сохранение осознания.

Если все эти черты собрать вместе, то перед нами возникает не просто «индейский шаман» и не просто литературный учитель контркультуры.

Перед нами появляется образ, удивительно точно соответствующий тому, что мы выше определили как ариманическое посвящение.

Именно поэтому дон Хуан должен быть рассмотрен серьёзно.

Не для того, чтобы превратить его в страшилку.

Не для того, чтобы запретить Кастанеду.

Не для того, чтобы обвинить всех его читателей в служении Ариману.

Такой подход был бы слишком грубым.

Дон Хуан важен потому, что через него видно, как Ариман может действовать не в форме грубого зла, а в форме высокой дисциплины.

Не в форме хаоса, а в форме предельной собранности.

Не в форме бездуховности, а в форме духовности без Христа.

Не в форме отрицания смерти, а в форме её технического освоения.

Вот почему образ старца на пороге смерти становится центральным.

Ариман не обязательно должен прийти как молодой царь мира.

Он может прийти как тот, кто стоит у края жизни и знает, как не уйти туда, куда душа должна была бы уйти по нормальному христианско-кармическому пути.

Он может прийти не с трибуны, а из пустыни.

Не из столицы, а с окраины цивилизации.

Не через власть, а через ученика.

Не через государство, а через книгу.

Не через приказ, а через соблазн нового пути.

Именно поэтому фигура дона Хуана так опасно притягательна.

В ней нет дешёвого демонизма.

Нет карикатурного зла.

Нет примитивного материализма.

Нет явной ненависти к духовному.

Наоборот, в ней есть тайна, сила, трезвость, дисциплина, мужество, глубина и почти аскетическая серьёзность.

Но нет Христа.

А там, где есть великая духовная серьёзность без Христа, там всегда надо спрашивать: кто стоит в центре этой серьёзности?

Дух свободы?

Дух любви?

Или дух удержания?

Именно этот вопрос и ведёт нас к следующему разделу — к теме ариманического бессмертия земного сознания.

11. Дон Хуан и ариманическое бессмертие земного сознания

Теперь мы подходим к центральному пункту всей статьи.

До сих пор мы говорили о многом: о Люцифере, Христе и Аримане; о кармическом ритме человеческой души; о 1960-х годах; о переходе от религии спасения к технике сознания; о Кастанеде как симптоме новой духовной эпохи; о доне Хуане как старце на пороге смерти.

Но всё это было подготовкой.

Главный вопрос начинается здесь.

Что именно предлагает дон Хуан человеку перед лицом смерти?

Если мы ответим на этот вопрос честно, то увидим, что перед нами не просто шаманская мудрость, не просто экзотическая духовная практика, не просто необычная антропология сознания. Перед нами появляется нечто гораздо более серьёзное: образ бессмертия, который не является ни христианским, ни люциферическим в прежнем смысле.

Это бессмертие земного сознания.

Именно поэтому фигура дона Хуана так важна для понимания Аримана.

В христианстве смерть преодолевается не силой самого человека. Не техникой. Не ловкостью сознания. Не тренировкой восприятия. Не умением сновидеть. Не накоплением личной силы. Смерть преодолевается Христом.

Человек сам по себе не владеет смертью.

Он может мужественно встретить её. Он может подготовиться к ней. Он может очистить душу. Он может покаяться. Он может соединиться со Христом. Но он не может сделать смерть объектом своей власти.

Христианин не проходит через смерть как техник.

Он проходит через неё как душа, нуждающаяся в Боге.

Именно поэтому христианское бессмертие — это не сохранение прежнего земного сознания в неизменном виде. Это не продолжение эгоистически собранной личности. Это не попытка пронести через смерть то же самое земное «я», только более сильное, собранное и неуязвимое.

Христианское бессмертие связано с преображением.

С очищением.

С отдачей себя.

С прохождением через смерть во Христе.

С тем, что человеческое Я не замыкается на себе, а открывается высшему источнику жизни.

Иначе говоря, христианство не учит человека сохранить себя от Бога.

Оно учит человека найти себя в Боге.

У дона Хуана всё иначе.

В центре его пути стоит не спасение души, а сохранение осознания.

Это надо произнести совершенно ясно.

Не спасение.

Не воскресение.

Не покаяние.

Не встреча с Христом.

Не возвращение к Отцу.

А именно сохранение осознания.

В этом выражается вся духовная разница.

Потому что осознание у дона Хуана не есть то же самое, что душа в христианском смысле. Душа — это живая внутренняя область человека, способная к любви, совести, покаянию, страданию, очищению, преображению, встрече с Богом. Осознание же в кастанедовском мире понимается гораздо более технически. Это сила восприятия. Это собранность. Это способность не быть поглощённым обычным течением мира. Это возможность удержать центр внимания, не распасться, не быть съеденным смертью.

И вот здесь мы видим ариманический нерв.

Ариман не говорит человеку: стань святым.

Он говорит: стань способным сохранить себя.

Ариман не говорит: отдай себя Христу.

Он говорит: удержи своё сознание.

Ариман не говорит: пройди через смерть как через врата к Отцу.

Он говорит: научись пройти через смерть так, чтобы не потерять осознание.

На первый взгляд это может показаться великой духовной задачей.

И в каком-то смысле это действительно великая задача. Здесь нет пошлости. Нет мелкого бытового эгоизма. Нет простого желания жить подольше в удобном теле. У дона Хуана всё гораздо строже. Его путь требует дисциплины, мужества, собранности, отказа от обычной человеческой слабости.

Но именно поэтому он так опасен.

Потому что чем выше духовная серьёзность без Христа, тем сильнее возможность подмены.

Дешёвый материализм легко распознать. Он груб. Он говорит: есть только тело, еда, деньги, удовольствие, власть, биология. Такой материализм может унижить человека, но он редко соблазняет его духовной высотой.

А вот путь дона Хуана гораздо тоньше.

Он не говорит: живи ради удовольствия.

Он не говорит: смерти нет.

Он не говорит: духовного мира нет.

Он говорит: смерть есть, и ты должен подготовиться к ней так, чтобы она не уничтожила твоё осознание.

Это звучит серьёзно.

Даже величественно.

Но в этом величии отсутствует Христос.

Смерть здесь не преодолевается воскресением. Она не раскрывается как порог духовного мира, через который душа должна пройти в ритме кармы. Она не становится местом встречи человека с высшим смыслом его жизни.

Она становится рубежом, который надо пройти технически.

Именно это я и называю ариманическим бессмертием.

Ариманическое бессмертие — это не вечная жизнь в Боге.

Это не бессмертие души во Христе.

Это не то состояние, при котором человек, пройдя через смерть, очищается, преображается и входит в духовный мир как в свою настоящую Родину.

Ариманическое бессмертие — это попытка сохранить земное сознание за пределами нормальной земной жизни.

Сохранить не преображённую душу, а собранное осознание.

Сохранить не любовь, а внимание.

Сохранить не связь с Христом, а способность воспринимать и действовать.

Сохранить не открытость Отцу, а собственную внутреннюю непрерывность.

Вот почему у дона Хуана смерть не является концом обычной жизни в христианском смысле. Она становится испытанием техники.

Человек должен научиться жить так, чтобы смерть не застала его врасплох.

Но не потому, что он должен предстать перед Богом.

А потому, что он должен сохранить силу.

Он должен быть безупречен.

Но не потому, что безупречность есть чистота перед Христом.

А потому, что рассеянность, жалость к себе, страх, слабость и самодовольство разрушают способность сознания удержаться.

Здесь даже нравственные слова получают другой смысл.

Безупречность у дона Хуана не равна святости.

Святость обращена к Богу.

Безупречность обращена к силе.

Святость проходит через любовь.

Безупречность проходит через точность.

Святость связана с преображением души.

Безупречность связана с экономией энергии и собранностью сознания.

Святость освобождает человека от самозамкнутости.

Безупречность делает человека предельно собранным в себе.

Именно поэтому кастанедовская безупречность является одной из самых характерных форм ариманической духовности.

Она не низкая.

Она не развратная.

Она не хаотическая.

Она даже не мягкая.

Она предельно строгая.

Но она не ведёт к Христу.

В этом её страшная двойственность.

Дон Хуан учит ученика не быть обычным человеком. Он разрушает привычное восприятие, привычную биографию, привычную жалость к себе, привычные социальные маски. Всё это может напоминать духовный путь. И на определённом уровне действительно похоже на путь.

Но куда ведёт этот путь?

Вот главный вопрос.

Если человек теряет привычное «я», чтобы обрести своё истинное Я во Христе, это один путь.

Если человек теряет привычное «я», чтобы стать более сильным, более собранным, более способным удержать осознание, это совсем другой путь.

Первый путь ведёт к преобразению.

Второй — к закреплению сознания.

Первый путь проходит через смерть для себя.

Второй — через сохранение себя перед смертью.

Первый путь христианский.

Второй — ариманический.

И вот здесь мы можем понять, почему дон Хуан так точно совпадает с самой внутренней целью Аримана.

Ариман хочет, чтобы человек перестал переживать смерть как врата в духовный мир. Он хочет, чтобы смерть стала не переходом к Отцу, а проблемой удержания сознания. Он хочет, чтобы человек не доверил себя духовному миру, а научился сохранять себя вопреки этому переходу.

У Кастанеды мы видим именно это.

Смерть постоянно присутствует.

Но она не христианизируется.

Она не становится Голгофой.

Она не ведёт к воскресению.

Она становится испытанием сознания.

Именно поэтому формула этого раздела должна быть предельно ясной:

У дона Хуана смерть не преодолевается Христом. Она обходится техникой сознания.

Это не значит, что у Кастанеды всё сводится к грубой технике в современном машинном смысле. Нет. Там речь идёт о внутренней технике. О дисциплине восприятия. О сновидении. О внимании. О теле. О движении точки восприятия. О накоплении силы. О безупречности. О способности встретить неизвестное не как беспомощная душа, а как воин.

Но именно внутренняя техника и является преддверием внешней техники.

Сначала человек должен поверить, что сознание можно сохранить духовно-практически.

Потом он поверит, что сознание можно сохранить технически.

Сначала появляется воин, который хочет пройти через смерть с сохранением осознания.

Потом появляется трансгуманист, который хочет загрузить сознание в цифровую систему.

Сначала появляется магическая техника восприятия.

Потом появляется нейротехнология.

Сначала появляется сновидение как путь удержания сознания вне обычного тела.

Потом появляется виртуальная реальность как искусственное пространство продолжения личности.

Именно поэтому дон Хуан — это не случайный архаический образ. Он удивительным образом стоит у истока будущего.

Он старик из древнеамериканской мистериальной тени, но говорит о том, что станет главным соблазном XXI века: как сохранить сознание за пределами обычной смерти?

Здесь древнее и современное сходятся.

Шаманская маска и трансгуманистическая мечта оказываются двумя формами одной и той же ариманической задачи.

Дон Хуан говорит языком пустыни, сновидения, силы, война и смерти.

Современный трансгуманист говорит языком нейросетей, данных, сканирования мозга, цифрового двойника, продления жизни и переноса сознания.

Но внутренний вопрос один и тот же:

как сохранить земное сознание без Христа?

Вот почему нельзя легкомысленно отделять Кастанеду от современной технократической цивилизации. Внешне это разные миры. Один — индейская мистика, другой — лаборатории, компьютеры, биотехнологии. Но духовно они могут принадлежать к одной линии.

Кастанеда даёт внутренний миф.

Трансгуманизм даёт внешнюю технику.

Дон Хуан даёт образ воина сознания.

Цифровая цивилизация даёт образ бессмертного информационного субъекта.

И там, и там смерть перестаёт быть тем, чем она является в христианстве.

Она перестаёт быть порогом, через который душа идёт к духовному миру и в конечном счёте к Отцу.

Она становится препятствием, которое надо обойти.

В этом и состоит ариманическая подмена.

Христос говорит человеку: пройди через смерть со Мной.

Ариман говорит: я научу тебя пройти через смерть без Него.

Именно поэтому тема сохранения осознания у Кастанеды является не второстепенной, а центральной для нашей статьи.

Если бы у дона Хуана речь шла только о необычных состояниях, растениях силы, шаманских путешествиях или экзотической антропологии, он мог бы остаться на периферии нашего рассмотрения.

Но поскольку у него в центре стоит вопрос смерти и осознания, он входит в самую сердцевину проблемы инкарнации Аримана.

Потому что Ариман должен принести человечеству не просто новый материализм.

Материализм уже был.

Не просто технику.

Техника уже развивалась.

Не просто комфорт.

Комфорт уже входил в жизнь.

Ариман должен открыть новую возможность: возможность бессмертия земного сознания.

И дон Хуан является одним из первых великих образов этой возможности в массовой культуре XX века.

Он не обещает рай.

Он не обещает спасение.

Он не обещает милость Божью.

Он не обещает воскресение.

Он обещает путь, на котором человек может перестать быть пищей для обычной смерти.

Это чрезвычайно серьёзно.

И чрезвычайно опасно.

Потому что человек, который больше не хочет быть «пищей для смерти», может оказаться готовым стать пленником Аримана.

В христианском смысле человек должен не сохранить своё земное сознание любой ценой, а преобразить своё Я так, чтобы оно могло жить в Боге.

Но ариманическое сознание не хочет быть преображено.

Оно хочет быть сохранено.

И это различие решает всё.

Преображение требует любви.

Сохранение требует силы.

Преображение требует доверия.

Сохранение требует контроля.

Преображение требует самоотдачи.

Сохранение требует удержания.

Преображение ведёт к Христу.

Сохранение, замкнутое на земном сознании, ведёт к Ариману.

Вот почему у дона Хуана мы видим не просто иной духовный путь, а именно тот путь, который можно назвать ариманическим посвящением.

Он начинается с серьёзности.

Проходит через дисциплину.

Ведёт к технике сознания.

Ставит смерть в центр.

Но вместо воскресения предлагает сохранение осознания.

И если искать в XX веке культурный образ, в котором ариманическое бессмертие впервые стало ощутимым для миллионов людей, то фигура дона Хуана оказывается одним из самых значительных и тревожных кандидатов.

Не потому, что всё уже доказано биографически.

А потому, что духовная структура образа почти идеально совпадает с внутренней целью Аримана.

Ариман хочет, чтобы человек остался в земном сознании.

Дон Хуан учит, как сохранить осознание перед лицом смерти.

Это совпадение слишком существенно, чтобы считать его случайностью.

12. Безупречность без морали

Теперь надо остановиться на одном слове, которое у Кастанеды играет почти центральную роль.

Это слово — **безупречность**.

На первый взгляд оно звучит почти нравственно. Даже более того — оно может показаться близким к христианскому представлению о чистоте, строгости, внутренней собранности, ответственности человека перед высшим смыслом жизни.

Безупречный человек — разве это плохо?

Разве христианин не должен быть безупречным?

Разве духовный ученик не должен быть дисциплинированным, внимательным, честным, трезвым, собранным?

Именно здесь начинается тончайшая подмена.

Потому что одно и то же слово может принадлежать совершенно разным духовным мирам.

В христианстве безупречность, если вообще использовать это слово, не может быть отделена от совести. От покаяния. От любви. От сострадания. От жертвенности. От внутреннего суда над самим собой. От желания не просто стать сильнее, а стать чище перед Богом.

Христианская строгость рождается из встречи человека со своим грехом.

Человек видит, что он несовершенен. Видит, что в нём живёт гордость, страх, самолюбие, раздражение, зависть, ложь, жестокость, холодность, равнодушие. И он не просто хочет стать более эффективным. Он хочет измениться нравственно. Он хочет исцелить душу. Он хочет, чтобы в нём пробудилось Христово Я.

У дона Хуана всё иначе.

Его безупречность — это не нравственная чистота перед Богом.

Это не покаяние.

Не любовь.

Не сострадание.

Не жертва.

Не милосердие.

Не Христово преображение души.

Это дисциплина воина.

Воин должен быть безупречен не потому, что он стоит перед Богом, а потому что любая рассеянность делает его уязвимым. Жалость к себе отнимает силу. Лишние слова рассеивают энергию. Привязанность к собственной биографии делает человека слабым. Страх разрушает внимание. Обычная человеческая эмоциональность превращает его в добычу.

И потому безупречность у дона Хуана — это прежде всего техника сохранения силы.

Она нужна не для спасения души, а для удержания осознания.

Вот это различие решает всё.

Христианская мораль спрашивает: стал ли ты лучше как душа?

Донхуановская безупречность спрашивает иначе: не потерял ли ты силу?

Христианская совесть спрашивает: любишь ли ты?

Донхуановская дисциплина спрашивает: собран ли ты?

Христианство спрашивает: способен ли ты пожертвовать собой ради другого?

Путь воина спрашивает: способен ли ты не растратить себя?

Христианство ведёт человека к раскрытию сердца.

Дон Хуан ведёт человека к безупречной концентрации сознания.

На поверхности это может выглядеть даже выше обычной морали. Дон Хуан действительно презирает мелочность, нытьё, саможаление, слабость, бессмысленную болтовню, суетную привязанность к собственной важности. Всё это, казалось бы, можно только приветствовать. Ведь и христианская аскетика борется с самолюбием, тщеславием, рассеянностью, празднословием.

Но внутренний мотив совершенно другой.

Христианский подвижник борется с самолюбием, чтобы освободить место для Бога.

Воин дона Хуана борется с собственной важностью, чтобы высвободить силу.

Христианин молчит, чтобы услышать Бога.

Воин молчит, чтобы не терять энергию.

Христианин смиряется, чтобы победить гордыню.

Воин отказывается от жалости к себе, чтобы стать неуязвимым.

Христианин готовит душу к смерти как к встрече с духовным миром.

Воин готовит сознание к смерти как к предельному испытанию сохранения осознания.

Именно поэтому у дона Хуана мы встречаем не мораль, а функциональную дисциплину.

Она строга.

Но она не добра.

Она трезва.

Но она не милосердна.

Она глубока.

Но она не христианска.

Она требует от человека многого, но не требует главного — любви.

И вот здесь мы подходим к очень важному различию между Люцифером и Ариманом.

В предыдущих разделах я говорил, что Люцифер даёт человеку мудрость без морали. Это один из главных признаков люциферического соблазна. Человек может быть мудрым, тонким, вдохновенным, культурным, философски одарённым, духовно изящным — и при этом не иметь настоящего морального центра.

Люцифер может дать высоту без совести.

Красоту без покаяния.

Мудрость без любви.

Вдохновение без креста.

Но у дона Хуана мы видим уже не просто мудрость без морали.

Мы видим нечто более позднее, более сухое, более земное и более опасное.

Мы видим **технику сознания без морали.**

Это уже не чистый Люцифер.

Это ариманический этап.

Люциферический мудрец может парить над жизнью. Он может говорить о вечности, о духе, о красоте, о высших мирах. Он может презирать земную тяжесть. Он может быть гордым, сияющим, вдохновенным.

Дон Хуан не парит.

Он действует.

Он не строит философии.

Он обучает.

Он не зовёт к красоте.

Он требует точности.

Он не утешает ученика высокой мудростью.

Он ломает его привычное восприятие.

Он не открывает человеку сияющий духовный мир.

Он заставляет его работать с вниманием, страхом, телом, сновидением, смертью.

Это совсем другой тон.

Здесь нет люциферической воздушности.

Здесь есть ариманическая сухость.

Здесь всё подчинено задаче: стать способным.

Способным видеть.

Способным действовать.

Способным не бояться.

Способным удерживать себя.

Способным не растратить осознание.

Способным пройти через смерть иначе.

И потому безупречность у дона Хуана — это не нравственная категория. Это категория силы.

В христианстве человек может быть слабым, плачущим, сокрушённым, но именно через это прийти к Богу.

У дона Хуана слабость почти всегда является потерей энергии.

В христианстве слёзы покаяния могут быть началом спасения.

У дона Хуана жалость к себе — препятствие на пути воина.

В христианстве человек спасается не тем, что стал неуязвимым, а тем, что открылся Христу.

У дона Хуана человек должен стать неуязвимым именно потому, что он не полагается на Христа.

И вот это отсутствие Христа делает всю систему иной.

Если убрать из духовной дисциплины Христа, любовь, совесть и покаяние, то дисциплина не исчезает. Она может стать даже жёстче. Даже чище внешне. Даже точнее. Даже эффективнее.

Но она меняет свою природу.

Она перестаёт быть путём преображения души.

Она становится методом укрепления сознания.

А укрепление сознания без нравственного преображения — это и есть одна из самых опасных форм ариманического посвящения.

Потому что обычный грешник ещё знает, что он грешник.

А безупречный воин может вообще перестать мыслить себя в категориях греха.

Он не спрашивает: добр ли я?

Он спрашивает: силен ли я?

Он не спрашивает: люблю ли я?

Он спрашивает: свободен ли я от привязанности?

Он не спрашивает: чиста ли моя душа?

Он спрашивает: не теряю ли я осознание?

Он не спрашивает: что во мне должно умереть ради Христа?

Он спрашивает: что во мне мешает мне сохранить себя перед смертью?

Здесь духовная работа как будто есть.

Но её центр смещён.

И это смещение гораздо важнее внешних форм.

Именно поэтому дон Хуан может казаться почти аскетом. Он действительно учит отказу от лишнего, отказу от слабости, отказу от самодовольства, отказу от болтовни, отказу от рассеянности, отказу от обычного человеческого сна.

Но его аскетика не ведёт к святости.

Она ведёт к силе.

А сила без любви не становится добром.

Она становится властью.

Не обязательно властью над другими людьми. Это может быть власть над собой, над вниманием, над страхом, над телом, над восприятием. Но если эта власть не раскрыта Христу, она всё равно остаётся властью земного сознания.

И здесь мы снова видим ариманический признак.

Ариман не нуждается в распущенном человеке.

Распущенный человек слаб. Он слишком хаотичен. Он не способен стать настоящим органом ариманического посвящения.

Ариману нужен другой тип.

Собранный.

Точный.

Холодный.

Трезвый.

Дисциплинированный.

Не сентиментальный.

Не расслабленный.

Не погружённый в эмоции.

Способный держать внимание.

Способный управлять телом.

Способный не дрожать перед смертью.

Способный не искать утешения.

Именно таким типом и является воин дона Хуана.

Это не буржуазный потребитель, лежащий на диване.

Это не мягкий человек комфорта.

Это суровый вариант ариманического человека.

Но связь между ними глубже, чем кажется.

Мягкий человек комфорта хочет, чтобы Земля стала удобной и безопасной.

Воин дона Хуана хочет, чтобы сознание стало сильным и неуязвимым.

Первый закрепляется в Земле через удовольствие.

Второй — через силу.

Первый боится смерти и отодвигает её медициной, потреблением, психологией.

Второй смотрит смерти в лицо и пытается пройти её техникой сознания.

Но оба пути могут вести к одному: к удержанию земного сознания без Христа.

И потому дон Хуан не противоречит ариманической эпохе комфорта. Он является её мистериальной противоположностью и одновременно её глубинным дополнением.

Для масс — комфорт.

Для ищущих — техника сознания.

Для слабых — потребление.

Для сильных — безупречность.

Для обычного человека — медицина и безопасность.

Для посвящённого нового типа — сохранение осознания.

Но Христос отсутствует и там, и там.

Именно поэтому эта система так опасна.

Если бы дон Хуан просто проповедовал грубый эгоизм, его легко было бы отвергнуть. Если бы он учил наслаждению, власти, богатству, насилию или банальной магии, его духовная природа была бы слишком очевидной.

Но он учит строгости.

Именно поэтому он притягателен.

Он как будто возвращает современному человеку утраченную серьёзность. В мире потребления, поверхностности и развлечения дон Хуан говорит: перестань быть слабым, перестань жаловаться, перестань жить как автомат, проснись, собери себя, будь воином.

И это звучит почти спасительно.

Но здесь надо задать главный вопрос: воином чего?

Воином Христа?

Воином любви?

Воином истины?

Воином, готовым принести себя в жертву ради другого?

Или воином собственного осознания?

Если человек становится воином только для того, чтобы сохранить себя, то перед нами не христианская доблесть, а ариманическая безупречность.

Христианин тоже должен бодрствовать. Но его бодрствование обращено к Жениху, к Христу, к духовному часу, к последнему суду над собственной душой.

Воин дона Хуана бодрствует перед неизвестным.

Он не хочет быть застигнутым смертью.

Он хочет быть готовым.

Но готовность без Христа становится не духовным бодрствованием, а техникой самосохранения.

Вот почему тема безупречности так важна для всей статьи.

Она показывает, что у дона Хуана мы имеем дело не с обычной аморальностью. Это не отсутствие морали в низком смысле. Это не разврат, не преступность, не разнузданность, не произвол.

Это нечто гораздо более серьёзное.

Это **сверхморальная дисциплина без морали.**

Человек поднимается над обычными социальными представлениями о хорошем и плохом, но не приходит к Христовой любви. Он выходит за пределы бытовой морали, но не входит в область благодати. Он становится строже обычного человека, но не становится добрее. Он становится свободнее от слабости, но не обязательно свободнее от гордыни. Он становится сильнее перед смертью, но не обязательно ближе к Богу.

В этом и заключается ариманическая подмена морали техникой.

Мораль говорит: измени сердце.

Техника говорит: измени состояние.

Мораль говорит: научись любить.

Техника говорит: научись удерживать внимание.

Мораль говорит: принеси себя в жертву.

Техника говорит: не трать силу.

Мораль говорит: умри для себя.

Техника говорит: сохрани осознание.

Именно это различие надо держать перед глазами.

Потому что в современном мире всё чаще происходит та же самая подмена. Человек уже не хочет быть добрым. Он хочет быть эффективным. Не хочет быть смиренным. Хочет быть осознанным. Не хочет каяться. Хочет проработать состояние. Не хочет любить. Хочет быть в ресурсе. Не хочет спастись. Хочет раскрыть потенциал.

В этом смысле дон Хуан оказался одним из ранних и наиболее сильных образов того, что потом станет почти общим языком современной духовно-психологической культуры.

Осознанность вместо совести.

Энергия вместо любви.

Практика вместо покаяния.

Сила вместо благодати.

Состояние вместо души.

Техника вместо Христа.

И потому безупречность дона Хуана нельзя понимать нейтрально.

Она является одним из ключей к распознаванию ариманического посвящения.

Люцифер давал мудрость без морали.

Дон Хуан даёт технику сознания без морали.

Ариман делает следующий шаг: он не просто отделяет духовное знание от нравственного центра, он превращает саму духовную работу в технологию сохранения земного осознания.

И если мы это увидим, то поймём: перед нами не просто иной путь.

Перед нами духовная альтернатива христианству.

Не в форме открытого богоборчества.

Не в форме грубого материализма.

Не в форме политической идеологии.

А в форме строгой, сухой, почти аскетической дисциплины, из которой вынут Христос.

И потому именно здесь вопрос о доне Хуане становится особенно острым.

Потому что опаснее всего не та духовность, которая слишком явно низка.

Опаснее всего та духовность, которая серьёзна, глубока, дисциплинирована, но не знает любви.

Там, где есть сила без любви, появляется Ариман.

Там, где есть безупречность без совести, появляется Ариман.

Там, где есть техника сознания без Христа, появляется Ариман.

И дон Хуан, каким бы загадочным ни был его исторический статус, является одним из самых точных образов этой новой ариманической безупречности.

13. Почему дон Хуан не является просто люциферической фигурой

Теперь нужно сделать важное уточнение.

Кто-то может возразить: хорошо, в доне Хуане действительно есть тайное знание, магия, необычные состояния, выход за пределы обыденного восприятия, учитель, ученик, посвящение, сновидение, невидимые миры. Но разве всё это не относится прежде всего к Люциферу?

На первый взгляд — да.

Именно поэтому этот вопрос надо разобрать отдельно.

Потому что если мы не отличим люциферическое от ариманического в фигуре дона Хуана, вся наша гипотеза может быть понята слишком грубо. Тогда скажут: перед нами просто один из вариантов люциферической магии, ещё одна форма бегства от Земли в необычные переживания, ещё один соблазн тайного знания. И на этом тему закроют.

Но я думаю, что такое объяснение будет недостаточным.

Да, в кастанедовском мире есть люциферические элементы. Это нельзя отрицать. Там есть тайное знание. Есть необычные состояния сознания. Есть выход за пределы обыденного мира. Есть магическая картина реальности. Есть разрушение привычной формы восприятия. Есть соблазн избранности. Есть учитель, который выводит ученика из обычной человеческой жизни в область скрытых сил.

Всё это действительно может напоминать Люцифера.

Но решающим является не наличие отдельных люциферических черт, а общий духовный вектор пути.

Куда ведёт этот путь?

Вверх — в мир красоты, мудрости, вдохновения, духовного сияния?

Или вниз — к сухой, точной, волевой технике удержания сознания?

Люциферическое, в своём чистом виде, всегда стремится оторвать человека от тяжести земного существования. Оно говорит человеку: ты выше этой Земли. Ты выше тела. Ты выше обыденной морали. Ты выше грубой истории. Ты принадлежишь миру духа, света, мудрости, красоты, вдохновения. Земная жизнь слишком тяжела, слишком медленна, слишком груба для тебя.

Люцифер хочет, чтобы человек воспарил.

Пусть даже ложным образом.

Пусть даже преждевременно.

Пусть даже без нравственного основания.

Но всё-таки воспарил.

У дона Хуана мы видим совсем другое.

Он не говорит: воспари.

Он говорит: собери внимание.

Он не говорит: созерцай духовную красоту.

Он говорит: останови внутренний диалог.

Он не говорит: растворишься в сиянии мудрости.

Он говорит: перестань быть доступным.

Он не говорит: вдохновляйся высшими образами.

Он говорит: экономь силу.

Он не говорит: душа твоя принадлежит миру света.

Он говорит: ты должен быть безупречным воином перед лицом смерти.

Это совсем другой тон.

Здесь нет люциферической воздушности. Нет духовной поэзии. Нет красоты как главного соблазна. Нет восхищения высотой. Нет радостного выхода из земной тяжести в мир сияющих образов.

Напротив, у дона Хуана всё сухо, жёстко, почти безжалостно.

Его путь не эстетичен.

Не культов.

Не храмов.

Не молитв.

Не гимнов.

Не сияющих духовных иерархий.

Не благостных откровений.

Не прекрасных миров.

Там пустыня. Тело. Страх. Внимание. Смерть. Сновидение. Техника. Безупречность. Сила. Неизвестное.

Это не люциферическая мистика красоты.

Это ариманическая мистика точности.

Люцифер соблазняет человека высотой.

Дон Хуан тренирует человека как инструмент.

Люцифер даёт человеку чувство избранной духовности.

Дон Хуан лишает человека обычной человеческой жалости к себе и заставляет его стать функционально собранным.

Люцифер говорит: ты можешь быть мудрым.

Дон Хуан говорит: ты должен быть эффективным перед лицом смерти.

Именно это различие принципиально.

В люциферическом пути человек часто поднимается над Землёй слишком рано. Он начинает презирать тело, быт, труд, мораль, простую человеческую ответственность. Он хочет жить в мире духа, образа, красоты, интуиции, вдохновения. Он хочет быть выше обычного человека.

У дона Хуана нет такого презрения к телу.

Наоборот, тело становится инструментом.

Но не храмом Духа Святого, как в христианстве, и не препятствием для духовного полёта, как в люциферической мистике, а именно инструментом восприятия и силы.

Тело надо использовать.

Тело надо дисциплинировать.

Через тело надо входить в иное состояние.

Через тело надо сновидеть.

Через тело надо менять восприятие.

Через тело надо готовиться к смерти.

Это уже не люциферическое отрывание от телесности. Это ариманическое овладение телесностью.

Люцифер хотел бы сделать тело почти ненужным, слишком грубым, слишком земным.

Ариман хочет сделать тело точным органом удержания сознания.

И у дона Хуана мы видим именно второе.

То же самое можно сказать и о смерти.

Люцифер старается заслонить смерть мудростью, красотой, духовным блеском. Он как бы говорит: смерть не имеет последнего значения, потому что дух выше смерти. Останется мысль, останется имя, останется учение, останется образ, останется мудрость.

Дон Хуан не заслоняет смерть.

Он постоянно возвращает ученика к ней.

Но возвращает не по-христиански.

Не для покаяния.

Не для смирения.

Не для встречи со Христом.

Не для осознания греха.

А для собранности.

Смерть у него становится не тайной духовного мира, а предельным условием эффективности воина. Человек должен жить так, будто смерть всегда рядом. Но не потому, что он должен подготовиться к суду Божьему. А потому, что память о смерти делает его точным, сильным, свободным от лишнего, способным удерживать осознание.

Это опять не Люцифер.

Это Ариман.

Потому что смерть здесь не исчезает в сиянии духа. Она превращается в технический рубеж, к которому надо подготовить сознание.

Очень важно увидеть и отношение дона Хуана к знанию.

Люциферическое знание обычно хочет быть мудростью. Оно любит объяснять мир, возвышать человека, открывать ему скрытые закономерности, давать чувство духовного превосходства. Люциферическая мудрость может быть блестящей, глубокой, тонкой, но в ней часто не хватает нравственного центра.

У дона Хуана знание другое.

Оно почти не является мудростью в классическом смысле.

Это не философия.

Не богословие.

Не созерцательная метафизика.

Не духовная космология.

Это практическое знание силы.

Знание, которое сразу должно работать.

Знание как метод.

Знание как инструкция.

Знание как изменение восприятия.

Знание как способность действовать.

Знание как техника перехода.

Именно поэтому кастанедовский мир так близок современному технократическому сознанию, хотя внешне он выглядит архаическим и шаманским. Внутренне он устроен почти инженерно: есть состояние, есть метод, есть результат, есть ошибка, есть потеря энергии, есть правильная настройка внимания, есть способ изменить восприятие.

Это не мир люциферического мудреца.

Это мир оператора сознания.

И вот это слово — оператор — здесь очень важно.

Дон Хуан не просто раскрывает ученику тайну. Он учит его работать с самим собой как с системой восприятия.

Современный человек работает с машиной.

Дон Хуан учит работать с сознанием.

Современный инженер настраивает устройство.

Дон Хуан настраивает восприятие.

Современная техника стремится преодолеть внешние ограничения.

Дон Хуан стремится преодолеть ограничения обычного человеческого восприятия.

Это не противоречит Ариману. Это является его внутренней, мистериальной стороной.

Ариманическое не всегда начинается с металла, проводов, компьютеров и лабораторий. Сначала оно может начаться с внутренней инженерии человека. С техники внимания. С техники сна. С техники тела. С техники страха. С техники смерти.

Именно поэтому дон Хуан не является просто люциферическим магом.

Маг в люциферическом смысле часто хочет взлететь над миром, войти в тонкие области, получить знание, силу, видение, избранность, власть над невидимым. В нём есть элемент духовного блеска.

Дон Хуан почти лишён блеска.

Его сила не сияет.

Она действует.

Она холодна.

Она не украшает человека.

Она разбирает его.

Она разрушает его привычную личность.

Она требует от него не восторга, а точности.

Не вдохновения, а безупречности.

Не веры, а способности.

И потому путь дона Хуана ближе не к люциферическому вознесению, а к ариманическому закреплению сознания в иной форме.

Это можно выразить совсем кратко.

Люцифер говорит человеку:

«Ты уже духовен. Поднимись над Землёй».

Дон Хуан говорит:

«Ты ещё слишком слаб. Собери себя, иначе смерть тебя поглотит».

Люцифер соблазняет полнотой, которая уже якобы дана.

Дон Хуан мучительно тренирует человека, чтобы тот стал пригодным к переходу.

Люцифер уводит от земной тяжести.

Дон Хуан учит использовать земную тяжесть как материал для работы.

Люцифер растворяет мораль в мудрости.

Дон Хуан заменяет мораль техникой.

Вот почему его нельзя свести к Люциферу.

Конечно, люциферический элемент там присутствует. Без него вообще почти не бывает никакой не-христианской эзотерики. Тайное знание, необычные состояния, соблазн избранности, выход за пределы обыденного — всё это может быть люциферически окрашено.

Но центр тяжести у дона Хуана иной.

Центр тяжести — не в мудрости.

Не в красоте.

Не в экстазе.

Не в духовном восхождении.

А в сохранении осознания через дисциплину восприятия.

И это уже ариманический центр.

Потому что Ариман не обязательно отрицает тайное знание. Он может пользоваться им. Он может облечь свою задачу в шаманскую форму, в мистериальный язык, в древнюю маску. Но использовать всё это для своей цели: удержать сознание в земно-волевой форме.

У дон Хуана знание не освобождает душу для Христа.

Оно делает сознание пригодным к самостоятельному прохождению порога.

Вот в чём опасность.

Христианство говорит: человек не должен самовольно присваивать себе власть над порогом смерти. Он должен пройти этот порог в истине, в покаянии, в соединении со Христом, в согласии с кармическим водительством.

Дон Хуан предлагает другое: подготовь себя так, чтобы смерть не застала тебя обычным человеком.

С одной стороны, это звучит трезво.

С другой — в этом нет благодати.

Нет любви.

Нет доверия.

Нет Отца.

Есть только воин, сила и неизвестное.

И если мы спросим, что здесь является главным, ответ будет очевиден: не мудрость, а техника; не красота, а точность; не спасение, а сохранение; не духовное восхождение, а управление восприятием.

Поэтому дон Хуан не просто люциферическая фигура.

Он является образом перехода от люциферической эзотерики к ариманической технике сознания.

В нём старая магическая тайна уже начинает работать как технология.

В нём древний шаманский облик уже несёт в себе будущую логику трансгуманизма.

В нём магия уже становится почти инженерией внутреннего человека.

Именно поэтому он так важен для XX века.

Люциферическая эзотерика могла существовать веками. Тайные знания, мистические видения, магические школы, духовные соблазны — всё это было и раньше. Но у Кастанеды появляется нечто иное: массово привлекательный образ пути, где сознание можно тренировать для того, чтобы пройти смерть без христианского преображения.

Вот это и есть новый симптом.

Не просто магия.

А техника смерти.

Не просто тайное знание.

А управление восприятием.

Не просто духовная высота.

А сохранение осознания.

И поэтому в доне Хуане мы должны видеть не просто люциферического мага, а ариманического посвящённого, в котором люциферические элементы поставлены на службу ариманической цели.

Это очень точная формула.

Люциферические элементы — да.

Но цель — ариманическая.

Тайное знание — как материал.

Необычные состояния — как средство.

Разрушение обыденного восприятия — как подготовка.

Сновидение — как техника.

Безупречность — как дисциплина.

Смерть — как рубеж.

Сохранение осознания — как цель.

Именно так старый люциферический оккультизм во второй половине XX века начинает переходить в новую ариманическую форму.

Не случайно это происходит именно тогда, когда вся культура движется от религии спасения к технике сознания. Дон Хуан оказывается одним из первых и самых ярких образов этого перехода.

Он уже не говорит языком храма.

Но ещё не говорит языком лаборатории.

Он говорит языком пустыни, старца, война, сновидения и смерти.

Однако внутренняя логика его пути уже ведёт к тому миру, где сознание станет объектом технического управления.

И в этом смысле дон Хуан — не остаток древнего прошлого.

Он предвестник будущего.

Не люциферический призрак старой магии.

А ариманическая маска грядущей эпохи.

Именно поэтому его нельзя понять, если видеть в нём только шамана, мага или хранителя тайной мудрости. В нём надо увидеть более глубокий духовный жест: переход от мудрости без морали к технике сознания без Христа.

14. Американский мистериальный слой и древняя линия Таотля

Теперь нам нужно коснуться вопроса, который легко исказить, если подойти к нему слишком внешне.

Речь идёт о географии.

Где вообще могла быть подготовлена телесность для ариманического воплощения? Где надо искать ту мистериальную почву, из которой мог появиться носитель такого импульса? Можно ли искать его в Европе? В англосаксонском мире? В еврейской среде? В современной научно-технической цивилизации? Или сама логика ариманической инкарнации указывает на совсем иной духовно-исторический слой?

Мне представляется, что здесь нельзя рассуждать по внешней известности народов, стран или цивилизаций.

Если Ариман действует сегодня через англосаксонский мир, через технику, через финансовые системы, через цифровизацию, через научный рационализм, это ещё не значит, что именно там должна была быть подготовлена телесность для его инкарнации.

Надо различать две вещи.

Одно дело — цивилизационное распространение ариманического импульса.

Другое дело — мистериальная подготовка телесности.

Ариманический импульс действительно чрезвычайно силён в западной технократической цивилизации. В этом нет сомнения. Но тело для такой инкарнации не могло возникнуть просто из современной буржуазной культуры, университетской науки, финансового мира или политической власти.

Такие тела не появляются случайно.

Они готовятся в древних мистериальных потоках.

Так же, как телесность, связанная с Мистерией Голгофы, была подготовлена всей глубиной ветхозаветной, семитской, авраамической линии, так и ариманическая телесность должна была иметь собственную мистериальную предысторию.

И вот здесь встаёт вопрос об Америке.

Не о современной Америке как государстве. Не о США как политической силе. Не о западном капитализме. Не о Голливуде, долларе, технике или мировой гегемонии.

Речь идёт о гораздо более древнем слое.

О древнеамериканской мистериальной области.

О той области, где отношение к смерти, телу, крови, силе, страху, жертве, магии и земному сознанию имело особую, неевропейскую, нехристианскую и глубоко тревожную окраску.

В антропософском контексте здесь возникает имя Таотля.

Если на Востоке мы имеем линию, связанную с Тао, с древней люциферической мудростью, то на американском полюсе встаёт иной образ — Таотль, ариманический двойник, связанный с древними мистериями американского континента.

Это не та область, где духовность раскрывается как восхождение к свету мудрости.

И не та область, где душа готовится к принятию Христа как Владыки Кармы.

Здесь духовность имеет иной характер.

Она связана с телом.

С кровью.

Со смертью.

С силой.

С овладением порогом.

С магическим обращением с жизнью и смертью.

С очень древним знанием о том, как земное сознание может вступать в связь с невидимыми силами, не проходя через христианское преображение.

Именно поэтому, если мы ищем ариманическую линию, было бы странно искать её прежде всего в Европе.

Европа — это арена борьбы. В Европе разворачивается драма души сознательной. В Европе возникает философия, наука, свобода, христианское богословие, розенкрейцерство, антропософия, современный индивидуализм. Европа может быть глубоко заражена Ариманом, но она не является первичным мистериальным источником его земной телесности.

Англосаксонский мир — тоже не первичный источник. Он скорее великий проводник, организатор и цивилизационный усилитель ариманического импульса. Он даёт ему социальную, техническую, экономическую, политическую форму. Но форма и исток — не одно и то же.

Так же ошибочно было бы искать такую телесность в еврейской линии. Семитская телесность была связана с совершенно другой задачей — с подготовкой Мистерии Голгофы. Через неё в историю человечества вошёл Христос. Искать там телесность Аримана — значит не понимать различия мистериальных задач.

Если Люцифер связан с древневосточным полюсом, Христос — с срединной линией, проходящей через семитское тело, то Ариман должен быть связан с противоположным полюсом — с древнеамериканским мистериальным слоем.

Но здесь надо быть осторожным.

Я не хочу сказать слишком грубо: дон Хуан Матус является прямым представителем центральноамериканских чёрных мистерий. Такая формула была бы слишком резкой и слишком уязвимой. Она сразу вызвала бы множество внешних возражений: этнографических, географических, исторических, культурных.

И эти возражения были бы небезосновательны.

Дон Хуан у Кастанеды связан не с академически точной картиной древних центральноамериканских мистерий, а с гораздо более сложным образом. Там переплетаются индейский фон, мексиканская почва, тольтекская маска, шаманские мотивы, литературная обработка, эзотерическая атмосфера 1960-х годов и, возможно, ещё более глубокий мистериальный импульс.

Поэтому правильнее говорить не этнографически, а симптоматологически.

В образе дон Хуана всплывает древнеамериканская мистериальная линия, связанная с ариманическим отношением к смерти, телу, силе и земному сознанию.

Вот это точнее.

Потому что нас интересует не паспортная принадлежность, не племенная классификация, не буквальная этнографическая достоверность. Нас интересует духовный образ, через который в XX веке вдруг вновь заговорил древний американский слой.

И что же мы видим в этом образе?

Мы видим не восточного мудреца.

Не христианского старца.

Не европейского философа.

Не современного психолога.

Не учёного.

Не политика.

Не реформатора.

Мы видим старого индейского учителя, стоящего как будто вне цивилизации, вне официальной истории, вне письменной культуры, вне институтов, вне Церкви, вне университета, вне государства.

Он приходит из земли.

Из пустыни.

Из древнего тела.

Из линии, где духовное знание связано не с молитвой, не с философией, не с богословием, а с силой, восприятием, смертью и телесным прохождением порога.

Это и есть американский мистериальный слой в его поздней культурной маске.

Не обязательно в чистом виде.

Не обязательно в прямой исторической преемственности.

Но как образ — чрезвычайно точный.

Восточный мудрец говорит о созерцании.

Христианский старец говорит о покаянии.

Европейский мыслитель говорит о понятии.

Дон Хуан говорит о силе.

Это различие огромно.

Сила у него не является просто физической силой. Это сила сознания, сила восприятия, сила внимания, сила собранности, сила перехода. Но именно потому она и связана с ариманической областью: духовное здесь понимается не как свет истины и не как любовь, а как сила, которую надо удержать и использовать.

То же самое с телом.

В христианстве тело должно стать храмом. Оно должно быть преображено. Оно не презирается, но и не обожествляется. Оно включается в путь воскресения.

В люциферической духовности тело часто переживается как препятствие, как низшая оболочка, как то, от чего надо оторваться ради духовного полёта.

У дона Хуана тело — инструмент. Оно должно быть настроено, дисциплинировано, использовано. Через него меняется восприятие. Через него входит сновидение. Через него человек учится действовать иначе. Тело становится техническим органом перехода.

Это снова указывает не на Люцифера, а на Аримана.

И наконец — смерть.

В древнеамериканском мистериальном слое смерть никогда не была просто биологическим концом. Она была силой. Она была порогом. Она была областью магического обращения. Она была связана с жертвой, страхом, мощью, властью, переходом, невидимыми существами.

У дона Хуана смерть тоже не является отвлечённой темой. Она всё время рядом. Но опять же — не как христианский порог к Отцу, а как сила, с которой воин должен научиться иметь дело.

Это очень характерно.

В образе дона Хуана древнеамериканская линия возвращается не как археологическая память, а как живая духовная возможность. Она говорит современному человеку: есть путь к смерти без Христа. Есть дисциплина, которая позволит не раствориться. Есть способ работать с восприятием. Есть возможность сохранить осознание.

Так древняя линия Таотля получает новую форму в XX веке.

Не через храм.

Не через жреческую касту.

Не через кровавую древнюю мистерию в буквальном виде.

А через книгу.

Через культурный образ.

Через ученика-антрополога.

Через западного читателя.

Через массовое воображение второй половины XX века.

Это очень ариманично.

Ариман не обязательно должен повторять древние формы. Он умеет переводить древнее в современное. Он может взять старую мистериальную линию и дать ей новую оболочку — литературную, психологическую, антропологическую, контркультурную.

И тогда человек даже не поймёт, с чем он имеет дело.

Он подумает: я читаю о шаманизме.

Или: я изучаю необычную антропологию.

Или: я интересуюсь индейской мудростью.

Или: я ищу расширения сознания.

А на самом деле через этот образ в его душу может входить древний мистериальный импульс, связанный не с Христом, а с ариманической техникой смерти.

Вот почему география здесь не случайна.

Если бы подобный образ возник в Европе, он, скорее всего, был бы немедленно истолкован через философию, мистику, оккультизм, христианскую ересь, розенкрейцерство, алхимию или гностицизм. Европейская форма сразу потянула бы за собой европейскую проблематику.

Если бы он возник на Востоке, его легко было бы связать с йогой, буддизмом, даосизмом, индуистской мистикой, медитацией, созерцанием, уходом от мира.

Но дон Хуан появляется в американской, мексиканско-индейской, тольтекской маске.

И именно эта маска позволяет вывести на первый план не созерцание, не богословие, не мораль, не философию, а силу, восприятие, тело, смерть и сохранение осознания.

То есть именно те темы, которые нам нужны для понимания Аримана.

Здесь нет случайности.

Дон Хуан должен был быть не европейским профессором.

Не восточным гуру.

Не христианским монахом.

Не городским оккультистом.

Он должен был быть старым индейским учителем, связанным с землёй, пустыней, телом, сновидением и смертью.

Только такая маска могла скрыть и одновременно раскрыть ариманическую линию.

Скрыть — потому что внешне всё выглядит как этнография, шаманизм, экзотика, культурный поиск.

Раскрыть — потому что внутренне все главные признаки на месте.

Старец.

Порог смерти.

Древнеамериканский фон.

Сила вместо благодати.

Тело как инструмент.

Сновидение как техника.

Смерть как рубеж.

Сохранение осознания как цель.

Именно поэтому я считаю необходимым говорить не просто о Кастанеде и не просто о доне Хуане, а о вспышке древнеамериканского мистериального слоя в культуре XX века.

Конечно, надо избегать грубых утверждений.

Нельзя просто сказать: вот здесь перед нами прямой наследник таких-то мистерий, такая-то линия, такая-то историческая преемственность. Это было бы слишком внешне и слишком доказательно уязвимо.

Но духовно-симптоматологически мы можем сказать другое.

Через образ дона Хуана в XX веке проступила древняя линия, в которой смерть, тело, сила и земное сознание соединены так, как они не соединяются ни в христианстве, ни в европейской философии, ни в восточной созерцательной мистике.

И эта линия удивительно соответствует тому, что мы называем ариманическим посвящением.

Здесь важно ещё одно.

Если Ариман должен был воплотиться или хотя бы открыть человечеству мистериальную возможность своего бессмертия, то он не обязан был выбрать самую видимую историческую сцену. Напротив, слишком видимая сцена могла бы его разоблачить.

Европейский политик слишком заметен.

Учёный слишком привязан к рациональной биографии.

Финансист слишком легко сводится к социально-экономическому объяснению.

Диктатор слишком очевидно связан с насилием.

А вот старый индейский учитель, существующий на границе факта и мифа, оказывается почти идеальной маской.

Он достаточно реален, чтобы действовать.

И достаточно неуловим, чтобы не быть схваченным внешней историей.

Он имеет культурный облик, но ускользает от проверки.

Он входит в массовое сознание, но не оставляет обычной биографии.

Он говорит через книги, но сам остаётся в тени.

Так и должен действовать Ариман, если он не хочет быть найден там, где его ищут.

Итак, американский мистериальный слой важен для нашей темы не как внешняя этнографическая декорация.

Он важен как духовная почва.

Если восточная линия связана с люциферической мудростью, если христианская срединная линия связана с преображением души во Христе, то древнеамериканская линия Таотля связана с ариманическим отношением к смерти, телу, силе и земному сознанию.

И потому образ дона Хуана оказывается не случайным.

Он появляется именно там, где и должен появиться образ ариманического посвящённого: на американском полюсе, в старческой телесности, вне христианской вертикали, в области силы и порога смерти.

И теперь мы можем сделать следующий шаг.

Если дон Хуан действительно является не просто литературным шаманом, а маской древнеамериканской ариманической линии, то надо понять, почему он не выступает публично, не создаёт движения, не основывает религии, не входит в историю как великий реформатор.

Почему такая фигура действует скрыто?

Почему она появляется через ученика?

Почему её историчность остаётся туманной?

И почему именно эта неуловимость может быть не слабостью нашей гипотезы, а одним из её главных подтверждений?

15. Почему Ариман мог явиться не как публичный реформатор, а как невидимый учитель

Теперь надо задать вопрос, который на первый взгляд может показаться самым уязвимым для всей нашей гипотезы.

Если речь действительно идёт об ариманическом воплощении или, по крайней мере, о важнейшей ариманической маске XX века, то почему дон Хуан не был всемирно известной исторической фигурой?

Почему он не выступал публично?

Почему не основал школу?

Почему не создал движения?

Почему не оставил собственных книг?

Почему не вошёл в политику, науку, религию, философию, университетскую культуру?

Почему всё, что мы знаем о нём, приходит к нам через Кастанеду?

И наконец, почему сама его историчность остаётся неуловимой?

На первый взгляд это действительно кажется слабым местом. Читатель может сказать: если дон Хуан не доказан как обычная историческая личность, если вокруг него столько споров, если неизвестно, где кончается реальный учитель и начинается литературная маска, то как вообще можно связывать его с такой грандиозной темой, как инкарнация Аримана?

Но я бы поставил вопрос иначе.

А почему мы вообще решили, что ариманическое воплощение должно быть публичным?

Почему мы заранее предполагаем, что Ариман обязан выйти на историческую сцену как великий реформатор, политический вождь, философ, учёный, финансист, изобретатель или религиозный деятель?

Не является ли это ожидание слишком человеческим?

И даже более того — не является ли оно слишком люциферическим?

Люциферическое любит сияние.

Любит образ.

Любит культ.

Любит высоту.

Любит величие.

Любит прекрасную позу.

Любит гения, пророка, мудреца, вдохновителя, создателя учения, того, вокруг кого собирается круг почитателей.

Люциферу близка духовная театральность. Не обязательно грубая. Она может быть утончённой, возвышенной, почти прекрасной. Но люциферическое всё равно тяготеет к видимому образу величия.

Люцифер хочет, чтобы человек смотрел вверх и восхищался.

Ариман действует иначе.

Ариман не обязательно нуждается в восхищении.

Ему не нужен культ в обычном смысле.

Ему не обязательно быть красивым, великим, сияющим, харизматичным.

Он может действовать сухо.

Скрыто.

Методично.

Через последствия.

Через внедрение определённого способа мышления.

Через изменение практики.

Через новую технику.

Через незаметное смещение самого центра человеческих вопросов.

Именно поэтому Ариман может быть гораздо опаснее там, где его почти не видно.

Если Люцифер соблазняет образом, то Ариман соблазняет методом.

Люциферу важно, чтобы человек был очарован.

Ариману важно, чтобы человек начал действовать иначе.

И вот здесь фигура дона Хуана оказывается удивительно точной.

Он не появляется как великий мировой учитель.

Он не говорит от своего имени всему человечеству.

Он не создаёт религию.

Он не требует поклонения.

Он не собирает вокруг себя народ.

Он не учреждает институт.

Он не входит в историю как публичная биография.

Он остаётся в тени.

Но из этой тени выходит метод.

Выходит образ пути.

Выходит техника сознания.

Выходит новая постановка вопроса о смерти.

Выходит фигура воина, который должен сохранить осознание.

И в духовной истории это может быть гораздо важнее, чем публичная слава.

Публичный реформатор слишком заметен. Его можно изучить, разобрать, критиковать, поставить в исторический контекст. У него есть биография, дата рождения, круг учеников, письма, архивы, политические связи, социальная среда. Его легко зафиксировать.

Ариман же, если он действительно хочет действовать в глубине земного сознания, может предпочесть иную форму.

Не лицо, а след.

Не биографию, а метод.

Не институт, а внутренний поворот.

Не публичную проповедь, а культурный импульс.

Не прямую власть, а незаметное изменение отношения человека к смерти.

Дон Хуан именно так и действует.

Он как будто отсутствует — и одновременно присутствует повсюду, где речь заходит о кастанедовском пути.

Его нельзя поймать как обычного исторического персонажа.

Но его образ действует.

Его нельзя поставить на кафедру.

Но его слова, переданные Кастанедой, изменили воображение целой эпохи.

Его нельзя включить в нормальную религиозную генеалогию.

Но через него миллионы людей получили новый образ посвящения.

Он не основал видимой Церкви.

Но он стал невидимым учителем огромной области современной духовности.

Именно эта неуловимость, если смотреть глубже, не опровергает нашу гипотезу, а делает её более вероятной.

Потому что Ариман не обязан являться там, где его легче всего заметить.

Наоборот, если бы Ариман пришёл как всемирный политический вождь, его слишком быстро стали бы искать в политике. Если бы он пришёл как великий учёный, его связали

бы с наукой. Если бы он пришёл как финансист, его свели бы к деньгам. Если бы он пришёл как диктатор, его приняли бы за очередную фигуру зла первой половины XX века.

Но если он приходит как невидимый учитель, действующий через ученика, через книгу, через образ, через метод, тогда его почти невозможно распознать внешне.

И это как раз соответствует его природе.

Ариман окружает себя не сиянием, а завесой.

Не блеском, а сухой непрозрачностью.

Не вдохновенной высотой, а точностью, которая кажется почти нейтральной.

Он может скрыться не за ужасом, а за практичностью.

Не за тьмой, а за методом.

Не за отрицанием духовного, а за иной духовностью.

Именно поэтому дон Хуан как неуловимый учитель подходит к ариманической логике гораздо больше, чем всемирно известный идеолог.

Он не предлагает человечеству лозунг.

Он предлагает технику.

Он не говорит: следуйте за мной.

Он говорит: работайте с восприятием.

Он не требует поклонения.

Он требует безупречности.

Он не учреждает догмат.

Он передаёт способ.

Он не строит внешней империи.

Он открывает внутреннюю дисциплину, через которую человек должен стать способным пройти смерть иначе.

Это и есть ариманический стиль.

Для Люцифера важен образ учителя.

Для Аримана важна воспроизводимость метода.

Люцифер создаёт духовное очарование.

Ариман создаёт технологию.

Даже если эта технология ещё не механическая, а внутренняя.

Даже если она выражена языком сновидения, силы, внимания и смерти.

Суть от этого не меняется.

Дон Хуан не просто говорит о тайне. Он учит обращаться с тайной как с областью практики. Это уже не религиозное благоговение и не философское созерцание. Это работа с реальностью как с управляемым полем.

В этом смысле он действительно ближе не к пророку и не к святому, а к мастеру.

К мастеру внутренней техники.

А мастер может быть невидим.

Его не обязательно знать по имени. Важно, что метод работает, передаётся, входит в культуру, меняет сознание.

И вот здесь Кастанеда становится необходимой фигурой.

Он не просто «автор книг». Он посредник между невидимым учителем и массовым западным сознанием.

Дон Хуан остаётся в тени.

Кастанеда выходит на свет.

Дон Хуан не пишет.

Кастанеда записывает.

Дон Хуан не создаёт движения.

Кастанеда создаёт культурную волну.

Дон Хуан не идёт в университет.

Кастанеда приходит из антропологической среды и потому даёт западному человеку удобную форму входа: как будто речь идёт об исследовании, об этнографии, о встрече культур, о необычном опыте.

Это очень важно.

Если бы дон Хуан сам выступил как оккультный учитель, западный рациональный человек мог бы отнестись к нему с подозрением.

Но через Кастанеду всё пришло иначе.

В форме полунаучного, полуавтобиографического, полумистериального свидетельства.

Не как новая религия.

Не как откровение пророка.

Не как церковное учение.

А как рассказ о встрече современного человека с древним знанием.

Эта форма оказалась идеальной.

Она позволила ариманическому мистериальному импульсу войти в современную культуру без прямого объявления себя.

Западный читатель мог думать: я просто читаю необычную книгу.

Я просто интересуюсь шаманизмом.

Я просто изучаю иной способ восприятия.

Я просто ищу расширения сознания.

Но через всё это в его душу входил образ совершенно нового отношения к смерти.

Вот почему неуловимость дона Хуана — это не случайный недостаток источника.

Это часть самого явления.

Он должен быть неуловимым.

Потому что он не должен быть схвачен обычной историей.

Он должен находиться на границе факта и мифа.

На границе человека и образа.

На границе этнографии и мистерии.

На границе старого шаманизма и будущей техники сознания.

Если бы он был слишком документален, он стал бы просто индейским учителем.

Если бы он был слишком явно вымышлен, он стал бы просто литературным персонажем.

Но он находится между.

И именно поэтому действует сильнее.

Он как будто существует в той самой промежуточной области, где современный человек уже не знает, имеет ли дело с фактом, мифом, практикой, художественным образом или духовной силой.

Это состояние неопределённости чрезвычайно ариманично.

Потому что Ариман любит не только сухую ясность. Он любит и такую тьму, в которой человек теряет способность различать уровни реальности. Не в люциферическом тумане прекрасных образов, а в холодной неопределённости: было или не было? факт или метод? человек или маска? этнография или посвящение?

И пока спорят об этом, образ действует.

Метод действует.

Вопрос о сохранении осознания действует.

Вот почему дон Хуан как невидимый учитель гораздо важнее, чем дон Хуан как возможная историческая биография.

Историческая биография могла бы быть опровергнута.

Но духовный образ уже вошёл в мир.

И вошёл очень точно.

Он вошёл тогда, когда человечество было готово перейти от религии спасения к технике сознания.

Он вошёл через американский мистериальный слой.

Он вошёл в образе старца у порога смерти.

Он вошёл без Христа.

Он вошёл с учением о силе, внимании, сновидении и сохранении осознания.

И вошёл не через публичное учреждение, а через культурную маску.

Именно поэтому я не считаю нужным делать главный упор на доказательство того, что дон Хуан должен быть найден как обычное историческое лицо.

Если он был конкретным человеком — это один уровень проблемы.

Если он был собирательной фигурой — это другой уровень.

Если он был литературной маской — третий.

Но во всех трёх случаях остаётся главное: через этот образ в культуру вошёл ариманический тип посвящения.

И, может быть, именно так он и должен был войти.

Не через шум.

Не через трон.

Не через кафедру.

Не через лабораторию.

Не через политическую власть.

А через неуловимого учителя, который как будто говорит только с одним учеником, но в действительности меняет духовный словарь целой эпохи.

Здесь мы должны быть особенно осторожны.

Я не утверждаю, что всякая скрытость является ариманической. Это было бы нелепо. Многие подлинные духовные процессы совершаются скрыто. Монашеская молитва скрыта. Внутреннее покаяние скрыто. Настоящая работа души почти всегда невидима.

Но скрытость дона Хуана иная.

Она не связана со смирением.

Она не связана с тайной святости.

Она не связана с уходом от славы ради любви.

Она связана с неуловимостью метода.

С тем, что за образом не удаётся окончательно ухватить ни человека, ни источник, ни линию передачи.

Именно это делает его не христиански скрытым, а мистериально-ариманически ускользающим.

Христианский святой может быть неизвестен миру, но его путь прозрачен по своему центру: Христос, любовь, покаяние, молитва, жертва.

Дон Хуан может быть известен миллионам, но его центр остаётся тёмным: сила, смерть, внимание, сновидение, сохранение осознания, неизвестное.

Вот это различие решающее.

Именно поэтому Ариман мог явиться не как публичный реформатор, а как невидимый учитель.

Публичный реформатор меняет институты.

Невидимый учитель меняет отношение к смерти.

Публичный реформатор действует в истории.

Невидимый учитель действует в воображении, практике и глубинном направлении сознания.

Публичный реформатор оставляет документы.

Невидимый учитель оставляет метод.

Ариману в XX веке, если наша гипотеза верна, нужен был не новый политический проект. Таких проектов и так было слишком много. Ему нужен был новый способ провести человека к порогу смерти без Христа.

И дон Хуан оказался для этого почти идеальной формой.

Неуловимый старец.

Древнеамериканская маска.

Учение без Церкви.

Дисциплина без любви.

Техника без покаяния.

Смерть без воскресения.

Осознание без Отца.

Именно поэтому он мог остаться в тени — и при этом стать одной из самых влиятельных духовных фигур второй половины XX века.

16. Дон Хуан как маска, а не обязательно паспортная личность

Теперь нам надо сделать очень важное уточнение.

До сих пор я говорил о доне Хуане так, как будто перед нами стоит определённая фигура: старец, учитель, носитель древнеамериканского мистериального знания, проводник особого отношения к смерти, силе и осознанию. Но именно здесь мы должны быть максимально осторожны.

Статья не должна зависеть от того, был ли дон Хуан Матус документально доказанной исторической личностью в обычном смысле.

Это очень важно.

Потому что если мы построим всю аргументацию только на утверждении: «дон Хуан был конкретным человеком, и именно он был телесным носителем Аримана», — тогда вся статья станет слишком уязвимой. Достаточно будет усомниться в историчности дона Хуана, указать на литературность книг Кастанеды, на отсутствие независимых свидетельств, на неопределённость этнографического материала — и вся наша духовная конструкция как будто рухнет.

Но она не должна рухнуть.

Потому что наш главный вопрос не в том, имел ли дон Хуан паспорт, адрес, точную дату рождения и внешне проверяемую биографию.

Главный вопрос в другом: какой духовный импульс вошёл через этот образ в массовое сознание XX века?

И вот этот вопрос остаётся в силе независимо от того, как мы решим проблему историчности дон Хуана.

Здесь возможны как минимум три уровня понимания.

Первый уровень — самый прямой.

Дон Хуан мог быть реальным человеком. Старым индейским учителем, чья телесность, биография, кровь, связь с древнеамериканским мистериальным слоем и стояние у порога смерти сделали его возможным носителем ариманического присутствия.

В этом случае мы могли бы говорить о наиболее сильной форме гипотезы: в реальном человеке, скрытом от внешней истории, через старческое тело на границе жизни и смерти произошло нечто, что можно соотнести с ариманическим воплощением или, по крайней мере, с особым ариманическим вселением.

Но это самый рискованный уровень.

Потому что он требует того, чего у нас нет: внешней биографической доказательности.

Второй уровень — более осторожный.

Дон Хуан мог быть не одной конкретной личностью, а собирательным образом. В таком случае Кастанеда мог соединить в нём разные впечатления, разные встречи, разные элементы индейской, мексиканской, тольтекской, шаманской и современной оккультной среды. Тогда дон Хуан был бы не столько человеком, сколько образом древнеамериканского ариманического посвящения.

Но и в этом случае духовная значимость образа не исчезает.

Наоборот, она может даже усилиться.

Потому что собирательный образ иногда выражает духовную реальность точнее, чем отдельная биография. Отдельный человек всегда ограничен случайностями своей жизни. А образ может вобрать в себя целый мистериальный поток.

Если дон Хуан — собирательная фигура, то перед нами не просто литературная выдумка, а концентрат определённого духовного типа: старец, сила, смерть, сновидение, безупречность, сохранение осознания, отсутствие Христа.

Третий уровень — самый тонкий.

Дон Хуан мог быть культурной маской.

Не просто персонажем.

Не просто литературной фигурой.

А именно маской, через которую Ариман впервые дал человечеству массово узнаваемую форму своего посвящения.

И вот этот уровень, как мне кажется, особенно важен.

Потому что Ариман вовсе не обязан быть схвачен внешней историей. Он может действовать через образ. Через метод. Через культурный миф. Через фигуру, которая существует на границе факта и вымысла, биографии и мистерии, этнографии и духовной силы.

Маска в духовной истории — это не ложь.

Маска может быть способом явления.

Не всё, что действует в истории, действует как документальный факт. Иногда духовные силы входят в культуру через образы, которые не сводятся ни к чистому вымыслу, ни к простой биографии. Они живут в промежуточной области. И именно потому оказываются особенно сильными.

Дон Хуан как раз таков.

Если он был только человеком — его можно было бы найти, описать, проверить, локализовать.

Если он был только выдумкой — его можно было бы отбросить как литературный приём.

Но он не даётся ни так, ни иначе.

Он ускользает.

И в этом ускользании есть своя духовная закономерность.

Он как будто достаточно реален, чтобы действовать.

И достаточно неуловим, чтобы не быть пойманным.

Достаточно конкретен, чтобы стать учителем.

И достаточно мифологичен, чтобы стать маской.

Достаточно земной, чтобы говорить о теле, смерти, пустыне, страхе, сновидении.

И достаточно тёмный, чтобы за ним проступал не только человек, но и более глубокий мистериальный импульс.

Именно поэтому я считаю ошибкой делать вопрос о паспорте дона Хуана решающим.

Для духовной симптоматиологии паспорт вторичен.

Не потому, что факты не важны. Факты важны. Но духовная симптоматология не исчерпывается архивом. Она спрашивает не только: «что было внешне?», но и: «что через это вошло в мир?»

А через образ дона Хуана вошло очень многое.

Вошёл новый тип учителя.

Вошёл новый тип ученика.

Вошёл новый тип духовной дисциплины.

Вошёл новый тип отношения к смерти.

Вошёл новый тип безупречности без морали.

Вошёл новый тип духовности без Христа.

Вошёл новый вопрос: как сохранить осознание?

И вот этот вопрос уже не зависит от того, как именно мы объясним происхождение образа.

Если дон Хуан был реальным человеком, тогда он мог быть телесным носителем ариманического импульса.

Если дон Хуан был собирательным образом, тогда через него проявилась древнеамериканская ариманическая линия.

Если дон Хуан был культурной маской, тогда через эту маску Ариман дал человечеству образ своего посвящения.

Во всех трёх случаях главный симптом остаётся.

Именно это надо удержать.

Наша статья не должна превращаться в расследование о том, существовал ли дон Хуан «на самом деле». Это тема для другого рода исследования. Здесь же мы занимаемся не полицейской проверкой биографии, а духовно-историческим распознаванием.

А духовно-исторически важно следующее: в XX веке, в момент перехода человечества от религии спасения к технике сознания, возникает образ старого американского учителя, который говорит не о Христе, не о покаянии, не о спасении души, а о силе, внимании, смерти и сохранении осознания.

Такой образ не может быть случайным.

Даже если он литературен, он не случаен.

Даже если он собирателен, он не случаен.

Даже если он является маской, он тем более не случаен.

Потому что маска выбирается не произвольно. Духовная сила не надевает любую маску. Она выбирает ту форму, через которую может выразить свою сущность.

А что выражает маска дона Хуана?

Старость.

Порог смерти.

Древнеамериканскую тень.

Силу без благодати.

Дисциплину без любви.

Сновидение без молитвы.

Тело как инструмент.

Восприятие как поле техники.

Смерть как рубеж сохранения осознания.

Всё это слишком точно соответствует ариманическому образу, чтобы быть простой литературной случайностью.

Вот почему я и предлагаю осторожную формулу.

Не надо говорить слишком грубо:

«Дон Хуан был Ариманом».

Такая формула сужает мысль.

Она превращает живое духовное исследование в сенсационную декларацию.

Гораздо точнее сказать:

Дон Хуан Матус является одной из главных масок ариманического посвящения XX века.

Эта формула оставляет пространство для трёх уровней понимания.

Она не исключает возможности реального человека.

Она допускает собирательность образа.

Она учитывает культурную и литературную форму.

Но при этом сохраняет главное: через дона Хуана в мир вошёл образ ариманического пути.

И здесь мы можем сделать ещё один шаг.

Маска часто действует сильнее, чем открытое лицо.

Открытое лицо можно отвергнуть.

Маску труднее распознать.

Если бы Ариман явился в прямом виде, человек мог бы испугаться. Если бы он пришёл как откровенный противник Христа, его легче было бы разоблачить. Если бы он выступил с открытой доктриной земного бессмертия без Бога, многие духовно чуткие люди насторожились бы.

Но дон Хуан не говорит языком прямого богоборчества.

Он говорит языком пути.

Языком силы.

Языком пустыни.

Языком воина.

Языком трезвости.

Языком смерти как советчика.

И потому он не вызывает немедленного сопротивления.

Он кажется не демоном, а учителем.

Не соблазнителем, а освободителем.

Не врагом духовности, а проводником к более глубокой реальности.

Вот в этом и состоит сила маски.

Ариманическая маска не должна быть грубо тёмной. Она должна быть серьёзной, строгой, притягательной и полезной. Человек должен почувствовать: здесь есть правда, здесь есть сила, здесь есть выход из обыденной ничтожности.

И действительно, у дон Хуана есть правда.

Правда о рассеянности обычного человека.

Правда о саможалении.

Правда о внутренней болтовне.

Правда о страхе смерти.

Правда о слабости сознания.

Правда о том, что человек живёт как автомат.

Но вся эта правда ставится не на службу Христу.

Она ставится на службу сохранению осознания.

Именно поэтому маска так опасна.

Она не лжёт полностью.

Она берёт реальные слабости человека и предлагает реальный путь преодоления. Но этот путь ведёт не к воскресению души, а к ариманическому удержанию сознания.

Так действует глубокая подмена.

Не через явную ложь.

А через частичную правду, вырванную из христианского центра.

Дон Хуан прав, когда говорит, что обычный человек спит.

Но он не ведёт к христианскому пробуждению.

Он прав, когда говорит, что человек раб собственной важности.

Но он не ведёт к смирению перед Богом.

Он прав, когда говорит, что смерть рядом.

Но он не ведёт к воскресению.

Он прав, когда говорит, что нужна дисциплина.

Но его дисциплина не становится любовью.

И вот так частичные истины складываются в целостную ариманическую маску.

Поэтому вопрос о том, существовал ли дон Хуан как паспортная личность, не может быть главным.

Потому что даже если паспорта нет, маска есть.

Даже если биография не доказана, духовный образ действует.

Даже если исторический старец ускользает, культурный импульс уже вошёл в мир.

И мы должны спрашивать не только: кто был дон Хуан?

Мы должны спрашивать: что сделалось возможным через дон Хуана?

А возможным стало очень многое.

Западный человек получил образ пути без Христа.

Пути строгого, не сентиментального, не расслабленного, не дешёвого.

Пути, который требует дисциплины и мужества.

Но пути, в центре которого стоит не спасение души, а сохранение осознания.

Именно поэтому дон Хуан остаётся духовно-историческим симптомом независимо от своей документальной биографии.

Он может быть человеком.

Может быть собирательным образом.

Может быть маской.

Но во всех случаях он указывает на одно и то же: на появление в XX веке ариманической формы посвящения, которая подходит к смерти не через Христа, а через технику сознания.

И потому я бы сформулировал итог этого раздела так:

Дон Хуан важен не потому, что мы можем доказать каждую деталь его земной биографии. Он важен потому, что через его образ в западное сознание вошла сама возможность ариманического пути: пути без Христа, без покаяния, без воскресения, но с силой, дисциплиной, техникой смерти и мечтой о сохранении осознания.

Это и делает его не просто персонажем Кастанеды, а одной из главных духовных масок второй половины XX века.

17. От дона Хуана к New Age

Теперь надо сделать следующий шаг.

Дон Хуан не остался одинокой фигурой. Его значение не в том, что он появился как странный, загадочный, почти мифический учитель в книгах Кастанеды, а потом растворился в культурной памяти 1960-х годов.

Нет.

После Кастанеды начинается гораздо более широкий процесс.

То, что у дона Хуана ещё имело суровую, почти аскетическую форму, позднее распадается на множество мягких, удобных, массовых духовных практик. То, что у него было связано со смертью, силой, безупречностью, вниманием и опасностью, в культуре New Age становится гораздо более приятным, более доступным, более психологическим, более потребительским.

Но внутренний сдвиг остаётся тем же.

Духовность всё дальше отходит от вопроса спасения.

И всё больше становится вопросом опыта.

Человеку больше не нужно спрашивать: истинен ли мой путь?

Достаточно спросить: что я переживаю?

Ему больше не нужно спрашивать: ведёт ли это ко Христу?

Достаточно спросить: помогает ли это мне раскрыться?

Ему больше не нужно спрашивать: происходит ли во мне нравственное перерождение?

Достаточно спросить: изменилось ли моё состояние?

Вот в этом и заключается огромный духовный перелом второй половины XX века.

После Кастанеды западная культура получает не просто ещё одну эзотерическую моду. Она получает новый тип отношения к духовному миру. Духовный мир перестаёт быть царством Отца. Перестаёт быть областью высших иерархий. Перестаёт быть путём души между смертью и новым рождением. Перестаёт быть тем, перед чем человек должен благоговеть, каяться, очищаться и внутренне изменяться.

Он всё чаще становится областью практик.

Областью энергий.

Областью состояний.

Областью техник.

Областью личной трансформации.

Областью самораскрытия.

Областью переживания.

И здесь New Age оказывается не просто культурным явлением. Он становится массовой формой той же самой ариманизации духовности, которая у дона Хуана была дана в более строгом, мистериальном, воинском виде.

Дон Хуан говорил о силе.

New Age говорит об энергии.

Дон Хуан говорил о сновидении.

New Age говорит о визуализации, астральных опытах, тонких телах, путешествиях сознания.

Дон Хуан говорил о безупречности.

New Age говорит об осознанности, внутреннем балансе, гармонии, ресурсе.

Дон Хуан говорил о сохранении осознания.

New Age говорит о раскрытии потенциала, повышении вибраций, трансформации личности, переходе на новый уровень.

Слова другие.

Тон другой.

Суровость почти исчезает.

Но центр остаётся тем же: не Христос, не покаяние, не спасение души, а опыт сознания.

Именно поэтому я не считаю New Age просто легкомысленной духовной модой. Конечно, в нём много поверхностного, много коммерческого, много психологической болтовни, много иллюзий, много дешёвых обещаний. Но духовно он опасен не только своей поверхностностью.

Он опасен тем, что создаёт массовую привычку к духовности без истины.

Человеку уже не важно, истинно ли то, что он делает.

Важно, помогает ли это ему почувствовать себя лучше.

Даёт ли это ощущение энергии.

Даёт ли это внутреннее расширение.

Даёт ли это утешение.

Даёт ли это чувство гармонии.

Даёт ли это переживание силы.

Даёт ли это ощущение, что он развивается.

Так духовность превращается в разновидность внутреннего потребления.

Раньше человек потреблял вещи.

Теперь он начинает потреблять состояния.

Раньше он покупал предметы.

Теперь он покупает практики.

Раньше он украшал дом.

Теперь он украшает внутренний мир.

Раньше он стремился к внешнему комфорту.

Теперь он стремится к духовно-психологическому комфорту.

И это гораздо тоньше.

Потому что внешнее потребление ещё можно распознать как мещанство. А потребление духовных состояний часто кажется возвышенным. Человек думает, что он занимается

развитием, что он идёт по духовному пути, что он раскрывает сознание, что он освобождается от старых ограничений.

Но от чего он освобождается?

От греха?

От гордыни?

От самости?

От эгоизма?

От неспособности любить?

От внутренней лжи?

Или просто от неприятных состояний?

Вот главный вопрос.

New Age очень часто не требует от человека нравственного перерождения. Он требует настроиться, расслабиться, раскрыться, принять себя, почувствовать энергию, войти в поток, повысить вибрации, найти ресурс, соединиться с внутренней силой.

Но где здесь совесть?

Где покаяние?

Где борьба с грехом?

Где Христос?

Где понимание кармы?

Где ответственность души перед духовным миром?

Где встреча с тем, что выше моего опыта?

Всего этого часто нет.

И тогда духовность становится не восхождением души, а техникой самочувствия.

Это и есть ариманическая подмена.

Ариман вовсе не обязан уничтожать духовность. Он может сделать гораздо более тонкую вещь: оставить духовные слова, духовные практики, духовные переживания, но вынуть из них Христа.

Оставить энергию — убрать благодать.

Оставить практику — убрать покаяние.

Оставить осознанность — убрать совесть.

Оставить трансформацию — убрать крест.

Оставить бессмертие — убрать воскресение.

Оставить духовный опыт — убрать духовную истину.

И тогда человек будет думать, что он стал духовным, хотя на самом деле он лишь перенёс земное самодовольство в тонкую область.

Это особенно видно в отношении к телу.

В христианстве тело не презирается. Оно не является злом. Но тело должно быть включено в путь преобразования. Оно должно стать храмом. Оно должно участвовать в воскресении. Оно должно быть связано с душой и духом в свете Христова импульса.

В New Age тело часто понимается иначе.

Тело становится полем энергий.

Полем практик.

Полем ощущений.

Полем исцеления.

Полем самовыражения.

Полем удовольствия.

Полем настройки.

Человек работает с телом, но не обязательно для того, чтобы оно стало органом Христова Я. Он работает с телом, чтобы лучше себя чувствовать, быть гармоничнее, сильнее, свободнее, моложе, энергетичнее, привлекательнее, собраннее.

И опять мы видим то же самое: тело не отвергается, как в некоторых люциферических формах ложной духовности. Оно осваивается.

А освоение — это ариманическое слово.

То же самое происходит с психикой.

Раньше душа знала трагедию греха.

Теперь психика знает проблему состояния.

Раньше человек спрашивал: в чём моя вина?

Теперь он спрашивает: почему мне плохо?

Раньше он искал очищения.

Теперь он ищет баланса.

Раньше он шёл к исповеди.

Теперь он идёт на практику.

Раньше он думал о спасении.

Теперь он думает о внутреннем ресурсе.

Я не хочу сказать, что вся психология плоха. Это было бы глупо. Психология может помогать человеку, может снимать страдание, может давать важные знания о душевной жизни. Но когда психологическая работа окончательно заменяет духовную жизнь, происходит подмена.

Душа перестаёт быть душой перед Богом.

Она становится психической системой, которую надо отрегулировать.

И это опять ариманический жест.

Не уничтожить душу.

А превратить её в объект техники.

Теперь посмотрим на духовный опыт.

В прежних религиозных культурах духовный опыт всегда был опасен. К нему нельзя было подходить легкомысленно. Человек понимал: не всякое видение от Бога, не всякая сила свята, не всякое переживание истинно, не всякое сияние ведёт ко спасению. Требовалось различение духов. Требовались смирение, наставничество, молитва, нравственная проверка.

В New Age опыт часто становится самодостаточным.

Если я пережил — значит, это важно.

Если я почувствовал — значит, это истинно для меня.

Если мне стало легче — значит, практика работает.

Если я увидел образ — значит, это послание.

Если я ощутил энергию — значит, я прикоснулся к духовному.

Но духовный опыт без различения может стать ловушкой.

И здесь New Age оказывается ближе к Ариману, чем кажется. Потому что он не просто даёт человеку переживания. Он приучает человека относиться к духовному миру как к области индивидуального пользования.

Можно выбрать практику.

Можно выбрать учителя.

Можно выбрать систему.

Можно смешать восточное, шаманское, психологическое, астрологическое, энергетическое, телесное, медитативное.

Можно собрать себе духовность как личный конструктор.

И это очень современно.

Это духовный супермаркет.

Но царство Отца не является супермаркетом.

К Христу нельзя прийти как потребитель.

Нельзя выбрать из духовного мира только то, что приятно, полезно, ресурсно и расширяет сознание, а всё, что требует покаяния, боли, честности, самопреодоления и любви, оставить в стороне.

Но именно так часто и происходит.

Духовный мир становится набором возможностей.

Не путем истины.

Не путем креста.

Не путем кармы.

А набором техник.

И вот здесь связь с Кастанедой становится очень ясной.

У дона Хуана всё ещё сурово. Там нет мягкой New Age-приятности. Там нет «позитивного мышления». Там нет сладкой гармонии. Там есть смерть, страх, воин, дисциплина, сила, неизвестное.

Но именно он открывает дверь к новому типу духовности: духовности, где главный вопрос уже не спасение души, а изменение состояния сознания.

После него эта линия становится массовой, мягкой, коммерческой, психологизированной.

Суровый воин превращается в потребителя практик.

Смерть как советчик превращается в тренинг личностного роста.

Сновидение превращается в технику самоисследования.

Сила превращается в энергию.

Безупречность превращается в осознанность.

Неизвестное превращается в личную трансформацию.

И всё это, казалось бы, становится безобиднее.

Но не обязательно.

Потому что у дона Хуана хотя бы остаётся серьёзность смерти. В массовом New Age часто исчезает даже она. Остаётся желание хорошего состояния, внутреннего комфорта, лёгкой духовности, гармонии без Голгофы.

Это уже ариманический комфорт в духовной оболочке.

Если раньше Ариман устраивал человеку внешнюю Землю — дом, медицину, потребление, безопасность, — то теперь он начинает устраивать ему внутреннюю Землю.

Внутри тоже должно быть удобно.

Душа тоже должна быть благоустроена.

Страхи должны быть проработаны.

Боль должна быть исцелена.

Смерть должна быть обезврежена.

Энергия должна течь.

Сознание должно расширяться.

Человек должен чувствовать, что он развивается.

Но он не должен стоять перед Христом.

Вот это главное.

New Age может говорить о любви, но часто эта любовь не есть Христова любовь. Это скорее приятное чувство единства, принятия, гармонии, мягкости, позитивной связанности со всем. Христова любовь же требует жертвы, правды, креста, сострадания к конкретному человеку, преодоления собственного эгоизма.

New Age может говорить о свете, но этот свет не обязательно является светом Христовым. Он может быть просто переживанием тонкой энергии или люциферическим сиянием, уже поставленным на службу ариманическому саморасширению.

New Age может говорить о карме, но часто превращает её в удобную психологическую схему: что со мной происходит и как мне это проработать. Тогда карма перестаёт быть великим ритмом души между Землёй и духовным миром и становится инструментом объяснения личного опыта.

New Age может говорить о бессмертии, но не как о воскресении души во Христе, а как о продолжении энергии, сознания, вибрации, переходе на иной уровень.

И потому мы снова возвращаемся к главному: духовный мир перестаёт быть царством Отца и становится областью техники.

Техники медитации.

Техники дыхания.

Техники тела.

Техники визуализации.

Техники сновидения.

Техники исцеления.

Техники повышения энергии.

Техники изменения судьбы.

Техники контакта с невидимым.

Но если духовный мир становится областью техники, то человек начинает входить в него не как сын, возвращающийся к Отцу, а как пользователь, оператор, практик, экспериментатор.

Это и есть ариманизация духовности.

Не грубое отрицание духовного.

А превращение духовного в управляемую область земного сознания.

И здесь Кастанеда занимает особое место.

Он ещё не New Age в мягком массовом смысле. Дон Хуан слишком суров для этой мягкости. Но Кастанеда является одним из тех, кто открыл западному человеку дверь из религии спасения в технику сознания. А дальше через эту дверь вошло многое.

Часть вошедшего была поверхностной.

Часть — опасной.

Часть — искренне ищущей.

Часть — коммерческой.

Но общий вектор оставался одним: духовность без Христа.

Именно это должно нас интересовать.

Не надо сводить всё к обвинению людей. Многие, кто входил в New Age, действительно искали. Они не хотели быть грубыми материалистами. Они хотели смысла, глубины, исцеления, живого опыта. Их поиск не надо презирать.

Но надо различать духов.

И с этой точки зрения New Age является трагическим явлением.

Это тоска по духовному миру, перехваченная Ариманом.

Человек уже не хочет жить только в материальном.

Но вместо того чтобы прийти ко Христу как Владыке Кармы, он приходит к практикам, энергиям, техникам и состояниям.

Он хочет не Неба.

Он хочет расширенной Земли.

И в этом смысле New Age является продолжением ариманической области комфорта.

Только комфорт теперь становится духовным.

Не просто удобный дом.

А удобная душа.

Не просто здоровое тело.

А энергетически настроенное тело.

Не просто долгая жизнь.

А ощущение внутреннего бессмертия.

Не просто потребление вещей.

А потребление духовных переживаний.

Так ариманизация поднимается на более тонкий уровень.

И если дон Хуан дал суровый образ воина, который хочет сохранить осознание перед смертью, то New Age сделал этот общий поворот массовым, мягким и почти бытовым.

Теперь уже не надо быть воином.

Достаточно быть ищущим.

Не надо смотреть смерти в лицо.

Можно говорить о переходе, энергии и трансформации.

Не надо быть безупречным.

Можно быть осознанным.

Не надо принимать Христа.

Можно выбрать практику, которая «резонирует».

И вот так духовная трагедия превращается в рынок духовных возможностей.

Но духовно за этим стоит всё та же подмена.

Спасение души заменяется улучшением состояния.

Христос заменяется опытом.

Карма заменяется техникой.

Духовный мир заменяется пространством энергий.

Воскресение заменяется продолжением сознания.

И потому путь от дона Хуана к New Age — это не случайная культурная линия.

Это один из путей, по которым ариманическое посвящение стало массовой духовной атмосферой второй половины XX века.

Дон Хуан был старцем на пороге смерти.

New Age стал мягкой цивилизацией духовных практик.

Но в обоих случаях человек всё дальше уходил от главного вопроса:

как моей душе пройти через смерть ко Христу?

И всё чаще задавал другой вопрос:

как мне расширить, исцелить, усилить и сохранить своё сознание?

Вот в этой перемене вопроса и заключается вся суть ариманизации современной духовности.

18. От внутренней техники сознания к внешнему трансгуманизму

Теперь становится ясно, что Кастанеда — это вовсе не странная боковая тема.

На первый взгляд может показаться, что мы слишком далеко ушли от главного. Мы говорим об Аримане, об инкарнации, о XX веке, о демографическом переломе, о духовной судьбе человечества — и вдруг так много внимания уделяем какому-то дону Хуану, сновидению, шаманизму, Кастанеде, New Age.

Но это только на первый взгляд.

На самом деле именно здесь проходит одна из главных линий современности.

Потому что прежде чем возникнет внешняя техника бессмертия, должна возникнуть внутренняя мечта о бессмертии сознания.

Прежде чем человек начнёт говорить о цифровом бессмертии, о загрузке сознания, о виртуальных двойниках, о нейросетях, о продлении жизни, о биотехнологическом управлении телом, он должен сначала внутренне согласиться с одной мыслью:

сознание можно сохранить.

Сознание можно удержать.

Сознание можно провести через границу смерти.

Смерть не обязательно должна быть духовным переходом к Отцу.

Она может стать задачей.

Проблемой.

Рубежом.

Техническим препятствием.

И вот здесь дон Хуан оказывается не остатком архаического прошлого, а предвестником будущего.

Он говорит языком пустыни, сновидения, силы, внимания и смерти. Современный трансгуманизм говорит языком биотехнологий, искусственного интеллекта, цифровых копий, нейросетей, загрузки сознания и продления жизни.

Слова разные.

Картины разные.

Одежда разная.

Но внутренний вопрос один и тот же:

как сохранить земное сознание без Христа?

Вот почему я предлагаю такую формулу:

**Дон Хуан — мистериальная прелюдия трансгуманизма.
Трансгуманизм — техническое продолжение дона Хуана.**

У дона Хуана всё ещё происходит внутри человека.

Нужно изменить восприятие.

Остановить внутренний диалог.

Научиться сновидеть.

Собрать внимание.

Сохранить силу.

Стать безупречным.

Подготовиться к смерти.

Не быть поглощённым обычной человеческой судьбой.

Это внутренняя техника сознания.

У трансгуманизма та же мечта выходит наружу.

Теперь уже не только сознание должно быть дисциплинировано изнутри. Теперь сама цивилизация должна стать машиной удержания человека в земной сфере.

Тело надо продлить.

Мозг надо изучить.

Память надо записать.

Личность надо смоделировать.

Сознание надо перенести.

Смерть надо отложить.

Старость надо победить.

Земную личность надо сохранить в каком-нибудь новом носителе.

Так внутренняя мистерия дона Хуана переходит во внешнюю цивилизационную программу.

Раньше воин сознания должен был сам подготовиться к встрече со смертью.

Теперь лаборатория, цифровая система, биоинженерия и искусственный интеллект должны помочь человеку не исчезнуть.

Но духовная подмена остаётся той же самой.

Не воскресение.

Не преображение души.

Не прохождение через духовный мир.

Не возвращение к Отцу.

А сохранение земной личности.

Сохранение памяти.

Сохранение сознания.

Сохранение образа себя.

Сохранение того, что человек привык считать своим «я».

И вот это чрезвычайно важно.

Трансгуманизм обычно выглядит как научно-техническая программа. Его обсуждают в терминах медицины, биологии, нейронауки, искусственного интеллекта, цифровых технологий, философии сознания. Но духовно он является не просто продолжением науки. Он является продолжением древней оккультной мечты — мечты о преодолении смерти без Христа.

Только раньше эта мечта выражалась в мистериальном языке.

Теперь она выражается в техническом.

Раньше говорили: сохрани осознание.

Теперь говорят: сохрани данные личности.

Раньше говорили: пройди смерть как воин.

Теперь говорят: продли жизнь, замени органы, создай цифровую копию, перенеси сознание.

Раньше говорили: тело надо сделать инструментом перехода.

Теперь говорят: тело надо улучшить, модифицировать, продлить, заменить, дополнить.

Раньше говорили: человек должен перестать быть обычным человеком.

Теперь говорят: человек должен стать постчеловеком.

Разве это не одна линия?

Конечно, внешне дон Хуан и трансгуманизм кажутся противоположностями.

Дон Хуан — пустыня, старый индейский учитель, тайное знание, сновидение, магия, смерть как советчик.

Трансгуманизм — лаборатории, компьютеры, биотехнологии, искусственный интеллект, цифровые системы, медицина будущего, философия продления жизни.

Но духовно они могут быть двумя стадиями одного процесса.

Первая стадия — мистериальная.

Вторая — техническая.

Сначала человеку даётся внутренний образ: сознание можно вывести за пределы обычной смерти.

Потом ему даётся внешняя цивилизационная надежда: сознание можно сохранить с помощью техники.

И если мы это увидим, то Кастанеда перестанет быть экзотической темой. Он окажется одним из ранних симптомов того, что сегодня становится почти главным проектом ариманической цивилизации.

Ведь что такое современная мечта о цифровом бессмертии?

Это не просто желание оставить после себя память. Люди всегда хотели, чтобы о них помнили. Памятники, книги, дети, ученики, произведения — всё это существовало с древности. Это ближе к люциферическому бессмертию духа, к бессмертию имени, мысли, образа, культуры.

Но цифровое бессмертие хочет другого.

Оно хочет не просто, чтобы о человеке помнили.

Оно хочет, чтобы человек как будто продолжался.

Чтобы его голос отвечал.

Чтобы его образ говорил.

Чтобы его память была доступна.

Чтобы его стиль мышления можно было воспроизвести.

Чтобы его личность можно было смоделировать.

Чтобы исчезновение стало не окончательным, а технически смягчённым.

Это уже не бессмертие имени.

Это попытка симулировать бессмертие сознания.

И в этом смысле цифровой двойник — это поздний, внешний, технический родственник кастанедовского сохранения осознания.

Конечно, между ними огромная разница. Дон Хуан требует внутренней дисциплины. Цифровая цивилизация предлагает внешнюю имитацию. У дон Хуана человек должен стать воином. В трансгуманистической культуре человек часто хочет, чтобы техника сделала за него то, чего он сам не способен совершить.

Но направление одно: не отдать смерть Христу.

Не пройти через неё как душа.

А обойти её.

Внутренне или внешне.

Магически или технически.

Через сновидение или через цифровую модель.

Через силу внимания или через искусственный интеллект.

Через тело воина или через биотехнологически улучшенное тело.

Именно поэтому трансгуманизм является не просто научной утопией, а духовным симптомом.

Он показывает, что ариманическая мечта становится всё более откровенной.

Если раньше она должна была скрываться в мистериальной маске, то теперь она может почти прямо сказать человеку:

ты не обязан умирать;

ты не обязан смиряться;

ты не обязан проходить через духовный мир;

ты не обязан доверять себя Богу;

твоё сознание можно сохранить;

твоё тело можно улучшить;

твою личность можно продолжить;

Земля может стать твоим окончательным домом.

Вот это и есть ариманическая религия будущего.

Религия без Бога.

Бессмертие без воскресения.

Спасение без Христа.

Духовность без духовного мира.

Вечность как технически продлённое земное существование.

И в этом смысле современный человек оказывается перед тем же выбором, только в новой форме.

Христос говорит: пройди через смерть со Мной, и ты обретёшь жизнь.

Ариман говорит: не проходи через смерть, я научу тебя остаться.

Дон Хуан говорит это мистериально.

Трансгуманизм говорит это технически.

Но духовный соблазн один и тот же.

Особенно важно понять, что трансгуманизм не возникает на пустом месте. Он подготовлен всем ходом второй половины XX века.

Сначала человек привыкает к тому, что медицина должна всё сильнее отодвигать смерть.

Потом — что психология должна снимать душевную боль.

Потом — что духовные практики должны улучшать состояние сознания.

Потом — что технологии должны расширять возможности тела и ума.

Потом — что искусственный интеллект может воспроизводить человеческую речь, стиль, память, образ личности.

И наконец возникает почти неизбежный вопрос: а почему бы не сохранить самого человека?

Но что значит «самого человека»?

Вот здесь начинается главная ложь.

Человека нельзя сохранить как набор данных.

Нельзя сохранить как голос.

Нельзя сохранить как модель поведения.

Нельзя сохранить как память.

Нельзя сохранить как цифровую тень.

Потому что человек — это не только информация. Не только психика. Не только мозг. Не только стиль мышления. Не только сумма воспоминаний. Человек — это существо кармическое, духовное, связанное с Землёй и Небом, с телом и душой, с Я и Христом, с рождением и смертью, с духовным миром между смертью и новым рождением.

Но ариманическая цивилизация будет всё настойчивее внушать обратное.

Она будет говорить: личность — это данные.

Сознание — это процесс.

Память — это структура.

Тело — это биологическая машина.

Смерть — это технический сбой.

Бессмертие — это вопрос достаточно развитой технологии.

И вот тогда ариманическая подмена станет почти полной.

Духовная тайна человека будет переведена на язык инженерной задачи.

То, что должно быть предметом благоговения, станет объектом управления.

То, что должно вести к Христу, станет поводом для создания новой машины.

То, что должно раскрывать человеку духовный мир, будет замкнуто в земной технике.

Именно это уже предчувствуется у дона Хуана.

Конечно, у него нет цифрового языка. Но у него есть главная предпосылка: сознание можно сделать объектом техники.

Можно работать с ним.

Можно перестраивать его.

Можно укреплять его.

Можно проводить его через необычные области.

Можно готовить его к смерти.

Можно пытаться удержать его.

Вот эта предпосылка и переходит затем в современную цивилизацию.

Там, где дон Хуан говорит «воин», современность говорит «пользователь».

Там, где дон Хуан говорит «сновидение», современность говорит «виртуальная реальность».

Там, где дон Хуан говорит «сохранение осознания», современность говорит «цифровое бессмертие».

Там, где дон Хуан говорит «сила», современность говорит «технологическая мощь».

Там, где дон Хуан говорит «смерть как советчик», современность говорит «смерть как проблема, которую надо решить».

И так мистериальная ариманическая линия выходит на поверхность.

В доне Хуане она ещё скрыта в древней маске.

В трансгуманизме она уже становится программой цивилизации.

Вот почему мне кажется ошибкой рассматривать трансгуманизм только как явление XXI века. Его корни глубже. Он был подготовлен не только наукой и техникой, но и изменением самого духовного воображения человека.

Человек должен был перестать мыслить смерть религиозно.

Он должен был перестать мыслить душу христиански.

Он должен был начать мыслить сознание технически.

И вот здесь Кастанеда сыграл огромную роль.

Он приучил западного читателя к мысли, что сознание — это поле работы.

Что восприятие можно перестраивать.

Что обычный человек — это лишь ограниченная форма.

Что смерть можно встретить не как верующий, а как практик.

Что главное — не спастись, а не потерять осознание.

Это и есть духовная подготовка трансгуманизма.

Не прямая, конечно.

Не внешне-организационная.

Не в виде научной программы.

А внутренняя.

Мистериальная.

Образная.

Антропологическая.

Дон Хуан изменил образ человека.

А трансгуманизм продолжает это изменение уже средствами техники.

Дон Хуан говорит: обычный человек должен быть преодолен.

Трансгуманизм говорит: человек должен быть улучшен.

Дон Хуан говорит: восприятие надо перестроить.

Трансгуманизм говорит: мозг и тело надо модифицировать.

Дон Хуан говорит: смерть можно встретить иначе.

Трансгуманизм говорит: смерть можно отменить или отложить.

Дон Хуан говорит: осознание можно сохранить.

Трансгуманизм говорит: личность можно продолжить технически.

Это разные языки одной и той же ариманической мечты.

И здесь надо снова подчеркнуть: сама по себе медицина, техника, искусственный интеллект, биология, продление жизни, забота о здоровье — не зло. Было бы примитивно всё это демонизировать. Человек должен лечить болезни. Должен облегчать страдания. Должен развивать науку. Должен понимать природу. Должен использовать разум.

Проблема начинается тогда, когда всё это перестаёт быть служением человеческому развитию и становится заменой духовного пути.

Когда медицина начинает претендовать на победу над смертью.

Когда техника начинает претендовать на бессмертие.

Когда искусственный интеллект начинает казаться продолжением человеческого Я.

Когда цифровой след начинают путать с душой.

Когда продление жизни начинают воспринимать как высшее благо.

Когда Земля окончательно подменяет Небо.

Вот это уже Ариман.

Не техника как таковая.

А техника, ставшая религией земного бессмертия.

Не наука как таковая.

А наука, забывшая о духовной природе человека.

Не медицина как таковая.

А медицина, превратившая смерть из духовного порога в техническую неудачу.

Не искусственный интеллект как инструмент.

А искусственный интеллект как обещание продолжения личности без души.

Именно поэтому линия от дона Хуана к трансгуманизму так важна.

Она показывает, что современный технократический соблазн имеет не только научные, но и мистериальные корни.

Прежде чем человек стал мечтать о цифровом бессмертии, он уже был духовно подготовлен к мысли, что главное — сохранить осознание.

Прежде чем он захотел загрузить сознание в машину, он уже перестал понимать смерть как путь души к Отцу.

Прежде чем он стал говорить о постчеловеке, он уже поверил, что обычный человек должен быть преодолен не через Христа, а через силу, технику и изменение сознания.

И вот здесь наша гипотеза о доне Хуане получает ещё одно подтверждение.

Если дон Хуан был бы просто шаманом, просто литературным образом или просто экзотической фигурой контркультуры, его линия могла бы закончиться в 1960-х годах.

Но она не закончилась.

Она продолжилась.

Сначала — в New Age.

Потом — в психотехниках.

Потом — в культуре осознанности без совести.

Потом — в идеях расширения сознания.

Потом — в трансгуманизме.

Потом — в мечте о цифровом бессмертии.

Это значит, что через него был затронут не случайный мотив, а нерв эпохи.

Главный нерв ариманической эпохи.

Как остаться?

Как сохранить себя?

Как не пройти через смерть по-христиански?

Как не отдать сознание духовному миру?

Как сделать Землю окончательной?

Именно поэтому формула остаётся такой:

**Дон Хуан — мистериальная прелюдия трансгуманизма.
Трансгуманизм — техническое продолжение дона Хуана.**

В первом случае Ариман говорит языком древнего учителя.

Во втором — языком будущей машины.

Но в обоих случаях он предлагает человеку одно и то же:

бессмертие без воскресения;

сознание без Христа;

земное продолжение вместо духовного возвращения;

технику вместо благодати.

И если мы это поймём, то увидим: Кастанеда не уводит нас в сторону от современности. Напротив, через него мы подходим к самому центру современной ариманической цивилизации.

19. Почему антропософы могли не заметить этот симптом

Теперь надо задать неприятный вопрос.

Почему всё это могло остаться почти незамеченным в самой антропософской среде?

Ведь, казалось бы, именно антропософы должны были первыми распознать подобный духовный симптом. Именно антропософия дала человечеству наиболее ясное различие Люцифера, Христа и Аримана. Именно Рудольф Штайнер предупреждал о грядущей инкарнации Аримана. Именно антропософское мышление должно было научиться смотреть не только на внешние события, но и на скрытую духовную симптоматику эпохи.

И всё же, как мне кажется, тема Кастанеды и дона Хуана почти не была осмыслена в антропософской среде в её настоящем значении.

Почему?

Думаю, здесь есть несколько причин.

Первая причина довольно проста: антропософы слишком часто ищут Аримана там, где он уже стал внешним.

В технике.

В банках.

В политике.

В бюрократии.

В цифровизации.

В вакцинах.

В искусственном интеллекте.

В трансгуманизме.

В мировом правительстве.

В глобальном контроле.

В медицинских системах.

В экономических механизмах.

Всё это, конечно, не случайно. Во всех этих областях ариманический элемент действительно действует очень сильно. Было бы глупо это отрицать. Современная цивилизация во многом построена на ариманической логике: расчёт, управление, стандартизация, контроль, техника, удобство, безопасность, предсказуемость, земная эффективность.

Но беда начинается тогда, когда антропософское сознание видит только внешние формы Аримана.

То есть видит уже результат.

Видит машину, но не видит внутреннего решения, которое сделало эту машину желанной.

Видит цифровизацию, но не видит предварительного изменения человеческого сознания.

Видит трансгуманизм, но не видит той духовной мечты, из которой он вырос.

Видит искусственный интеллект, но не видит более ранней идеи: сознание можно сделать объектом техники.

А ведь прежде чем Ариман станет внешней техникой, он должен стать техникой сознания.

Это главный пункт.

Никакая машина не могла бы так глубоко завладеть человеком, если бы человек внутренне не был уже подготовлен к машинному отношению к самому себе.

Никакой трансгуманизм не стал бы соблазнительным, если бы человек заранее не перестал понимать смерть как духовный порог.

Никакое цифровое бессмертие не привлекало бы людей, если бы они заранее не начали мыслить себя как сохраняемое сознание, как память, как информация, как управляемая структура.

Никакая ариманическая цивилизация не могла бы быть построена только извне.

Она должна была сначала возникнуть внутри человека.

И вот именно этот внутренний этап антропософы часто пропускают.

Они видят компьютер.

Но не видят предшествующую ему технику внимания.

Они видят нейросеть.

Но не видят более раннюю духовную установку: сознание можно перестраивать, удерживать, переносить, сохранять.

Они видят трансгуманиста в лаборатории.

Но не видят воина сознания у дона Хуана.

Они видят позднюю техническую форму.

Но не видят мистериальную прелюдию.

Вторая причина заключается в том, что антропософы часто слишком легко отдают всю область необычной духовности Люциферу.

Если человек говорит о магии, изменённых состояниях, видениях, сновидениях, шаманизме, тайном знании, духовных мирах, то его сразу относят к люциферической области. И в этом есть доля правды. Люциферический элемент там действительно почти всегда присутствует.

Но если остановиться на этом, можно не заметить главного.

В современной эпохе тайное знание уже не обязательно служит люциферическому восхождению. Оно всё чаще становится материалом для ариманической техники.

Сновидение перестаёт быть просто мистическим опытом. Оно становится методом.

Восприятие перестаёт быть органом созерцания. Оно становится объектом управления.

Духовный мир перестаёт быть областью откровения. Он становится полем практики.

Тело перестаёт быть только земной оболочкой. Оно становится инструментом перехода.

Смерть перестаёт быть тайной. Она становится задачей.

Вот это уже не просто Люцифер.

Это уже Ариман, использующий люциферический материал.

Именно поэтому дон Хуан так трудно распознаётся. Внешне он похож на фигуру магическую, шаманскую, люциферическую. Но центр его пути — не вдохновение, не красота, не мудрость, не духовный полёт. Центр — техника сохранения осознания.

А это уже ариманическая цель.

Третья причина — антропософы нередко ищут Аримана слишком страшным.

И здесь я возвращаюсь к тому, с чего начиналась вся статья.

Многие хотят видеть Аримана в образе катастрофы. В чём-то мрачном, пугающем, насильственном, тёмном, тоталитарном. Им кажется, что если где-то есть страх, контроль, принуждение, ужас, значит там и надо искать главный след Аримана.

Но Ариман может действовать совсем иначе.

Он может прийти как освобождение от страха.

Как здоровье.

Как порядок.

Как удобство.

Как защита.

Как дисциплина.

Как внутренняя собранность.

Как метод.

Как способность не теряться.

Как обещание пройти смерть без паники.

Вот почему дон Хуан так опасен для распознавания.

Он не выглядит пошло.

Он не выглядит слабо.

Он не выглядит как торговец дешёвой мистикой.

Он не выглядит как расслабленный гуру для потребителей духовных удовольствий.

Он строг.

Он трезв.

Он силён.

Он презирает слабость, нытьё, саможаление, рассеянность.

Многие антропософы, уставшие от поверхностной духовности, могли бы даже почувствовать к нему уважение.

И в этом-то всё дело.

Ариманическое не всегда отвратительно.

Иногда оно внушает уважение.

Своей точностью.

Своей дисциплиной.

Своей сухой серьёзностью.

Своим презрением к хаосу.

Своей волевой чистотой.

Но если в этой серьёзности нет Христа, она может стать одним из самых опасных соблазнов.

Четвёртая причина — антропософская среда часто недостаточно серьёзно относится к культуре второй половины XX века.

Слишком легко сказать: Кастанеда — это контркультура, хиппи, психоделия, шаманская мода, литературная мистификация, студенческая экзотика. И действительно, во всём этом была мода, была неопределённость, была культурная игра, было много иллюзий.

Но через культурную моду иногда входит очень серьёзный духовный импульс.

История вообще редко предупреждает нас заранее: сейчас перед вами важнейший симптом эпохи. Чаще всё происходит буднично, странно, смешанно, неясно. Великое входит в мир в формах, которые современники легко принимают за случайность.

Кастанеда мог выглядеть как автор модных книг.

Дон Хуан — как загадочный шаман.

Психоделическая эпоха — как молодёжный бунт.

New Age — как духовный базар.

Но за всем этим проступал огромный сдвиг: духовность переставала быть путём спасения и становилась техникой сознания.

И если антропософия не видит таких переходов, она теряет способность читать эпоху.

Пятая причина — антропософы иногда слишком доверяют готовым схемам.

Есть число 666.

Есть ожидание 1998 года.

Есть рассуждения о западной инкарнации.

Есть набор привычных тем: банки, техника, англосаксонский мир, материализм, медицина, цифровизация, искусственный интеллект.

И всё это создаёт определённую рамку.

Но рамка может ослеплять.

Человек начинает искать только то, что заранее ожидает найти. Он ждёт Аримана в банке — и не видит его в духовной практике. Ждёт его в компьютере — и не видит в учении о сохранении осознания. Ждёт его в политике — и не видит в старом индейском учителе. Ждёт его в явном материализме — и не видит в духовности без Христа.

Ариман умеет пользоваться ожиданиями.

Если его ждут в одном месте, он может действовать в другом.

Если его ищут как внешнюю машину, он может сначала войти как внутренняя техника.

Если его ищут как врага духовности, он может прийти как учитель духовной дисциплины.

Вот почему антропософское мышление должно быть свободным от шаблонов.

Не свободным от Штайнера, нет.

А свободным от механического, мёртвого, вторичного употребления штайнеровских указаний.

Штайнер дал направление.

Но он не освобождал нас от необходимости мыслить.

Наоборот, он требовал именно мышления.

Трезвого, ясного, различающего, не впадающего ни в страх, ни в сенсационность, ни в догматическое повторение готовых формул.

И если мы действительно хотим быть верными духовной науке, мы должны спрашивать не только: где техника? где материализм? где цифровой контроль?

Мы должны спрашивать глубже:

где человек перестал нуждаться в духовном мире?

где смерть стала технической задачей?

где спасение души было заменено сохранением сознания?

где духовная дисциплина отделилась от Христа?

где опыт стал важнее истины?

где безупречность заменила совесть?

где сила заменила любовь?

И вот тогда дон Хуан снова оказывается перед нами.

Не как случайная фигура.

Не как литературная экзотика.

А как симптом, который антропософская среда могла пропустить именно потому, что он не соответствовал привычным ожиданиям.

Он не был банкиром.

Не был политиком.

Не был цифровым инженером.

Не создавал искусственный интеллект.

Не призывал к мировому контролю.

Не строил технократическую империю.

Он просто учил ученика быть воином сознания перед лицом смерти.

Но, возможно, именно это и было важнее всего.

Потому что внешняя техника приходит позже.

Сначала надо изменить образ человека.

Надо внушить ему, что он не душа, идущая через смерть к Отцу, а сознание, которое должно научиться сохранять себя.

Надо заменить покаяние дисциплиной.

Надо заменить Христа неизвестным.

Надо заменить воскресение сохранением осознания.

Надо заменить духовный мир областью силы.

И только после этого можно строить внешние формы: трансгуманизм, цифровое бессмертие, нейротехнологии, искусственный интеллект, виртуальные двойники.

Антропософы могли не заметить дона Хуана именно потому, что смотрели на поздние формы.

На уже отвердевший Ариман.

На Аримана в машине.

На Аримана в бюрократии.

На Аримана в лаборатории.

На Аримана в банке.

Но дон Хуан показывает Аримана ещё до машины.

Аримана в посвящении.

Аримана в технике сознания.

Аримана у порога смерти.

И это гораздо тоньше.

Здесь нужно быть справедливым. Не все антропософы обязаны были заниматься Кастанедой. Не все должны были видеть в нём важнейший симптом. У каждого исследователя своя область внимания. И всё же сам факт почти полного отсутствия серьёзного антропософского осмысления этой темы говорит о некоторой слепоте.

Мы слишком часто боремся с внешними симптомами.

И слишком редко спрашиваем, какой духовный образ человека сделал эти симптомы возможными.

Ариманическая цивилизация начинается не с компьютера.

Она начинается с нового человека.

С человека, который хочет не спасения, а эффективности.

Не покаяния, а осознанности.

Не любви, а силы.

Не воскресения, а сохранения сознания.

И дон Хуан является одним из первых великих образов такого человека.

Вот почему антропософская критика современности должна быть глубже.

Недостаточно говорить: техника опасна.

Надо спросить: почему человек захотел превратить самого себя в технику?

Недостаточно говорить: искусственный интеллект опасен.

Надо спросить: почему человек начал мыслить сознание как объект управления?

Недостаточно говорить: трансгуманизм опасен.

Надо спросить: почему человек перестал доверять смерти Христу?

Недостаточно говорить: New Age ложен.

Надо спросить: почему человек захотел духовности без покаяния?

И здесь Кастанеда становится необходимым звеном.

Через него видно, как западный человек был подготовлен к новому типу духовности: не религиозной, не христианской, не моральной, но строгой, опытной, технической, обращённой к силе и сохранению осознания.

И если антропософия хочет быть действительно духовной наукой современности, она не может ограничиваться критикой внешней техники.

Она должна увидеть внутреннюю технику сознания.

Она должна увидеть, что Ариман приходит не только через машины, но и через практики.

Не только через цифровые системы, но и через духовные методы.

Не только через материализм, но и через оккультизм без Христа.

Не только через комфорт, но и через безупречность без любви.

И тогда фигура дона Хуана займёт своё настоящее место.

Не как случайный эпизод контркультуры.

Не как вопрос литературной достоверности.

Не как экзотическая периферия.

А как один из ключевых симптомов того, как Ариман во второй половине XX века начал переводить духовность на язык техники.

Именно поэтому антропософы могли его не заметить.

Они слишком часто искали Аримана там, где он уже стал железом, цифрой, системой и аппаратом.

А он, возможно, гораздо раньше явился там, где человек впервые услышал:

собери внимание;

стань безупречным;

измени восприятие;

встреться со смертью;

сохрани осознание.

И в этом голосе, если вслушаться духовно, звучит уже не просто шаманская мудрость.

В нём звучит зов ариманической эпохи.

20. Христос как ответ на ариманическое бессмертие

Теперь мы подходим к тому месту, где вся статья должна изменить тон.

До сих пор мы в значительной степени занимались распознаванием. Мы пытались понять, почему вопрос об инкарнации Аримана нельзя решать через простую нумерологию. Почему 1960-е годы важнее 1998 года. Почему дон Хуан не может быть понят только как литературный персонаж, шаман или люциферический маг. Почему его путь связан не столько с мудростью, сколько с техникой сознания. Почему в центре этого пути стоит не спасение души, а сохранение осознания.

Но если на этом остановиться, статья может стать слишком разоблачительной.

А это было бы ошибкой.

Потому что антропософское понимание зла не должно превращаться в охоту на демонов. Оно должно вести к Христу. Если мы распознаём ариманическое только для того, чтобы назвать его, испугаться, осудить и оттолкнуть, значит, мы ещё не поняли главного.

Главное не в том, чтобы сказать: «Дон Хуан плохой».

Это слишком мелко.

И даже неверно по существу.

Потому что дон Хуан не плох в бытовом смысле. Он не пошл. Не слаб. Не глуп. Не сентиментален. Не поверхностен. Не развратен. Не похож на дешёвого духовного обманщика, который продаёт людям приятные иллюзии.

Наоборот.

Он силён.

Он строг.

Он глубок.

Он дисциплинирован.

Он почти беспощаден к человеческой слабости.

Он говорит человеку: перестань ныть, перестань жалеть себя, перестань жить как автомат, перестань рассеивать силу, перестань прятаться от смерти, собери внимание, стань настоящим, будь готов.

И именно поэтому его образ так опасен.

Плохое легко отвергнуть.

Слабое легко разоблачить.

Пошлое легко высмеять.

Но что делать с духовной серьёзностью без Христа?

Вот главный вопрос.

Дон Хуан предлагает человеку настоящую серьёзность. Не игрушечную. Не декоративную. Не книжную. Он заставляет человека выйти из обычного состояния сна. Он показывает, что обычный человек живёт как пленник собственных привычек, страхов, слов, воспоминаний, образа самого себя. Он требует от ученика внутренней собранности.

И всё это может показаться почти спасительным.

Особенно современному человеку, окружённому комфортом, развлечениями, психологическими оправданиями и бесконечной заботой о собственном самочувствии.

На фоне мягкой, расслабленной, потребительской духовности дон Хуан выглядит почти как суровый пророк трезвости.

Но в этом и состоит подмена.

Он предлагает серьёзность — но без Христа.

Он предлагает победу над страхом — но без любви.

Он предлагает власть над смертью — но без воскресения.

Он предлагает бессмертие сознания — но без возвращения к Отцу.

Именно поэтому ответом на дону Хуана не может быть простое отрицание.

Нельзя просто сказать: не читайте Кастанеду, это опасно, это тёмное, это шаманизм, это магия, это не наше. Такой ответ слишком слаб. Он ничего не объясняет. Он оставляет без ответа ту реальную силу, которая в этом образе есть.

А сила там есть.

И если мы не признаем эту силу, мы не поймём, почему она действовала на людей. Почему она продолжает действовать. Почему образ дон Хуана оказался так притягателен для западного сознания. Почему человек, уставший от церковной формы, от буржуазного комфорта, от материализма и психологической болтовни, вдруг мог почувствовать: здесь есть нечто настоящее.

Надо быть честным.

В доне Хуане действительно есть нечто настоящее.

Но не всякое настоящее ведёт ко Христу.

Есть настоящая сила.

Есть настоящая дисциплина.

Есть настоящее мужество.

Есть настоящее знание о слабости человека.

Есть настоящая работа с вниманием.

Есть настоящая близость смерти.

Но всё это может быть поставлено не на службу воскресению души, а на службу сохранению земного сознания.

Вот где проходит граница.

Христос не отрицает серьёзности. Напротив, Христос требует от человека предельной серьёзности. Но это другая серьёзность.

Серьёзность Христа начинается не с силы, а с любви.

Не с удержания себя, а с самоотдачи.

Не с техники, а с доверия.

Не с власти над смертью, а с прохождения через смерть.

Не с сохранения земного сознания, а с преобразования души.

Христос не говорит человеку: стань настолько сильным, чтобы смерть не могла тебя поглотить.

Христос говорит: пройди через смерть со Мной.

Это совершенно другой путь.

У дона Хуана человек должен стать воином перед лицом смерти.

У Христа человек должен стать сыном перед лицом Отца.

Воин собирает себя.

Сын отдаёт себя.

Воин удерживает осознание.

Сын доверяет душу Христу.

Воин встречает смерть как противника или силу, с которой надо иметь дело.

Христианин встречает смерть как порог, через который уже прошёл Христос.

И потому христианин не обязан побеждать смерть собственной техникой.

Он должен соединиться с Тем, Кто уже победил смерть.

Это не пассивность.

Это не слабость.

Это не религиозное утешение для тех, кто боится действовать.

Наоборот, христианское прохождение смерти требует гораздо большего мужества, чем техника самосохранения. Потому что сохранить себя всегда легче, чем отдать себя. Удержать осознание легче, чем позволить своему земному «я» умереть ради рождения высшего Я. Стать сильным легче, чем стать любящим. Стать безупречным легче, чем стать милосердным. Победить страх легче, чем победить гордость.

Вот почему путь Христа глубже пути дон Хуана.

Дон Хуан учит человека не быть добычей смерти.

Христос учит человека пройти через смерть так, чтобы смерть стала вратами воскресения.

Дон Хуан хочет, чтобы человек сохранил осознание.

Христос хочет, чтобы человек обрёл жизнь вечную.

И это не одно и то же.

Сохранение осознания может быть высшей формой самости.

Жизнь вечная есть преображённое бытие в Боге.

Сохранение осознания может удерживать человека в себе.

Жизнь вечная раскрывает человека для Отца.

Сохранение осознания может быть продолжением земной замкнутости.

Жизнь вечная есть победа над этой замкнутостью.

Именно здесь становится ясно, почему ариманическое бессмертие так опасно.

Оно не обязательно выглядит низким. Оно может выглядеть даже героическим. Человек больше не хочет быть ничтожным, рассеянным, беспомощным существом, которое смерть сметает без остатка. Он хочет стать бодрствующим. Он хочет не исчезнуть. Он хочет встретить смерть с открытыми глазами. В этом есть величие.

Но если это величие не проходит через Христа, оно становится величием замкнутого сознания.

А замкнутое сознание, даже если оно сильно, остаётся пленом.

В этом и заключается ариманическая трагедия.

Ариман не просто обманывает человека чем-то ложным. Он берёт подлинную потребность души и поворачивает её в сторону земного удержания.

Человек действительно не должен жить как автомат.

Но пробуждение должно вести ко Христу.

Человек действительно должен преодолеть страх смерти.

Но это преодоление должно совершиться через воскресение, а не через технику.

Человек действительно должен стать внутренне собранным.

Но собранность должна стать органом любви, а не органом самосохранения.

Человек действительно должен выйти из рабства собственной важности.

Но не для того, чтобы накопить силу, а для того, чтобы освободиться для другого человека и для Бога.

Вот где проходит различие.

Христос не отменяет то, что в доне Хуане кажется сильным. Христос раскрывает, куда это должно было бы быть направлено.

Сила должна стать служением.

Внимание должно стать молитвой.

Бодрствование должно стать духовным трезвением.

Память о смерти должна стать покаянием.

Дисциплина должна стать любовью.

Безупречность должна стать чистотой сердца.

Преодоление страха должно стать доверием Христу.

И только тогда всё, что у дона Хуана находится в ариманической подмене, получает своё истинное место.

Именно поэтому христианский ответ не может быть слабым, сентиментальным или морализаторским. Нельзя отвечать дону Хуану мягкой религиозной расплывчатостью. Нельзя противопоставить его суровой дисциплине только добрые слова. Нельзя сказать человеку, которого привлекла сила дона Хуана: оставь это и просто будь хорошим.

Это не сработает.

Потому что человек, почувствовавший серьёзность дона Хуана, уже не удовлетворится мягкой нравучительностью. Он уже понял, что обычная жизнь слишком сонна. Что человек слишком рассеян. Что смерть слишком реальна. Что нужна дисциплина. Что нужно бодрствование. Что нужно преодоление саможаления.

И всё это верно.

Но христианство должно ответить глубже.

Оно должно сказать: да, человек спит. Но пробуждение — это не сохранение осознания, а рождение Я во Христе.

Да, человек рассеян. Но подлинная собранность — это не концентрация силы, а собирание души вокруг Христа.

Да, смерть рядом. Но смерть не должна стать твоим техническим противником. Она должна стать порогом, через который тебя ведёт Воскресший.

Да, жалость к себе разрушает человека. Но освободиться от неё надо не ради неуязвимости, а ради любви.

Да, обычная личность иллюзорна. Но разрушить её надо не для того, чтобы стать магическим воином, а для того, чтобы в человеке родилось подлинное духовное Я.

Именно в этом заключается христианский ответ.

Христос не слабее дон Хуана.

Христос бесконечно глубже.

Но чтобы это увидеть, надо освободить христианство от мещанской оболочки. От привычки превращать его в утешение, мораль, обряд, культурную традицию или психологическую поддержку. Христос — не утешитель земного самодовольства. Христос — победитель смерти.

Если антропософ говорит о Христе только мягко, только нравственно, только культурно, только возвышенно, он проигрывает дону Хуану. Потому что дон Хуан кажется суровее, трезвее и ближе к смерти.

Но если антропософ говорит о Христе как о реальном космическом центре кармы, как о Владыке смерти и воскресения, как о силе, проходящей через самую глубину земного и посмертного пути человека, тогда всё встаёт на место.

Дон Хуан силён перед смертью.

Христос победил смерть.

Дон Хуан учит не бояться смерти.

Христос прошёл через смерть и открыл путь к Отцу.

Дон Хуан учит сохранить осознание.

Христос даёт душе возможность воскреснуть.

Дон Хуан даёт воину технику.

Христос даёт человеку жизнь.

Вот почему финал нашей статьи должен быть христологическим.

Не потому, что надо благочестиво завершить опасную тему упоминанием Христа.

А потому, что без Христа вся тема вообще не может быть правильно понята.

Если Христос не стоит в центре, то мы будем колебаться между страхом перед Ариманом и очарованием доном Хуаном.

Одни скажут: это всё тьма, надо отвергнуть.

Другие скажут: нет, там есть сила и знание.

И обе стороны будут частично правы и в то же время недостаточны.

Только Христос позволяет увидеть полную картину.

Да, у дона Хуана есть сила.

Но эта сила не преображена любовью.

Да, у него есть дисциплина.

Но эта дисциплина не стала служением.

Да, у него есть знание смерти.

Но это знание не знает воскресения.

Да, у него есть путь сознания.

Но это не путь души к Отцу.

Именно поэтому перед нами не просто ложь.

Перед нами подмена.

А подмена всегда опаснее простой лжи.

Ложь можно отвергнуть целиком.

Подмена берёт нечто истинное и меняет центр.

Дон Хуан берёт правду о смерти — и убирает Христа.

Берёт правду о человеческом сне — и убирает покаяние.

Берёт правду о необходимости дисциплины — и убирает любовь.

Берёт правду о слабости обычной личности — и убирает воскресение Я во Христе.

Берёт правду о необходимости бодрствования — и направляет её к сохранению осознания.

Вот почему его путь так трудно просто осудить.

Он состоит не из одной лжи. Он состоит из истин, поставленных в неправильный центр.

Именно поэтому задача антропософа — не просто отвергнуть Кастанеду.

Задача — понять.

Понять, почему этот образ возник.

Понять, какую духовную потребность он удовлетворил.

Понять, какая правда в нём была захвачена.

Понять, где произошла подмена.

Понять, как Ариман использует настоящую человеческую жажду пробуждения, чтобы направить её не ко Христу, а к технике сознания.

И тогда мы сможем ответить не страхом, а различением.

Не запретом, а Христовым пониманием.

Не паникой, а духовной наукой.

Антропософия ведь не должна бояться трудных тем. Она не должна прятаться от Кастанеды, от New Age, от трансгуманизма, от техник сознания, от искусственного интеллекта, от цифрового бессмертия. Всё это надо понимать. Но понимать не внешне, а из центра христианской кармы.

Если Христос есть Владыка Кармы, то главный вопрос о смерти звучит так: куда идёт душа после смерти?

Через кого она проходит этот путь?

Что происходит с её Я?

Сохраняет ли она земное сознание в ариманической замкнутости?

Или преображается через встречу с Христом?

Вот настоящая развилка.

Ариман предлагает человеку остаться собой.

Христос предлагает человеку стать собой в Боге.

Ариман говорит: сохрани сознание.

Христос говорит: потеряй душу ради Меня — и обретёшь её.

Ариман говорит: смерть надо обойти.

Христос говорит: через смерть надо пройти.

Ариман говорит: не отдавай себя.

Христос говорит: отдай себя — и воскреснешь.

И здесь человек должен сделать выбор.

Не между религией и наукой.

Не между старой моралью и новой свободой.

Не между церковностью и шаманизмом.

Не между верой и опытом.

А между двумя видами бессмертия.

Бессмертием удержанного земного сознания.

И бессмертием преображённой души.

Вот почему дон Хуан так важен. Он ставит этот выбор почти в чистом виде.

Он говорит человеку: ты можешь быть не обычным человеком. Ты можешь стать воином. Ты можешь подготовиться к смерти. Ты можешь сохранить осознание.

Христос говорит: ты можешь стать сыном. Ты можешь пройти смерть. Ты можешь воскреснуть. Но для этого ты должен не сохранить себя в прежнем виде, а преобразиться.

И это труднее.

Гораздо труднее.

Потому что техника всегда кажется надёжнее любви.

Контроль кажется надёжнее доверия.

Сила кажется надёжнее благодати.

Собранность кажется надёжнее покаяния.

Сохранение кажется надёжнее воскресения.

Но в духовной реальности всё наоборот.

То, что человек пытается сохранить без Христа, становится его пленом.

То, что он отдаёт Христу, воскресает.

Поэтому настоящий ответ на ариманическое бессмертие может быть только один: Христос.

Не как догматическая формула.

Не как церковный лозунг.

Не как внешняя принадлежность.

А как реальная сила, которая одна только может провести человеческую душу через смерть, не замкнув её в земном сознании и не растворив её в безличном духовном потоке.

Христос сохраняет не земное сознание.

Он спасает Я.

Он не консервирует личность.

Он преображает её.

Он не делает человека вечным в его старой форме.

Он открывает ему путь к новой жизни.

И потому перед лицом дона Хуана антропософ должен сказать не только: здесь Ариман.

Он должен сказать: здесь отсутствует Христос.

И именно это отсутствие является главным.

Не шаманизм сам по себе.

Не древнеамериканская маска сама по себе.

Не сновидение само по себе.

Не техника внимания сама по себе.

Не даже память о смерти сама по себе.

А отсутствие Христа в самом центре работы со смертью.

Вот где решается всё.

Там, где смерть становится техникой без Христа, появляется Ариман.

Там, где смерть становится путём через Христа, открывается воскресение.

И поэтому финальный вывод этого раздела должен быть предельно ясным.

Опасность дона Хуана не в том, что он слабый учитель.

А в том, что он сильный учитель без Христа.

Не в том, что он предлагает пустую иллюзию.

А в том, что он предлагает серьёзную дисциплину, но направляет её к сохранению земного осознания.

Не в том, что он зовёт человека вниз.

А в том, что он предлагает пройти порог смерти без возвращения к Отцу.

Именно поэтому перед нами величайшая подмена.

Христос даёт человеку воскресение души.

Ариман предлагает сохранение сознания.

Христос ведёт человека через смерть к Отцу.

Ариман учит человека удержаться у порога без Отца.

Христос освобождает Я через любовь.

Ариман укрепляет сознание через силу.

И потому вся статья, если она хочет быть не просто критикой Кастанеды, а антропософским исследованием, должна завершаться не страхом перед доном Хуаном, а обращением ко Христу.

Потому что только Христос позволяет увидеть, что настоящее бессмертие — это не продолжение земного сознания.

Настоящее бессмертие — это жизнь души в Боге.

И никакая техника, никакая безупречность, никакая сила, никакое сновидение, никакое сохранение осознания не могут заменить того, что даётся человеку через Мистерию Голгофы.

21. Сообщения Рудольфа Штайнера об инкарнации Аримана и моя схема

Теперь необходимо сделать одно важное уточнение.

Всё, что было сказано выше, ни в коем случае не является попыткой отойти от сообщений Рудольфа Штайнера об инкарнации Аримана. Напротив, вся моя попытка исходит из убеждения, что эти сообщения надо принять гораздо серьёзнее, чем это часто делается в антропософской среде.

Но принять серьёзно — вовсе не значит превратить их в календарную загадку.

Именно здесь, как мне кажется, начинается главная ошибка.

Штайнер действительно говорил о грядущей инкарнации Аримана. Он говорил, что это событие должно произойти на Западе. Он предупреждал, что человечеству необходимо подготовиться к распознаванию этого события. Он указывал, что Ариман не придёт просто как некий сказочный чёрт, не явится в карикатурном виде, не будет похож на грубую демоническую фигуру из народных представлений.

Но чего Штайнер не сделал?

Он не назвал точной паспортной даты.

Он не сказал: это будет в 1998 году.

Он не назвал конкретного человека.

Он не дал биографической справки.

Он не предложил простой арифметической формулы, по которой можно было бы без духовного труда определить момент инкарнации.

И вот это очень важно.

Потому что позднейшая антропософская традиция довольно часто сделала именно то, чего сам Штайнер не делал. Она взяла число 666, умножила его на три, получила 1998 год и дальше стала искать вокруг этой даты подходящие события.

Но это, на мой взгляд, не духовное исследование.

Это духовно окрашенная нумерология.

А нумерология, когда она подменяет живое понимание, сама становится арифметической ловушкой. Ведь Ариман как раз и любит всё, что можно вычислить, зафиксировать, формализовать, превратить в схему и тем самым освободить человека от необходимости мыслить живо.

Если бы вопрос об инкарнации Аримана решался простым умножением, то Штайнер сам мог бы прямо назвать эту дату. Но он этого не сделал. Значит, от нас требуется не арифметическое послушание, а духовное различение.

Надо спросить: что именно должно было произойти?

Какое новое качество должно было войти в человечество?

Какой новый соблазн должен был быть дан человеку?

Где в истории возникает не просто очередная катастрофа, не просто очередная война, не просто очередной политический кризис, а принципиально новая возможность земного сознания?

Вот здесь и начинается моя схема.

Я не предлагаю заменить Штайнера собственным построением. Я пытаюсь понять внутреннюю логику его указаний.

Штайнер говорит о реальной инкарнации Аримана.

Я спрашиваю: какова цель этой инкарнации?

Штайнер говорит, что событие связано с Западом.

Я спрашиваю: что следует понимать под Западом в духовно-историческом смысле? Только ли Европу? Только ли англосаксонский мир? Или весь западный полюс земной цивилизации, включая Америку как особую область древних ариманических мистерий?

Штайнер говорит, что Аримана надо распознать.

Я спрашиваю: по каким признакам его можно распознать?

Штайнер предупреждает, что не надо ждать внешнего «крампуса», который будет ходить и совершать злые проделки.

Я делаю вывод: Аримана надо искать не там, где он выглядит максимально страшно, а там, где он действует максимально по-ариманически.

А что значит — по-ариманически?

Это значит: через земную ясность.

Через комфорт.

Через техническое мышление.

Через организацию.

Через продление земной жизни.

Через утрату тоски по духовному миру.

Через превращение смерти из мистерии в проблему.

Через соблазн сохранить земное сознание без Христа и без прохождения через царство Отца.

Именно поэтому я считаю ошибочным искать инкарнацию Аримана прежде всего в мировых войнах, в тоталитарных режимах, в террористических актах или в иных явлениях прямого ужаса. Всё это, конечно, может быть связано с действием демонических сил. Но летальная ярость, массовое уничтожение, человеконенавистничество и идеологический экстаз гораздо ближе к люциферически-зоратовской области, чем к собственно ариманическому центру.

Ариман не обязательно приходит через ужас.

Он может прийти через облегчение.

Через спасение от ужаса.

Через обещание порядка после хаоса.

Через мир после войны.

Через здоровье после эпидемий.

Через комфорт после нищеты.

Через безопасность после страха.

Через земное благополучие после исторических катастроф.

Именно поэтому первая половина XX века, с её войнами, революциями, лагерями, геноцидами, тоталитарными идеологиями и гигантскими жертвами, кажется мне не столько прямой областью инкарнации Аримана, сколько подготовительным люциферически-зоратовским пожаром.

Человечество прошло через страшное переживание смерти.

Оно устало от смерти.

Оно захотело мира, здоровья, стабильности, долгой жизни, защиты тела, защиты ребёнка, защиты старости, защиты потребления, защиты личной свободы, защиты комфорта.

И вот после этой страшной первой половины века начинается совсем другая эпоха.

Эпоха ариманического устроения Земли.

Не сразу в грубой форме трансгуманизма. Не сразу в форме цифрового бессмертия. Не сразу в форме искусственного интеллекта и переноса сознания. Сначала гораздо тоньше.

Через медицину.

Через снижение смертности.

Через демографический взрыв.

Через массовую культуру потребления.

Через психологию.

Через новые практики сознания.

Через духовность без Христа.

Через мечту о расширении восприятия.

Через представление о смерти как о границе, которую можно технически пройти.

И вот здесь 1960-е годы выглядят для меня гораздо более значимым рубежом, чем 1998 год.

Не потому, что я хочу заменить одну дату другой ради новой схемы.

А потому, что именно в районе 1960-х годов мы видим не отдельное событие, а целый исторический перелом.

Меняется отношение человека к телу.

Меняется отношение к смерти.

Меняется отношение к духовности.

Меняется отношение к свободе.

Меняется отношение к сознанию.

Меняется само кармическое дыхание человечества: всё больше душ удерживается в земной сфере, всё меньше остаётся живого переживания духовного мира как подлинной Родины души.

Внешне это выглядит как прогресс.

И во многом это действительно прогресс.

Но духовно этот прогресс становится двусмысленным. Потому что если человеку продлевают земную жизнь, но не открывают смысл смерти; если ему дают здоровье, но не ведут к Христу; если ему дают комфорт, но отучают от тоски по Отцу; если ему дают духовные практики, но без покаяния, без любви, без кармы, без воскресения, — тогда мы имеем дело уже не просто с развитием цивилизации.

Мы имеем дело с ариманизацией.

Именно в этой точке моя схема встречается с сообщениями Штайнера.

Штайнер говорит: Ариман должен воплотиться.

Я говорю: надо искать не только человека, но и то новое качество, которое через это воплощение вошло в человечество.

Штайнер говорит: событие связано с Западом.

Я говорю: Запад в XX веке — это уже не только Европа, но и Америка как центр новой земной цивилизации, как область техники, психологии, массовой культуры, потребления, новых форм сознания и одновременно как континент, связанный с древними ариманическими мистериальными слоями.

Штайнер предупреждает: не представляйте Аримана в виде сказочного злодея.

Я говорю: значит, искать его надо не в образе внешнего монстра, а в образе того, кто даёт человеку соблазн земной силы, земного знания и земного бессмертия.

И вот здесь появляется дон Хуан Матус.

Я не говорю, что Штайнер прямо указал на дона Хуана.

Разумеется, нет.

Такое утверждение было бы и неверным, и безответственным.

Я говорю другое: если понимать сообщения Штайнера не как календарную загадку, а как духовно-историческое предупреждение, то образ дона Хуана оказывается одним из самых серьёзных симптомов ариманического события XX века.

Почему?

Потому что через него западному человеку было дано не просто экзотическое учение индейского шамана.

Было дано нечто гораздо более значительное.

Был дан образ посвящения без Христа.

Образ безупречности без покаяния.

Образ силы без любви.

Образ дисциплины без совести.

Образ преодоления страха смерти без воскресения.

Образ сохранения осознания без прохождения через духовный мир как через царство Отца.

Вот это уже не просто литературная экзотика.

Это духовный симптом огромного масштаба.

И если моя схема верна хотя бы в основном направлении, то дон Хуан Матус является не обязательно «паспортным» Ариманом, не обязательно обычной биографической личностью, которую можно найти в архиве, сфотографировать, записать в метрической книге и предъявить как доказательство.

Он может быть маской.

Но в духовной истории маска иногда говорит больше, чем паспорт.

Маска может быть тем образом, через который невидимое существо входит в культуру. Через который оно становится узнаваемым. Через который оно даёт человечеству определённый способ переживания мира.

Дон Хуан — это маска ариманического посвящения.

Не потому, что он «злой».

Не потому, что он пугает.

Не потому, что он разрушает.

А потому, что он предлагает человеку пройти к смерти без Христа, удержать сознание без Отца, овладеть духовной областью как областью силы, восприятия и техники.

Это и есть главное.

Поэтому я различаю два подхода к сообщению Штайнера об Аримане.

Первый подход — буквальный и внешний.

Он спрашивает:

где родился Ариман?

как его зовут?

какая у него биография?

какого он года рождения?

какие исторические события произошли рядом с этой датой?

Такой подход понятен. Но он легко становится бесплодным. Он может десятилетиями искать внешние совпадения и так и не увидеть самого духовного импульса.

Второй подход — симптоматологический.

Он спрашивает иначе:

какой новый духовный соблазн вошёл в человечество?

какое новое отношение к смерти возникло?

где человек впервые получил образ сохранения земного сознания без Христа?

где духовный мир был превращён не в царство Отца, а в область техники?

где появилась форма посвящения, которая соответствует не Люциферу и не Христу, а именно Ариману?

И вот этот второй подход приводит нас не к 1998 году, а к середине XX века.

К перелому между летальной первой половиной века и комфортно-потребительской второй половиной.

К 1960-м годам.

К Кастанеде.

К дону Хуану.

К New Age.

К последующему трансгуманизму.

К современным мечтам о цифровом бессмертии, загрузке сознания, продлении жизни, нейротехнологиях и искусственном воспроизведении личности.

Тогда вся картина выстраивается в одну линию.

Сначала человечество проходит через люциферически-зоратовскую катастрофу первой половины XX века.

Затем оно устремляется к миру, комфорту, безопасности и продлению земной жизни.

Затем возникает культура расширения сознания, где духовность всё чаще отрывается от Христа.

Затем появляется образ дона Хуана как старческого посвящённого, который учит сохранению осознания на пороге смерти.

Затем эта внутренняя техника сознания постепенно переходит во внешнюю технику трансгуманизма.

И только в этой широкой дуге можно понять, почему вопрос об Аримане не решается ссылкой на одну дату.

Инкарнация Аримана, если она действительно произошла, должна была стать не отдельным происшествием, а узлом целого исторического процесса.

Именно так я и предлагаю её понимать.

Не как отмену Штайнера.

Не как произвольную фантазию поверх Штайнера.

Не как желание «придумать своего Аримана».

А как попытку прочесть его сообщения не механически, а духовно-исторически.

Я не утверждаю, что моя схема исчерпывает тему.

Более того, такая тема вообще не может быть исчерпана одним исследованием. Здесь слишком многое остаётся открытым. Слишком многое требует дальнейшего различения. Слишком многое может быть исправлено, уточнено, дополнено.

Но я утверждаю одно: моя схема позволяет избежать двух ошибок.

Первая ошибка — пустая нумерология 1998 года.

Вторая ошибка — грубый поиск Аримана только во внешнем зле, политике, технике, войнах, деньгах, компьютерах и цифровом контроле.

Да, всё это может быть связано с ариманическим действием.

Но центр вопроса глубже.

Он находится там, где решается судьба человеческой души между смертью и новым рождением.

Там, где человек либо проходит через Землю к Отцу, либо пытается навсегда закрепиться в земном сознании.

Там, где Христос как Владыка Кармы противостоит не только Люциферу, уводящему человека от Земли, но и Ариману, не выпускающему человека из Земли.

Именно поэтому вопрос об инкарнации Аримана в XX веке надо возвращать туда, где он, по существу, и должен стоять: к проблеме смерти, кармы, духовного мира и соблазна бессмертия без воскресения.

А в этой перспективе дон Хуан Матус перестаёт быть просто загадочной фигурой из книг Карлоса Кастанеды.

Он становится одним из самых выразительных образов той ариманической мистерии, которую XX век внёс в человеческое сознание почти незаметно — не через ужас, а через обещание силы; не через разрушение, а через дисциплину; не через отрицание духовного, а через духовность без Христа.

Заключение. Дон Хуан Матус как ариманическая маска XX века

Теперь можно подвести итог.

Я понимаю, что сама постановка вопроса может показаться слишком смелой. Для кого-то даже вызывающей. Дон Хуан Матус — инкарнация Аримана? Или, по крайней мере, одна из главных масок ариманического посвящения XX века? Разве это не слишком странно? Разве не проще искать Аримана в технике, в банках, в политике, в цифровизации, в трансгуманизме, в искусственном интеллекте, в мировой системе контроля?

Проще.

Но именно потому, что проще, это может быть не главным.

Ариман не обязан приходить туда, где мы заранее решили его искать. Он не обязан соответствовать нашим антропософским ожиданиям. Он не обязан явиться в образе очевидного мирового злодея, диктатора, финансиста, инженера или идеолога. И уж точно он не обязан облегчать нам задачу распознавания.

Если мы действительно хотим мыслить этот вопрос духовно-научно, то должны спрашивать не только: где больше всего внешне ариманического? А прежде всего: где человечеству была дана новая возможность, соответствующая самой цели Аримана?

А цель Аримана, как я пытался показать, заключается не просто в распространении материализма. Материализм — это только внешняя оболочка. Гораздо глубже стоит другое: приковать человеческую душу к земному существованию, отучить её от духовного мира, сделать Землю окончательной Родиной человека, превратить смерть не в порог к Отцу, а в технически осваиваемую границу сознания.

Люцифер хочет увести человека от Земли.

Ариман хочет не выпустить человека из Земли.

Христос ведёт человека через Землю к Отцу.

В этом свете XX век раскрывается совсем иначе. Первая его половина была огромным люциферически-зоратовским пожаром: войны, революции, лагеря, тоталитарные идеологии, массовая смерть, культ вождей, ярость физического уничтожения. Но именно после этого пожара человечество стало внутренне готово принять Аримана не как разрушителя, а как устроителя.

Как миротворца.

Как врача.

Как организатора.

Как того, кто обещает безопасность, здоровье, комфорт, долгую жизнь, предсказуемость и свободу от ужаса смерти.

Именно поэтому начало 1960-х годов становится для меня куда более важным рубежом, чем привычные нумерологические построения вокруг 1998 года. В 1960-е годы происходит не просто культурная революция. Происходит изменение самого направления человеческой души. Человек всё меньше спрашивает: как мне спастись? И всё больше спрашивает: как мне расширить сознание, изменить восприятие, овладеть телом, энергией, сновидением, смертью?

Это и есть переход от религии спасения к технике сознания.

И именно в этот момент появляется Кастанеда.

А через него — дон Хуан.

Я не утверждаю, что дон Хуан Матус должен быть обязательно доказан как обычная историческая личность, в которой Ариман воплотился паспортно и биографически. Такая формула была бы слишком грубой. Она сразу превратила бы духовно-симптоматологическое исследование в сенсационное заявление, которое можно легко атаковать со стороны этнографии, литературоведения или биографии самого Кастанеды.

Я утверждаю другое.

В образе дон Хуана впервые в XX веке с необычайной ясностью проступила фигура ариманического посвящения.

Посвящения, направленного не к Христу.

Не к покаянию.

Не к спасению души.

Не к воскресению.

Не к возвращению к Отцу.

А к удержанию земного сознания, к техническому прохождению через смерть, к сохранению осознания, к дисциплине без любви, к силе без благодати, к безупречности без морали.

Вот что делает дона Хуана столь важным.

Он не просто шаман.
Не просто литературный персонаж.
Не просто голос контркультуры 1960-х.
Не просто экзотический учитель из книг Кастанеды.

Он — образ нового типа посвящённого.

Старец на пороге смерти.

Учитель без Церкви.

Мистик без Христа.

Воин без воскресения.

Проводник к смерти без Отца.

Именно поэтому его неуловимость не разрушает гипотезу. Напротив, она делает её тоньше. Дон Хуан может быть реальным человеком. Может быть собирательным образом. Может быть культурной маской. Но во всех случаях он остаётся духовно-историческим симптомом.

Через него в западное сознание вошёл вопрос:

не как моей душе пройти через смерть ко Христу,

а как моему сознанию не исчезнуть.

Это уже вопрос Аримана.

И дальше мы видим, как эта линия раскрывается всё шире. После Кастанеды возникает New Age — духовность практик, состояний, энергий, техник, трансформаций, но часто без Христа, без покаяния, без ясного понимания кармы и без настоящего нравственного перерождения. Потом эта внутренняя техника сознания постепенно переходит во внешнюю цивилизационную форму: трансгуманизм, цифровое бессмертие, виртуальные двойники, искусственный интеллект, нейротехнологии, мечта о продлении жизни и сохранении личности.

То, что у дона Хуана звучало мистериально, в современности начинает звучать технически.

Дон Хуан говорит: сохрани осознание.

Трансгуманизм говорит: сохрани сознание в иной форме.

Дон Хуан говорит: смерть можно пройти иначе.

Трансгуманизм говорит: смерть можно победить технически.

Дон Хуан говорит: обычный человек должен быть преодолен.

Трансгуманизм говорит: человек должен стать постчеловеком.

И в этом смысле дон Хуан действительно оказывается мистериальной прелюдией трансгуманизма, а трансгуманизм — техническим продолжением дона Хуана.

Но ответом на всё это не может быть страх.

И не может быть простое отрицание.

Нельзя просто сказать: Кастанеда плох, дон Хуан опасен, New Age ложен, трансгуманизм демоничен. Это слишком слабо. Это не даёт понимания.

Задача антропософа — не в том, чтобы испугаться Аримана, а в том, чтобы распознать его. И распознать не внешне, не истерически, не по газетным признакам, а из самого центра духовной науки: через понимание человека, смерти, кармы, Христа и будущего человеческого Я.

Опасность дона Хуана не в том, что он слаб.

А в том, что он силен без Христа.

Не в том, что он глуп.

А в том, что он глубок без любви.

Не в том, что он поверхностен.

А в том, что он серьёзен без воскресения.

Он показывает человеку настоящую проблему: человек спит, человек рассеян, человек боится смерти, человек живёт в плену собственной важности. Но ответ, который он даёт, ведёт не к Христу, а к технике сознания.

И вот здесь начинается величайшая подмена.

Христос говорит человеку: пройди через смерть со Мной.

Ариман говорит: научись пройти смерть без Него.

Христос открывает душе путь к Отцу.

Ариман предлагает сознанию удержаться у порога.

Христос преображает Я.

Ариман укрепляет земное сознание.

Христос даёт воскресение.

Ариман обещает сохранение осознания.

И поэтому окончательный вопрос, который ставит перед нами фигура дона Хуана, гораздо глубже литературной или этнографической проблемы. Это не вопрос о том, был ли дон Хуан «на самом деле». Это вопрос о том, какой путь к смерти стал возможен для современного человека после утраты христианского центра.

Путь спасения души?

Или путь сохранения сознания?

Путь к Отцу?

Или путь удержания себя в земной форме?

Путь Христова воскресения?

Или путь ариманического бессмертия?

Вот где проходит настоящая граница.

И потому я завершаю эту статью осторожной, но твёрдой формулой.

Я не утверждаю, что дон Хуан Матус должен быть доказан как обычная историческая личность, в которой Ариман воплотился паспортно и биографически. Я утверждаю другое: в образе дона Хуана впервые в XX веке с необычайной ясностью проступила фигура ариманического посвящения — посвящения, направленного к удержанию земного сознания, к техническому преодолению смерти и к духовности без Христа.

И если Люцифер дал человечеству мечту о бессмертии духа, Христос — реальную возможность бессмертия души, то дон Хуан у Кастанеды стал одной из самых мощных масок того ариманического соблазна, который обещает человеку бессмертие сознания без воскресения и без Отца.